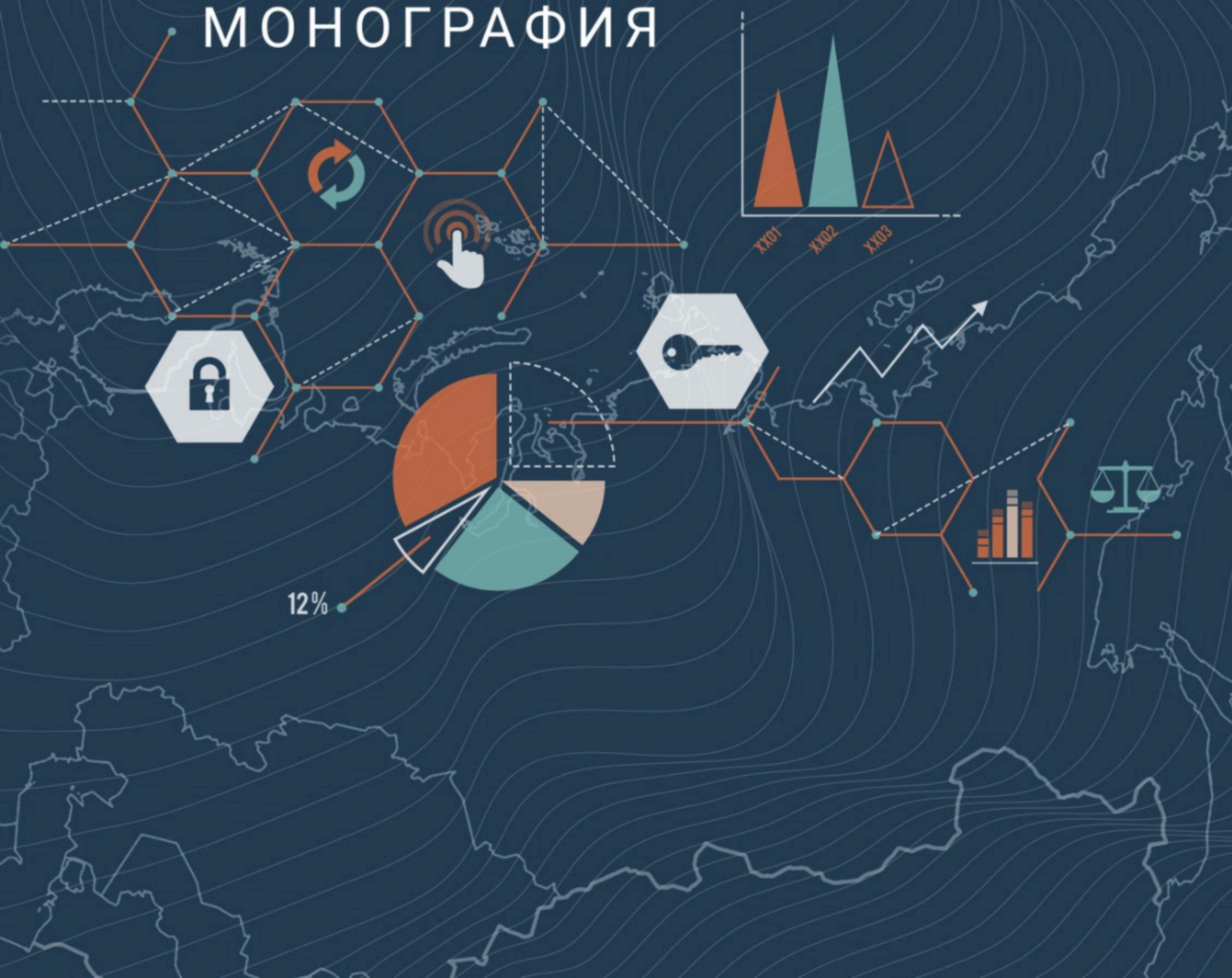

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

МОНОГРАФИЯ

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Монография

Белгород
2025

УДК 338
ББК УУ9(2Рос)-98
В 603

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
(протокол №2 от 15.10.2025)

Авторы:

Камышанченко Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ»;

Петросян Ирина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода ГОУ ВО «Российско-Армянский (Славянский) университет»;

Селюков Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования Факультета безопасности и таможни РАНХиГС – Санкт-Петербург;

Шалыгина Наталья Петровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования Факультета безопасности и таможни РАНХиГС – Санкт-Петербург;

Расстончина Юлия Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ»;

Сивцова Надежда Федоровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ»;

Дорохова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ»;

Ковалева Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ»;

Доценко Анна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики Института экономики и управления НИУ «БелГУ» и другие.

Научный редактор: **Селюков Максим Викторович**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры таможенного администрирования Факультета безопасности и таможни РАНХиГС – Санкт-Петербург.

Рецензенты:

Манаева Инна Владимировна – профессор кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), доктор экономических наук, доцент;

Трошин Александр Сергеевич – и.о. директора института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова», доктор экономических наук, доцент

**Внешнеэкономические отношения на постсоветском пространстве:
В 603 стратегические вызовы и перспективы развития : монография / Под общей
ред. М.В. Селюкова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2025. – 120.**

ISBN 978-5-6055117-4-8

В монографии рассмотрены и проанализированы стратегические вызовы, угрозы и перспективы развития внешнеэкономических отношений между странами на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется исследованию развития внешнеторгового сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Разработаны предложения и рекомендации по повышению эффективности внешнеэкономического сотрудничества России со странами постсоветского пространства.

УДК 338
ББК УУ9(2Рос)-98

ISBN 978-5-6055117-4-8

© Коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ (Шалыгина Н.П., Камышанченко Е.Н., Селюков М.В.)	5
Глава 2. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (Селюков М.В.)	12
Глава 3. НАПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ДИАГНОСТИКА СТРАН ЕАЭС (Хайитов Ш.Н., Ковалева Е.И., Растопчина Ю.А.)	19
Глава 4. ОЦЕНКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАН ЕАЭС И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ (Сивцова Н.Ф.)	27
Глава 5. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (Доценко А.Н.)	38
Глава 6. ТАМОЖЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЛЮЧЕВЫХ ПАРТНЕРОВ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ) (Шалыгина Н.П.)	47
Глава 7. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КЛЮЧЕВЫМИ ПАРТНЕРАМИ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ (Шалыгина Н.П., Селюков М.В.)	54
Глава 8. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЫНКЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ (Дорохова Е.Н.)	61
Глава 9. ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК (Сандоян Э.М., Петросян И.Б., Папян З.К.)	68
Глава 10. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МАЛЫХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (Петросян Е.Г., Нашикян Л.А.)	78
Глава 11. ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОСЛЕ 2020 ГГ.: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ (Манукян Л.А., Шмавонян Э.А.)	83
Глава 12. ДОЛГОСРОЧНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ АРМЕНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШОКОВ (Петросян Г.А.)	90
Глава 13. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ В 2022-2024ГГ. В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД (Тавадян Аг.А.)	100
Глава 14. РОЛЬ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (Маргарян А.А.)	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития мировой экономики и международных отношений внешнеэкономическая деятельность все еще остается одной из приоритетных отраслей, оказывающих существенное влияние на темпы социально-экономического роста любого государства. Несмотря на усиление влияния геополитических факторов, а именно санкционного давления со стороны одних по отношению к другим странам, что приводит к ограничениям, наказаниям и в конечном итоге торговым войнам, внешнеторговое сотрудничество и его развитие остается одним из действенных инструментов, позволяющим расширить рынки сбыта, удовлетворить потребности в дефицитных товарах и технологиях, привлекать капитал и в целом способствовать укреплению экономической безопасности государства. Более того геополитическая и геоэкономическая напряженность заставляет выстраивать долгосрочные и взаимовыгодные отношения с внешнеэкономическими партнерами.

Внешняя торговля для России всегда являлась одной из приоритетных сфер хозяйственной деятельности, а развитие внешнеторговых связей даже с учетом нынешних реалий остается важнейшей государственной целью, направленной на оптимизацию участия страны в международном разделении труда, укрепление экономического суверенитета и обеспечение взаимовыгодных торговых отношений. Особое внимание всегда уделялось процессу дальнейшего развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, повышения конкурентоспособности национальных экономик, последовательного выхода на более высокий уровень экономического взаимодействия. Таким образом, в настоящее время ключевыми внешнеэкономическими партнерами для России являются страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Авторский коллектив монографии «Внешеэкономические отношения на постсоветском пространстве: стратегические вызовы и перспективы развития» представил свое видение на развитие ситуации в сфере внешнеэкономической деятельности на постсоветском пространстве, сформулировал основные направления развития внешнеторгового сотрудничества между странами-участницами ЕАЭС.

Глава 1. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Шалыгина Н.П.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

Камышанченко Е.Н.

*док. пед. наук, профессор,
зав. кафедрой мировой экономики
НИУ «БелГУ»*

Селюков М.В.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

Развитие внешнеэкономических отношений на постсоветском пространстве в настоящее время получает новые стимулы и мотивацию для выработки эффективных механизмов поддержания экономических и культурных связей между бывшими советскими республиками – сейчас независимыми и суверенными государствами. Складывающиеся тенденции на международном уровне напрямую или опосредованно заставляют государства формировать совместные программы развития торгово-экономического сотрудничества, апеллируя к опыту взаимодействия и производственной кооперации, которые наблюдались в прошлом веке.

Бесспорно, Россия в этом процессе занимает ведущую роль, как крупнейший участник внешнеэкономической деятельности в мире, как инициатор создания площадок для углубления торгово-экономического сотрудничества, например, Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) на постсоветском пространстве, способствуя тем самым развитию интеграционных процессов и созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций между странами региона. Таким образом, Россия стремится сохранить свое ключевое положение в регионе, поддерживая стабильность и способствуя развитию экономических отношений, несмотря на меняющуюся геополитическую и геоэкономическую ситуацию. Российская Федерация играет важнейшую роль в обеспечении стабильности в регионе и выступает в качестве партнера, способствующего экономическому развитию, хотя отношения с некоторыми странами могут быть сложными.

Подчеркнем тот факт, что за последние десятилетия для развития мировой экономики были характерны самые различные тенденции. С одной стороны, сравнительно недавно страны активным образом стремились к сотрудничеству друг с другом, что характеризовало глобализацию мировой экономики и способствовало либерализации внешнеэкономических связей. Однако, последние годы мировая экономика и ее развитие характеризуется рядом других ключевых тенденций (рис. 1), что активнее всего подталкивает страны к сотрудничеству исходя из регионального признака, в этом заключается современная тенденция региональной экономической интеграции, что способствует еще большему развитию внешнеэкономических отношений на постсоветском пространстве. В рамках этой

тенденции страны развивают торгово-экономическое сотрудничество друг с другом, для этого могут заключаться различные формы региональной экономической интеграции, например, таможенные или экономические союзы, важнейшим среди которых на постсоветском пространстве является Евразийский экономический союз.

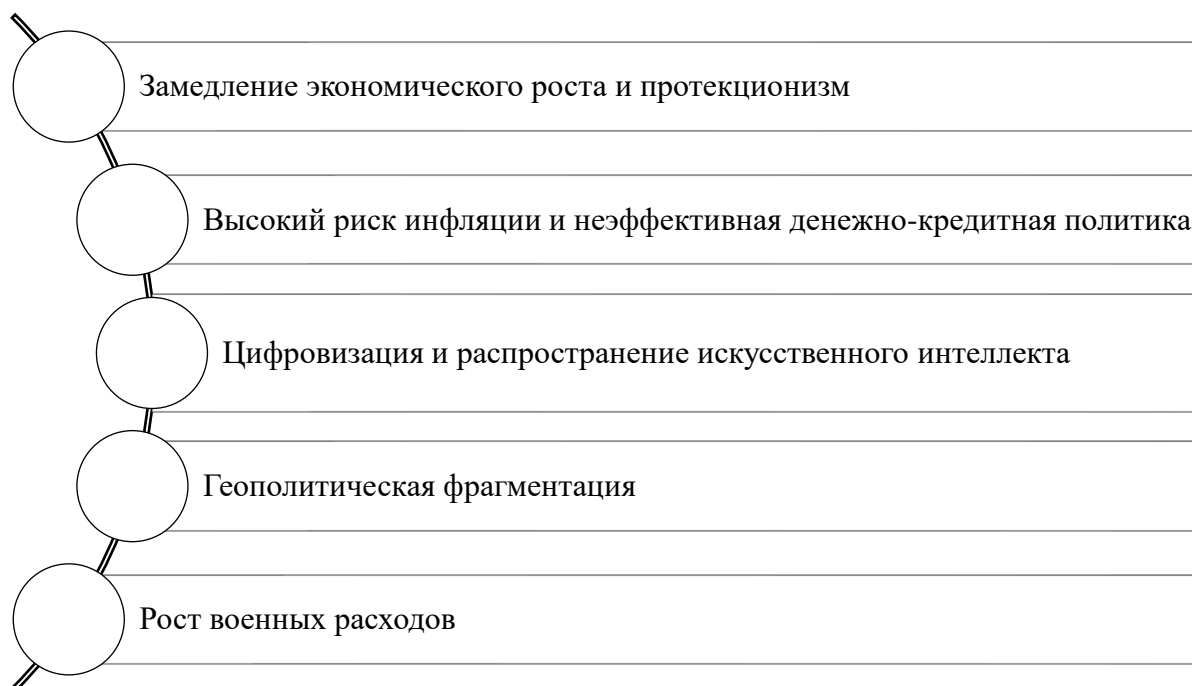

Рис. 1. Ключевые тенденции развития современной мировой экономики

ЕАЭС – одна из самых молодых организаций на экономической карте мира, формально ЕАЭС начал свою работу 01.01.2015. ЕАЭС объединяет пять стран с целью создания всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [1]. Способствуют развитию региональной интеграции на базе ЕАЭС такие факторы, как географическая близость, сходство экономического уклада и общность целей и задач [2].

Торгово-экономическое сотрудничество государств-членов ЕАЭС регулирует документ – Договор о ЕАЭС [3]. Он закрепляет механизмы для координации и согласования политики в определенных отраслях экономики. В определенных сферах экономики он устанавливает формирование единого экономического пространства (энергетика, промышленность, интеллектуальная собственность, транспорт).

По отдельным сферам разработаны концепции формирования общих рынков, например, такая концепция сформирована в отношении финансового рынка [4].

Для реализации этих положений государства-члены ЕАЭС проводят согласованную макроэкономическую политику. Ее основные направления представлены на рисунке 2.

На период до 2025 г. выделены стратегические направления развития евразийской экономической интеграции. Среди направлений выделен аспект таможенного регулирования.

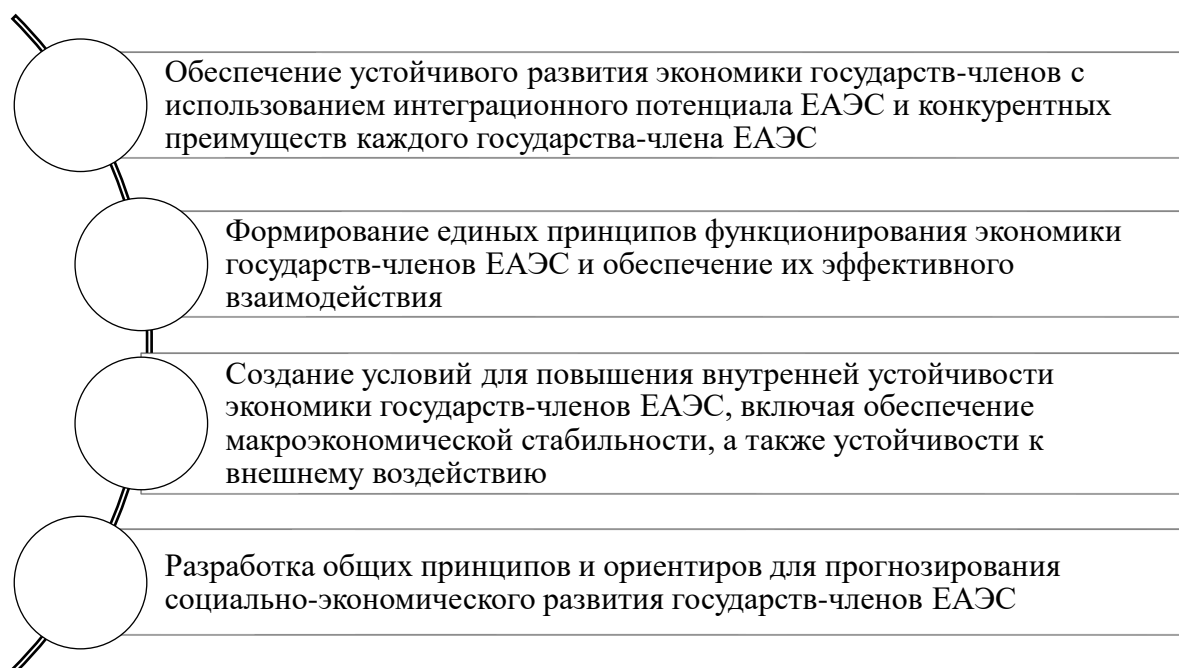

Рис. 2. Основные направления согласованной макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС [3]

В нем определены следующие направления развития, которые затрагивают аспект организации торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС, они перечислены на рисунке 3.

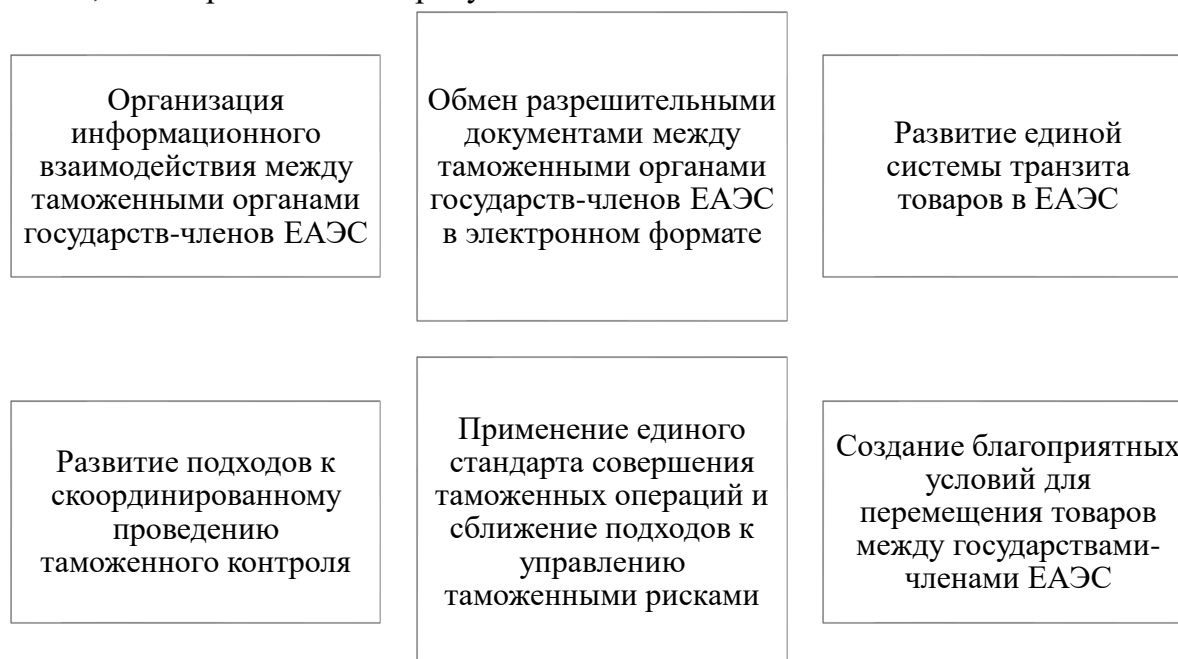

Рис. 3. Направления организации торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере таможенного контроля [5]

Для обеспечения данных направлений в аспекте организации таможенного дела производится сотрудничество государств-членов ЕАЭС в рамках рабочих групп Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) по совершенствованию таможенного законодательства [6]. Так, в частности, эта рабочая группа обсуждает внесение изменений в ТК ЕАЭС, упрощение процессов таможенного контроля,

возможность адаптации международного опыта работы таможенных администраций в работу таможенных органов ЕАЭС и другие вопросы.

В рамках ЕАЭС основными направлениями торгово-экономического сотрудничества государств-членов является взаимная торговля товарами и услугами, организация таможенного транзита по территории ЕАЭС. Рассмотрим подробнее эти направления.

Методология ведения статистики взаимной торговли товарами государств-членов ЕАЭС определяет взаимную торговлю как импорт и экспорт товаров между государствами-членами ЕАЭС [8]. Актуальность взаимной торговли ЕАЭС обусловлена тем, что действует Договор о ЕАЭС, который закрепляет свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных этим Договором и международными договорами в рамках ЕАЭС.

В аспекте таможенного законодательства следует отметить, что в рамках взаимной торговли ЕАЭС не применяются таможенные пошлины и иные эквивалентные платежи, меры нетарифного регулирования, меры по защите внутреннего рынка, действуют Единый таможенный тариф ЕАЭС и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной [0]. Показатели взаимной торговли государств-членов ЕАЭС анализируются в рамках исследований согласованной макроэкономической политики. Также рассматривается доля каждого государства-члена ЕАЭС в общем объеме импорта и экспорта товаров [9].

Внимание к организации единого транзитного пространства на территории ЕАЭС обусловлено тем, что в конце 2024 г. было подписано Соглашение о Единой системе таможенного транзита (далее – ЕСТТ) ЕАЭС и третьей стороны (третьих сторон) [7]. Оно подготовлено в рамках реализации Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [0]. Документ определяет основные организационно-правовые принципы функционирования единой системы таможенного транзита ЕАЭС и третьей стороны (третьих сторон). В данном документе речь идёт об ускорении и удешевлении перевозок в результате внедрения цифровых технологий, о снижении рисков ошибок в доставке, что особенно важно для конечного потребителя.

Практическая реализация норм Соглашения о ЕСТТ будет способствовать тому, что действия контролирующих служб будут минимизированы, что будет способствовать и сокращению издержек бизнеса. По этому направлению разработаны новая форма единой транзитной декларации, которая будет использоваться как электронный документ. Таможенные органы государств-членов ЕАЭС будут использовать единую систему обеспечения уплаты таможенных и иных платежей. Также снижению издержек бизнеса будет способствовать применение навигационных пломб, с помощью которых таможенные органы будут отслеживать перемещение грузов по единой таможенной территории ЕАЭС. Кроме того, решению задачи по снижению административной нагрузки на бизнес будет способствовать взаимное признание результатов проведения таможенного контроля.

Таким образом, организация торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС строится на основе положений международных нормативно-правовых актов, принятых на уровне ЕАЭС. Основную роль играет Договор о ЕАЭС. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. определяют пути, по которым должно развиваться таможенное

регулирование в ЕАЭС. В конце 2024 г. было подписано Соглашение о ЕСТТ ЕАЭС и третьей стороной, которое устанавливает содержание системы таможенного транзита на таможенной территории ЕАЭС.

Важнейшей составляющей деятельности Союза является совершенствование механизма таможенного регулирования торгово-экономического сотрудничества государств-членов в рамках ЕАЭС.

Перемещение товаров с территории одного государства-члена ЕАЭС на территорию другого государства-члена ЕАЭС в рамках внешней торговли предполагает особенности в части соблюдения требований таможенного законодательства со стороны участников ВЭД, а также специфику деятельности таможенных органов в данной связи. Обозначенные аспекты подлежат рассмотрению далее.

Наличие единой экономической территории в рамках ЕАЭС создает благоприятные условия для развития взаимной торговли между государствами-членами ЕАЭС. Ввиду этого возникают особенности в порядке предоставления сведений в таможенные органы. В рамках взаимной торговли ЕАЭС вместо таможенной декларации и уплаты таможенных пошлин и сборов в таможенные органы подается статистическая форма учёта перемещения товаров. Проверочные действия со стороны таможенных органов заключаются в проверке этой информации [10].

Государства-члены ЕАЭС расположены в центре транзитных путей Евразии. Через них проходят три важных международных транспортных коридора – «Транскаспийский международный транспортный маршрут», «Север – Юг» и «Восток – Запад». Так, через территорию ЕАЭС можно перемещать товары из Европы и Азии в рамках транспортных коридоров. В данной связи возникают особенности в аспекте организации таможенного транзита. Например, если товары ввозятся в РФ через государство-член ЕАЭС из третьей страны, необходимо в государстве-члене ЕАЭС поместить товар под таможенную процедуру таможенного транзита, а потом при ввозе в РФ уже под планируемую таможенную процедуру, например выпуск для внутреннего потребления [11].

Создаваемая в настоящее время система единого таможенного транзита. По данному направлению предполагается новых форм и видов документов, механизмов предоставления обеспечения уплаты таможенных платежей, что в будущем сможет сделать процесс таможенного транзита по территории ЕАЭС более быстрым.

Особое значение в данной связи имеет то, что РФ применяются меры нетарифного регулирования в одностороннем порядке. С 2014 г. в РФ запрещен ввоз отдельных видов сельскохозяйственных товаров из определенных стран. Но этот запрет не установлен в остальных государствах-членах ЕАЭС, что создает риски для ввоза «санкционной» продукции на территорию РФ через территорию других государств-членов ЕАЭС, в частности, РБ или РК. Для борьбы с ввозом «санкционной» продукции были созданы мобильные группы.

В данной связи необходимо отметить аспект проверки происхождения товаров. Таможенный контроль происхождения товаров осуществляется посредством проверки документов, подтверждающих происхождение.

Для информационного взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС разработана Интегрированная информационная система (далее – ИИС) ЕАЭС. Она предназначена для интеграции территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем

таможенных органов государств-членов ЕАЭС [0]. Она должна в будущем стать основой для разработки наднационального механизма «единого окна» в ЕАЭС.

Специфика организации таможенного контроля в государствах-членах ЕАЭС состоит в том, что несмотря на действие общего Таможенного кодекса (далее – ТК) ЕАЭС, правовые нормы о деятельности таможенных органов уточняются в национальном законодательстве государств-членов ЕАЭС.

Тем не менее, таможенные органы государств-членов ЕАЭС стремятся к тому, чтобы сближать и унифицировать свою деятельность. Для этого реализуются различные проекты. Например, РФ и РБ создали в 2022 г. Межгосударственный центр для координации работы по управлению рисками [13].

В рамках ЕАЭС применяются электронные навигационные пломбы. В 2023 г. вступило в силу Соглашение о применении в ЕАЭС навигационных пломб для отслеживания перевозок. Применение навигационных пломб имеет признаки, перечисленные на рисунке 4.

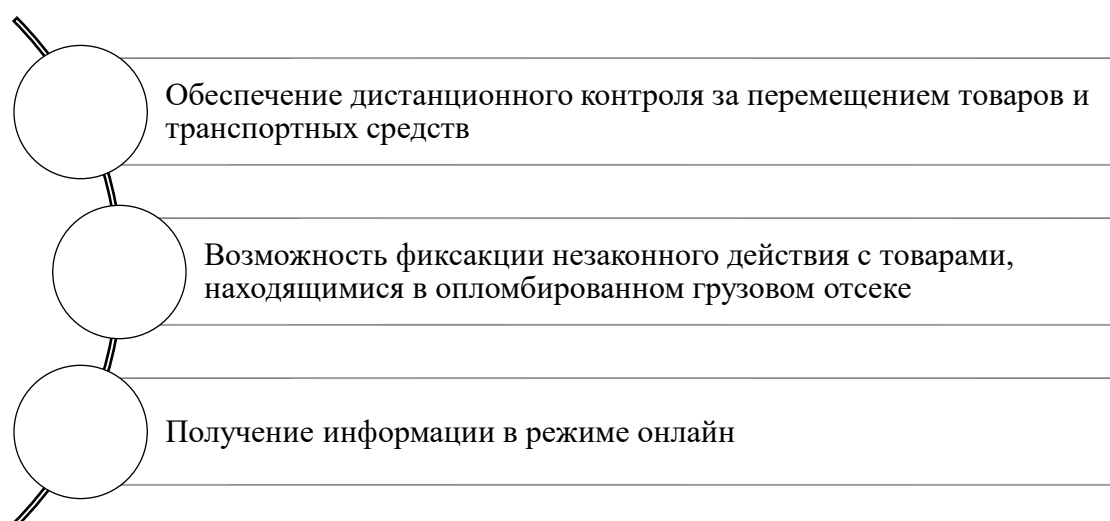

Рис. 4. Признаки применения навигационных пломб

В 2023 г. таможенными органами РФ было предложено создание механизма мониторинга за перемещением товаров в рамках взаимной торговли государств-членов ЕАЭС. Его применение направлено на борьбу с нарушениями таможенного законодательства. Механизм должен быть реализован в информационной системе подтверждения ожидания поставок.

Основными таможенными аспектами торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС являются: взаимодействие таможенных органов государств-членов ЕАЭС в рамках системы ЕСТТ в ЕАЭС, применение электронных навигационных пломб, реализация совместных проектов и разработка совместных технологий таможенного контроля, обмен сведениями, создание механизма мониторинга за перемещением товаров в рамках взаимной торговли государств-членов ЕАЭС.

В целом, торгово-экономическое сотрудничество государств-членов ЕАЭС является важным направлением евразийской интеграции, что обусловлено действиями стратегических документов развития ЕАЭС. Осуществление данного вида сотрудничества невозможно представить без такого направления, как перемещение товаров с территории одного государства-члена ЕАЭС на территорию

другого государства-члена ЕАЭС, что требует выработки систематического подхода по совершенствованию деятельности таможенных органов.

Список источников

1. Андреева, А. Н. Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС / Андреева А.Н. // Экономические исследования и разработки. – 2024. – № 3. – С. 44-49.
2. Абрамов, Н. М. Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива / Н. М. Абрамова, О. Ю. Рудакова // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2023. – № 1. – С. 5-13.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/.
4. Решение Высшего совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334585/.
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20vr0012/>.
6. Распоряжение Коллегии ЕЭК от 15.09.2020 № 125 «О рабочей группе по совершенствованию таможенного регулирования в Евразийском экономическом союзе» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20r00125/>.
7. Соглашение о единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон) (Заклучено в г. Санкт-Петербурге 26.12.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495859/.
8. Решение Коллегии ЕЭК от 25.12.2018 № 210 «Об утверждении Методологии ведения статистики взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза и Методологии ведения таможенной статистики внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315139/.
9. Миронова, В. Н. Экономическая интеграция в аспекте развития взаимной торговли государств – членов ЕАЭС / В. Н. Миронова // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 155–164.
10. Торговля со странами ЕАЭС: логистика, налоги, отчётность [Электронный ресурс]. – URL: <https://allo.tochka.com/torgovlya-eaes>.
11. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.
12. Решение Коллегии ЕЭК от 12.10.2015 № 137 «Об утверждении технического задания на создание интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/15kr0137/>.
13. Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 10.10.2022 № 4 «О создании Межгосударственного центра для координации работы по управлению рисками, а также для реализации аналитических функций и мониторинга совершения таможенных операций Таможенного комитета Союзного государства и обеспечения организационных и материально-технических условий его работы» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/23b00004/>.

Глава 2. РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Селюков М.В.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

Взаимная торговля государств-членов Евразийского экономического Союза (далее – ЕАЭС) играет значимую роль и оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие каждого из государств. Складывающиеся тенденции на международном уровне способствуют и требуют дальнейшего сближения внешнеторговых связей между странами. Однако, следует отметить, что не всегда внешнеэкономические отношения имели ярко выраженные тенденции к росту. Так, взаимная торговля товарами являясь без сомнения основной формой торгово-экономического сотрудничества совсем недавно (2019-2021гг.) демонстрировала не самые значительные количественные выражения (в общем объеме экспорта государств-членов ЕАЭС приходилось порядка 14,4–14,9%). В настоящее время эта ситуация начинает меняться.

На рисунке 1 показана динамика доли импорта товаров взаимной торговли в общей стоимости импорта товаров государств-членов ЕАЭС (данные по РФ и Республики Беларусь (далее – РБ) приведены вплоть до 2021 г., после 2021 г. – данные по этим государствам-членам ЕАЭС отсутствуют).

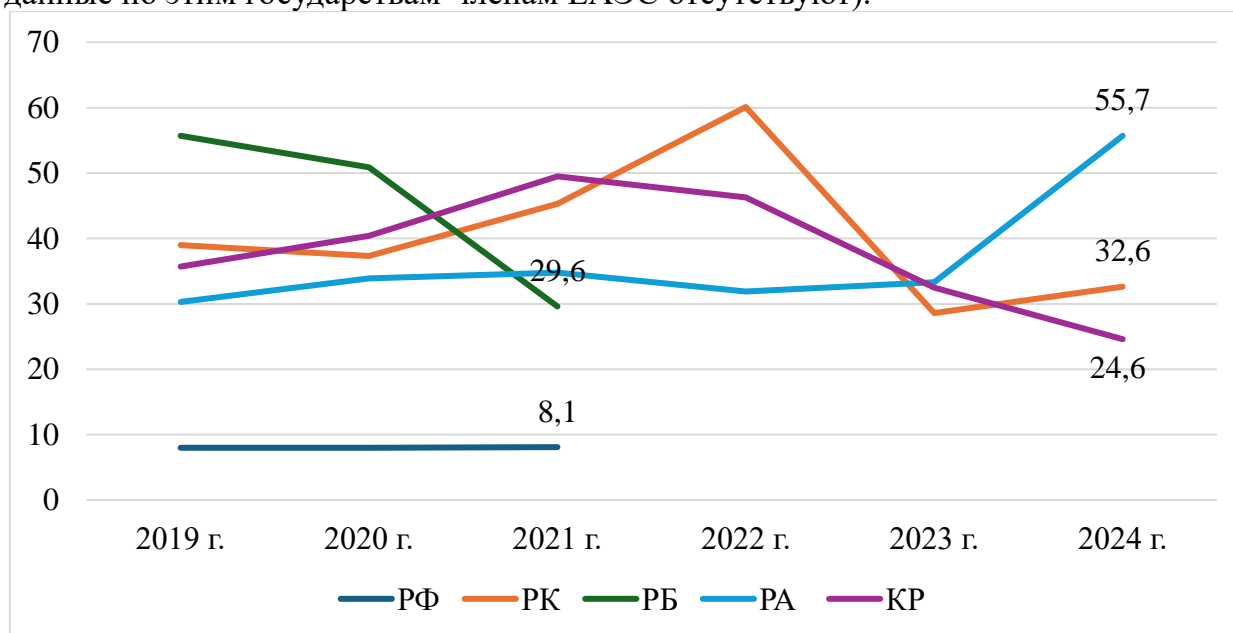

Рис. 1. Динамика доли импорта товаров взаимной торговли в общей стоимости импорта товаров государств-членов ЕАЭС в 2019-2024гг., % [1]

Значение, являющееся наибольшим, на начало периода по данному показателю было у РБ, но затем ситуация изменилась, и в последние годы наибольшую роль в импорте взаимная торговля играет для РА. Для РФ в 2019-2021гг. на долю взаимной торговли в структуре импорта приходилось порядка 8% от стоимости импорта. На рисунке 2 приведены аналогичные данные по экспорту товаров в рамках взаимной торговли.

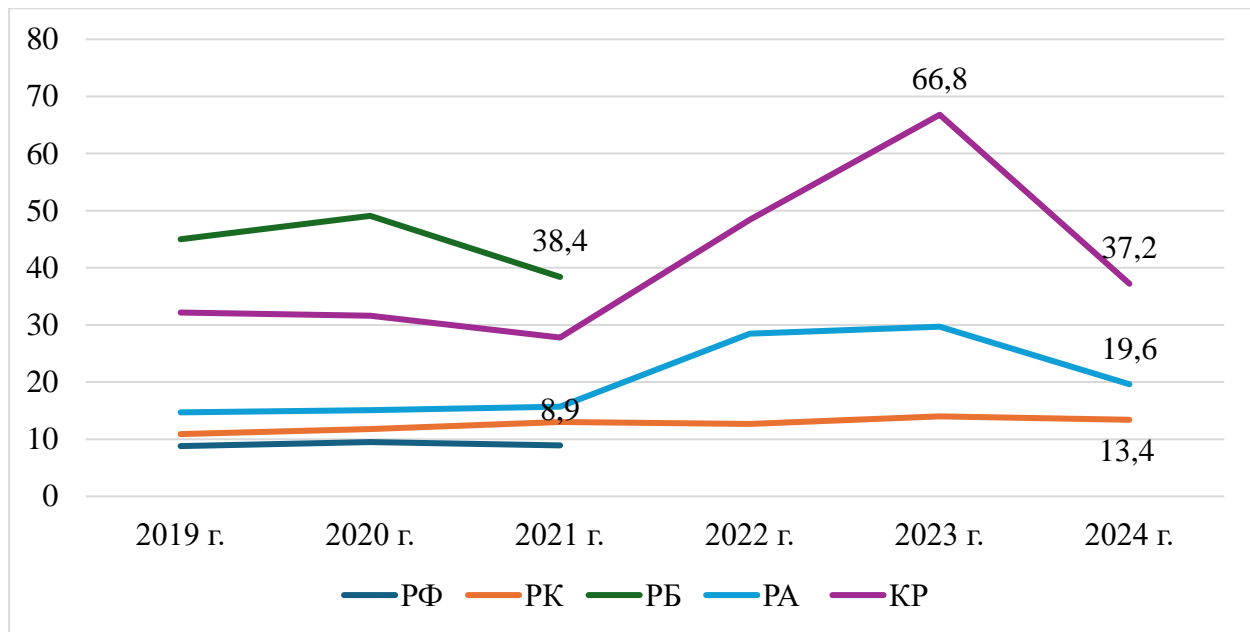

Рис. 2. Динамика доли экспорта товаров взаимной торговли в общей стоимости экспорта товаров государств-членов ЕАЭС в 2019-2024 гг., % [2]

Значение по экспорту товаров находится на более низком уровне, чем по экспорту по всем странам. Но схожим является то, что взаимный экспорт товаров играл наибольшее значение сначала для РБ, а потом ситуация изменилась, основное значение он приобрел для КР. Для РФ в 2019-2021 гг. на долю взаимной торговли в структуре экспорта приходилось порядка 9% от стоимости импорта. Основное значение имеет то, что государства-члены ЕАЭС активно ведут торговлю с разными странами мира, среди которых особенно выделяется Китайская Народная Республика, который является крупнейшим поставщиком товаров для государств-членов ЕАЭС.

Рассмотрим далее географическую структуру взаимной торговли государств-членов ЕАЭС. РФ – крупнейший поставщик и покупатель товаров среди государств-членов ЕАЭС. Данные по стоимости импорта РФ из государств-членов ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 1.

Таблица 1

Импорт РФ из государств-членов ЕАЭС, млн долл. США [1]

Год	РК	РБ	РА	КР	Итого
2019 г.	5602,5	12800,7	718,5	314,1	19435,8
2020 г.	4899,5	12604,6	659,1	270,8	18434
2021 г.	7018,7	15635,5	793,9	241,6	23689,7
2022 г.	8780,7	-	2365,2	412,9	>11558,8
2023 г.	9788,2	-	3383,9	1069,4	>14241,5
2024 г.	9546,5	-	3116	746,4	>13408,9

С учетом имеющихся ограничений по доступности сведений можно сделать вывод, что начиная с 2022 г. для РФ выросло значение импорта товаров из КР, РА и КР. Это можно объяснить тем, что данные страны стали транзитным пунктом для ввоза товаров из различных стран, которые снизили масштабы прямой торговли с РФ, в частности, это обусловлено влиянием санкций, вводимых

«недружественными» государствами. Тем не менее, основным торговым партнером для РФ по импорту товаров является РБ.

Сведения по стоимости экспорта РФ в государства-члены ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 2.

Таблица 2

Экспорт РФ в государства-члены ЕАЭС, млн долл. США [2]

Год	РК	РБ	РА	КР	Итого
2019 г.	14065	20554,9	1483,2	1239,9	37343
2020 г.	13300	15979,8	1477,1	1362,3	32119,2
2021 г.	17605	23130,7	1785,0	1316,0	43836,7
2022 г.	17342	-	2622,3	1872,5	>21836,8
2023 г.	16192	-	3881,0	2405,0	>22478
2024 г.	18252	-	9238,9	2176,3	>29667,2

Как и в случае с импортом, после 2022 г. выросла стоимость экспорта товаров из РФ в государства-члены ЕАЭС, такие как КР, РА и КР. В условиях ограничений по экспорту товаров данные страны стали более актуальными рынками сбыта российской продукции. В свою очередь, через данные страны экспорт может осуществляться в третьи страны.

Данные по стоимости импорта РБ из государств-членов ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 3.

Таблица 3

Импорт РБ из государств-членов ЕАЭС, млн долл. США [1]

Год	РФ	РК	РА	КР	Итого
2019 г.	21623,5	101,5	17,7	247,2	21989,9
2020 г.	16253,4	69,6	21,2	337,5	16681,7
2021 г.	11948,9	110,3	28,2	293,9	12381,3
2022 г.	-	154,5	74,6	374,7	> 603,8
2023 г.	-	153,1	91,7	410,9	> 655,7
2024 г.	-	154,9	114,9	455,6	> 725,4

Для РБ основным торговым партнером по импорту является РФ, но в условиях ограниченности данных отметим следующее. После 2022 г. также начал происходить рост стоимости импорта товаров в РБ из РК, РА и КР, что также можно объяснить наличием санкций в отношении РБ. Среди государств-членов ЕАЭС основное значение для РБ играет КР. На втором месте по масштабам импорта РБ находится КР.

Данные по стоимости экспорта РБ в государства-члены ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 4.

Для экспорта товаров РБ также основное значение имеет РФ, как основной торговый партнер. С учетом имеющихся данных можно сделать вывод о возрастании масштабов экспорта в остальные государства-члены ЕАЭС в 2022 г. и далее. Наибольшее значение имеет экспорт товаров в КР, а также в РК. Торговля товарами с РА во внешней торговле РБ развита в меньшей степени, что может быть обусловлено географическим расстоянием между данными государствами-членами ЕАЭС.

Таблица 4

Экспорт РБ в государства-члены ЕАЭС, млн долл. США [2]

Год	РФ	РК	РА	КР	Итого
2019 г.	13624,1	654	49,8	502,0	14829,9
2020 г.	13001,5	646	58,6	610,0	14316,1
2021 г.	13972,2	780	57,9	500,2	15310,3
2022 г.	-	860	110,6	684,8	> 1655,4
2023 г.	-	756	89,7	768,0	> 1613,7
2024 г.	-	750	90,6	837,8	> 1678,4

Данные по стоимости импорта РК из государств-членов ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 5.

Таблица 5

Импорт РК из государств-членов ЕАЭС, млн долл. США [1]

Год	РФ	РБ	РА	КР	Итого
2019 г.	14065	654	7	251	14977
2020 г.	13300	646	8	233	14187
2021 г.	17605	780	10	375	18770
2022 г.	17342	860	14	383	18599
2023 г.	16192	756	20	495	17463
2024 г.	18252	750	17	455	19474

РК основное значение в своем импорте уделяет торговле с РФ. В 2024 г. было достигнуто наибольшее значение по импорту товаров из государств-членов ЕАЭС, что больше всего было связано с приростом импорта товаров из РФ.

Данные по стоимости экспорта РК в государства-члены ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 6.

Таблица 6

Экспорт РК в государства-члены ЕАЭС, млн долл. США [2]

Год	РФ	РБ	РА	КР	Итого
2019 г.	5602,5	101,5	9,1	604,0	6317,2
2020 г.	4899,5	69,6	7,3	562,6	5539,0
2021 г.	7018,7	110,3	10,3	674,8	7814,1
2022 г.	8780,7	154,5	26,9	745,3	9707,4
2023 г.	9788,2	153,1	33,4	1076,7	11051,4
2024 г.	9546,5	154,9	19,0	1257,3	10977,7

Для экспорта РК основное значение имеет РФ. В наибольшей степени можно отметить прирост экспорта товаров в КР.

Данные по стоимости импорта РА из государств-членов ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 7.

Таблица 7

Импорт РА из государств-членов ЕАЭС, млн долл. США [1]

Год	РФ	РБ	РК	КР	Итого
2019 г.	1483,2	49,8	2,9	0,2	1536,2
2020 г.	1477,1	58,6	5,7	0,4	1541,9
2021 г.	1785,0	57,9	7,8	0,2	1850,8
2022 г.	2622,3	110,6	23,5	1,0	2757,3
2023 г.	3881,0	89,7	29,2	0,4	4000,4
2024 г.	9238,9	90,6	30,0	0,5	9359,9

Для РА существенный прирост показал импорт товаров из РФ в 2024 г.

Данные по стоимости экспорта РА в государства-члены ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 8.

Таблица 8

Экспорт РА в государства-члены ЕАЭС, млн долл. США [2]

Год	РФ	РБ	РК	КР	Итого
2019 г.	718,5	17,7	5,4	3,2	744,8
2020 г.	659,1	21,2	6,6	1,6	688,5
2021 г.	793,9	28,2	11	2,6	835,7
2022 г.	2365,2	74,6	18,4	5,7	2463,9
2023 г.	3383,9	91,7	71,2	27,4	3574,2
2024 г.	3116	114,9	54,1	14,2	3299,2

Для экспорта РА в РФ после прироста в 2022-2023 гг. наступил спад значения показателя в 2024 г. Это говорит о том, что международные цепочки поставок товаров продолжают трансформироваться под влиянием санкционных мер.

Данные по стоимости импорта КР из государств-членов ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 9.

Таблица 9

Импорт КР из государств-членов ЕАЭС, млн долл. США [1]

Год	РФ	РБ	РК	РА	Итого
2019 г.	1239,9	502,0	10,7	0,6	1753,3
2020 г.	1362,3	610,0	8,4	0,6	1981,2
2021 г.	1316,0	500,2	5,9	3,2	1825,3
2022 г.	1872,5	684,8	8,4	11,0	2576,6
2023 г.	2405,0	768,0	11,8	5,1	3189,9
2024 г.	2176,3	837,8	18,5	4,9	3037,6

Для КР основное значение имеет прирост импорта товаров из РФ и РБ в 2022-2024 гг. В данном случае следует отметить, что РФ является основным торговым партнером для КР, на втором месте находится РБ. Поэтому именно изменение по стоимости импорта сыграло основную роль для общего увеличения импорта КР из государств-членов ЕАЭС. После 2022 г. стала снижаться стоимость импорта товаров

КР из РА, а стоимость импорта товаров КР из РК, напротив, стала увеличиваться после 2022 г.

Данные по стоимости экспорта КР в государства-члены ЕАЭС в рамках взаимной торговли приведены в таблице 10.

Таблица 10

Экспорт КР в государства-члены ЕАЭС, млн долл. США [2]

Год	РФ	РБ	РК	РА	Итого
2019 г.	314,1	247,2	7,0	0,1	568,4
2020 г.	270,8	337,5	12,7	0,1	621,1
2021 г.	241,6	293,9	10,7	0,2	546,3
2022 г.	412,9	374,7	15,4	0,2	803,2
2023 г.	1069,4	410,9	24,4	0,8	1505,5
2024 г.	746,4	455,6	27,2	0,4	1229,5

Что касается товарной структуры взаимной торговли, по ней можно отметить следующие положения [3]. В периоде 2019-2021 гг. основную роль во взаимном экспорте товаров играли промежуточные товары. На них приходилось порядка 60-64% от стоимости экспорта. На втором месте находились потребительские товары (24-26%), а на третьем – инвестиционные товары (порядка 8-9%) [4]. По итогам 2021 г. основное значение в товарной структуре экспорта товаров во взаимной торговле ЕАЭС играли продовольственные товары, а также продукция металлургической отрасли. Также значимую роль играют минеральные продукты и кожевенное сырье.

Для оценки внутренних и внешних факторов развития торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС был проведен SWOT-анализ. Его результаты отражены в таблице 11.

Одним из наиболее заметных достижений последних лет в плане организации взаимной торговли является упрощение валютных расчетов [5]. Расчеты в национальных валютах между государствами-членами ЕАЭС по данным за первое полугодие 2024 г. достигли 92,3% (в 2023 г. – 88,9%, в 2022 г. – 74%). В качестве одного из недостатков развития торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС следует отметить низкую степень взаимодополняемости экономик. Это находит выражение в том, что страны имеют схожую структуру экономики. И, наконец, еще одним недостатком является неудовлетворительное состояние таможенной инфраструктуры пунктов пропуска, в частности пунктов пропуска в РФ. На наличие данной проблемы указывает то, что текущая инфраструктура не позволяет удовлетворять потребности бизнеса.

Проведенный SWOT-анализ позволил структурировать основные факторы внутреннего и внешнего влияния на торгово-экономическое сотрудничество государств-членов ЕАЭС. С одной стороны, для упрощения торгово-экономического сотрудничества были введены новые механизмы проведения расчетов во взаимной торговле, формируются проекты в сфере промышленной кооперации, реализуются крупные интеграционные проекты. Но, с другой стороны, сохранение низкого уровня взаимодополняемости экономик, схожие потребности в импорте и экспорте, а также неудовлетворительное состояние инфраструктуры пунктов пропуска не способствует дальнейшему развитию торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС.

SWOT-анализ развития торгово-экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС

Внутренние факторы	
S – сильные стороны	W – слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> – упрощение валютных расчетов; – формирование общих рынков; – развитие промышленной кооперации; – создание ЕСТТ; – географическая близость; 	<ul style="list-style-type: none"> – низкая степень взаимодополняемости экономик; – высокая волатильность национальных валют; – схожесть потребностей в импорте, экспорте; – недостаточный уровень информационного взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС; – неудовлетворительное состояние таможенной инфраструктуры пунктов пропуска.
Внешние факторы	
O – возможности	T – угрозы
<ul style="list-style-type: none"> – реализация крупных промышленных проектов; – привлечение иностранных инвестиций; – формирование цифровых транспортных коридоров; – развитие проекта «Один пояс – Один путь»; – развитие информационного сотрудничества таможенных органов государств-членов ЕАЭС. 	<ul style="list-style-type: none"> – введение новых пакетов санкций; – дезинтеграционные тенденции в рамках ЕАЭС; – нарушение международных цепей поставок; – развитие введения запрета на перемещение товаров в одностороннем порядке; – торговые барьеры внутри ЕАЭС.

Таким образом, в последние годы взаимная торговля государств-членов ЕАЭС находилась под влиянием напряженной геополитической обстановки, что способствовало наращиванию внешнеторговых потоков между странами, в особенности, по направлению импорта выросло значение ввоза в РФ и РБ товаров из РК, РА и КР, а также в обратном направлении (наращивание масштабов экспорта товаров из РФ в государства-члены ЕАЭС). При этом отметим, что в географической структуре взаимной торговли государств-членов ЕАЭС особое значение занимала и занимает имеет торговля с РФ, как наиболее крупной экономики на постсоветском пространстве.

Список источников

1. Import of goods [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics>.
2. Export of goods [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics>.
3. Взаимная торговля [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/tables/intra/.
4. Взаимные инвестиции [Электронный ресурс]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Pages/express_mut_investments.aspx.
5. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 26.08.2022 № 20 «О дальнейшей работе по расширению использования национальных валют государств-членов Евразийского экономического союза при осуществлении расчетов в рамках взаимной торговли» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/22mr0020/>.

Глава 3. НАПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ДИАГНОСТИКА СТРАН ЕАЭС

Хайитов Ш.Н.

док. экон. наук, профессор,
декан факультета «Системы управления технологических процессов»
Бухарского инженерно-технологического института

Ковалева Е.И.

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Расстончина Ю.Л.

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Евразийский экономический союз в 2025 году – это мощное объединение с высоким экономическим потенциалом (5 государств, общее население 185 млн человек, общая территория 20,2 млн. кв. км, совокупный ВВП по итогам 2024 года составил 2591 млрд долл. США). В таблице 1 представлена информация о месте ЕАЭС и отдельно стран-членов объединения в мировой торговле в 2024 году. Доля ЕАЭС в структуре мировой торговли занимала 2.07%, большая часть приходится на Россию (1,62%).

Таблица 1

Место ЕАЭС в мировой торговле в 2024 году [11]

Страна/объединение	Объем экспорта, млрд долл.	% от мирового экспорта
Мир	23 880	100
ЕАЭС	494,6	2,07
Россия	386	1,62
Казахстан	81,6	0,34
Армения	13	0,05
Кыргызстан	7,26	0,03
Беларусь	6,64	0,03

Внешняя торговля ЕАЭС развивается в условиях переориентации на азиатские рынки и укрепления региональных связей и сопровождается созданием общей финансовой инфраструктуры и переходом на расчеты в национальных валютах. По состоянию на 2025 год доля расчетов во внешнеторговых операциях между странами ЕАЭС в национальных валютах достигла рекордных 93%.

По данным Минэкономразвития России по итогам 2024 года рост совокупного ВВП в ЕАЭС составил 4,2%, объем взаимной торговли превысил 90 млрд долл. США, а промышленное производство в постоянных ценах увеличилось на 4,5%. Наибольший рост зафиксирован в обрабатывающей промышленности – на 8,2%.

Развитие промышленного производства является одним из важнейших путей укрепления позиций ЕАЭС на мировой арене, при этом актуален переход от «интеграции простого снятия барьеров» к «интеграции кооперации с программно-целевым характером сотрудничества [3]. 1 октября 2024 года Евразийский межправительственный совет утвердил «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года». Это

среднесрочный стратегический документ, который определяет задачи, направления, механизмы и приоритетные виды экономической деятельности для промышленного сотрудничества [1]. Среди ключевых направлений промышленного сотрудничества в ЕАЭС отмечены: использование потенциала внутреннего рынка Союза, развитие промышленно-технического сотрудничества, развитие сотрудничества на экспортных рынках.

Далее опираясь на данные Евразийской экономической комиссии, проанализируем объемы промышленного сотрудничества стран ЕАЭС в динамике с 2015 по 2024 гг. (таблица 2).

Таблица 2

Производство промышленной продукции в ЕАЭС, годовая динамика, в 2015-2024 гг. [7]

Год/индекс	Объём промышленного производства, млрд долл. США	Рост промышленного производства, в % к АППГ
2015	2265,9	-3,4
2016	2008,2	0,9
2017	2644,9	2,6
2018	3053,7	3,6
2019	2922,9	3,3
2020	2555,2	-2
2021	3287,5	6,2
2022	3974,7	0,5
2023	3539,9	4,4
2024	1529,2	4,5
2024	3743,5	4,5

В 2015 году наблюдался спад промышленного производства на -3,4% к предыдущему году, что связано с санкционным давлением на российскую экономику, с 2016 по 2019 год в промышленном производстве наблюдался положительный рост с пиком в 2018 году (3,6%). Пандемия COVID-19 в 2020 году вызвала спад производства на -2,0%, но уже в 2021 году последовало резкое восстановление с ростом на 6,2%. В 2022 году рост промышленного производства замедлился до 0,5%, что могло быть связано с геополитическими факторами и внешними вызовами перед странам-участницами и прежде всего перед Россией.

В 2023 году наблюдается устойчивое восстановление с ростом на 4,4%, что отражает эффективность мер по стимулированию промышленности в рамках ЕАЭС. Динамика объема промышленного производства государств – членов ЕАЭС в период 2019 – 2023 гг. представлена в таблице 3.

Таблица 3

Динамика объема промышленного производства государств – членов ЕАЭС, в текущих ценах, млрд. долл. США) [10]

Объединение/ Страна	2019	2020	2021	2021	2023	Темп роста, %
ЕАЭС	1 266,6	1 127,8	1 447,2	1 703,7	1 504,4	118,7
Армения	4,3	4,3	4,8	6,3	7,4	172,0
Беларусь	55,4	48,1	61,3	64,5	62,6	113,0
Казахстан	76,8	65,5	88,3	105,9	103,0	134,1
Кыргызстан	4,1	4,2	4,4	5,2	5,6	136,6
Россия*	1 126,0	1 005,7	1 288,4	1 521,8	1 325,8	117,7

*Объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами.

Темп роста объемов промышленного производства за период 2019-2023 гг. составил 118,7%, что указывает на общее восстановление и рост, но с заметными колебаниями. Армения за данный период продемонстрировала наибольший темп роста – 172,0% (с 4,3 млрд долл. в 2019 году до 7,4 млрд долл. в 2023), что обусловлено инвестициями в технологии и переориентацией экспорта. Казахстан и Кыргызстан продемонстрировали значительный рост с показателями 134,1% и 136,6% соответственно, чему способствовало развитие добывающей промышленности и усиление кооперации в рамках ЕАЭС. В экономике Республики Беларусь рост промышленного производства был незначительным (на 113,0%), с заметным восстановлением после спада в 2020 году, в 2023 году наблюдалось небольшое снижение (с 64,5 до 62,6 млрд долл.), что связано с санкционным давлением и внешнеторговыми ограничениями. Как крупнейшая экономика ЕАЭС, Россия показала рост на 117,7%, со значительным спадом в 2023 году – с 1 521,8 до 1 325,8 млрд долл., связанным со снижением объемов экспорта, переориентацией промышленности на внутренний рынок.

Динамика промышленного производства (фазы роста и спада) стран-участниц объединения в рассмотренный период была обусловлена также такими факторами, как: 1) пандемия COVID-19: закрытие границ, прекращение транспортного сообщения между странами, разрыв в цепочках поставок; 2) стимулирующие меры правительств, рост цен на сырье (нефть, газ, металлы) и увеличение спроса на экспорт; 3) геополитические: введение санкций против России и Беларуси, общая нестабильность в мировой экономике.

Объем промышленного производства по видам экономической деятельности в странах ЕАЭС за 2019 – 2023 годы представлен в таблице 4. За данный период рассмотрим динамику промышленного производства по четырем основным секторам: горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, электроснабжение и водоснабжение, представленным в статистической отчетности ЕЭК (Евразийской экономической комиссии).

Таблица 4

Объем промышленного производства по видам экономической деятельности, в текущих ценах, млн. долл. США [10]

Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров					
Объединение/страна	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	326 568,1	233 259,9	365 014,7	461 326,2	382 422,2
Армения	742,6	825,0	1 170,9	1 167,5	1 205,1
Беларусь	714,2	551,7	734,2	845,1	778,4
Казахстан	41 745,4	28 539,9	42 196,5	54 131,3	48 049,1
Кыргызстан	280,3	232,8	500,3	559,9	641,8
Россия*	283 085,5	203 110,5	320 412,8	404 622,4	331 747,8
Обрабатывающая промышленность					
Объединение/страна	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	818 461,1	776 189,9	956 491,9	1 102 362,4	995 191,8
Армения	3 030,2	2 899,5	3 031,3	4 321,8	5 254,4
Беларусь	49 147,3	42 533,3	54 850,7	57 888,1	56 398,4
Казахстан	30 237,4	32 044,3	40 188,2	45 956,0	48 316,9
Кыргызстан	3 217,2	3 440,1	3 322,8	4 024,7	4 360,2
Россия*	732 829,1	695 272,7	855 099,0	990 171,8	880 861,9
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование					
Объединение/страна	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	99 435,3	93 089,0	98 362,0	110 875,3	100 104,1
Армения	528,6	527,4	554,2	759,1	816,1

Беларусь	4 611,7	4 218,8	4 745,9	4 743,7	4 367,4
Казахстан	4 079,3	4 215,3	5 048,9	5 053,8	5 677,4
Кыргызстан	528,5	488,0	501,4	548,3	580,5
Россия*	89 687,2	83 639,5	87 511,6	99 770,5	88 662,7
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов					
Объединение/страна	2019	2020	2021	2022	2023
ЕАЭС	22 173,6	25 235,3	27 316,2	29 174,3	26 662,0
Армения	51,8	44,7	46,1	64,2	77,4
Беларусь	920,7	816,4	1 035,4	1 060,2	1 039,4
Казахстан	699,1	652,7	837,7	785,5	938,7
Кыргызстан	43,0	41,9	53,3	48,0	55,3
Россия*	20 459,0	23 679,6	25 343,7	27 216,4	24 551,0

*Объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами.

В горнодобывающей промышленности и разработке карьеров Россия занимает ведущее место среди стран ЕАЭС по объемам производства, на ее долю приходится 86% производства отрасли. Второе место занимает Казахстан, и имеют относительно небольшие объемы производства остальные страны-члены объединения. В обрабатывающей промышленности страны ЕАЭС демонстрируют устойчивый рост, объем производства увеличился с 818 461,1 млн долл. в 2019 году до 995 191,8 млн долл. в 2023 году. Россия в данной отрасли является лидером по объемам производства, Казахстан и Беларусь показывают стабильный рост, Армения и Кыргызстан, несмотря на небольшие абсолютные показатели, демонстрируют положительную динамику (рис. 5).

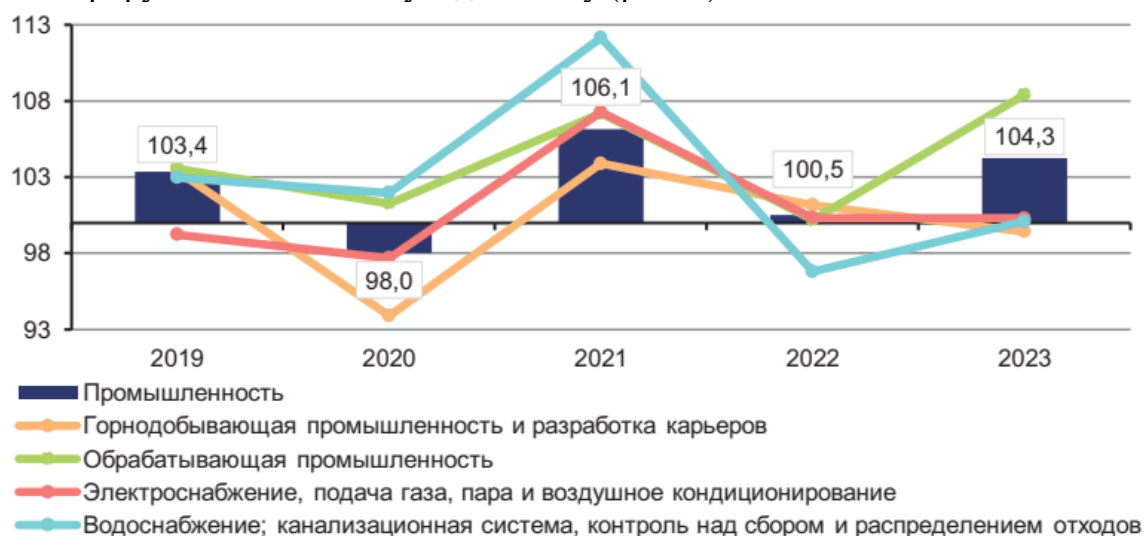

Рис. 5. Динамика промышленного производства ЕАЭС по видам экономической деятельности, в % к предыдущему году [10]

В сфере электроснабжения, подачи газа, пара и воздушного кондиционирования Россия занимает наибольшую долю, с объемом 88 662,7 млн долл. в 2023 году. Казахстан демонстрирует рост на 40%. Беларусь, Армения, Кыргызстан имеют небольшие, но стабильные объемы производства. Отрасль водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов показывает постепенный рост в рассматриваемом периоде, Россия является основным инвестором в отрасль с объемом 24 551,0 млн долл. в 2023 году. Другие страны имеют небольшие объемы вложений, но с положительной динамикой,

особенно в Казахстане и Кыргызстане. Структура промышленного производства стран ЕАЭС в 2023 году отражена на рисунке 6.

Рис. 6. Структура промышленного производства в 2023 году, в % к итогу [10]

В 2024 году мы наблюдаем устойчивый рост промышленного производства стран, данные экспресс-информации «О промышленном производстве в государствах – членах Евразийского экономического союза», приведенные Евразийской экономической комиссией, подтверждают положительные тенденции: «в январе – декабре 2024 года общий объем промышленного производства стран - участниц составил 104,5% к уровню января – декабря 2023 года, в 2024 году объем производства в обрабатывающей промышленности в ЕАЭС увеличился на 8,2%, электроснабжении, подаче газа, пара и воздушном кондиционировании – на 2,7%; снизился – в горнодобывающей промышленности и разработке карьеров – на 0,8%, водоснабжении, канализационной системе, контроле над сбором и распределением отходов – на 0,1%; стоит отметить, что увеличение промышленного производства в январе – декабре 2024 года наблюдалось во всех государствах-членах: в Кыргызстане – на 5,5%, Беларуси – на 5,4%, Армении – на 4,7%, России – на 4,6% и Казахстане – на 2,7%»[8].

«В январе-июле 2025 года объем промышленного производства Евразийского экономического союза составил 101,2% к уровню января – июля 2024 года; так увеличение промышленного производства наблюдалось в Кыргызстане – на 11,3%, Казахстане – на 6,9% и России – на 0,8%; снижение – в Армении – на 9,8% и Беларуси – на 0,3%» [8].

Промышленное производство в ЕАЭС за период 2020–2024 гг. показало устойчивый рост благодаря углублению интеграции, развитию кооперационных проектов и мерам импортозамещения. Так, в 2020 году была создана Карта индустриализации, которая представляет собой перечень крупных реализуемых и планируемых к реализации инвестиционных проектов в рамках ЕАЭС, а также отраслей, где странам Союза необходимо наладить импортозамещающие процессы и существует потенциал для этого. В настоящее время Карта включает 270 инвестиционных проектов общей стоимостью более 240 млрд. долл. (таблица 5).

Так, Армения реализует в настоящее время 13 отраслевых проектов с общим объемом инвестиций 2,17 млрд. долл., наибольший объем инвестиций приходится на транспортное строительство (2,0 млрд. долл.). Беларусь по количеству реализуемых отраслевых проектов первое место среди стран ЕАЭС, 21 проект в

стране приходится на обрабатывающую промышленность, 19 проектов реализуется в химической промышленности с объемом инвестиций 8,5 млрд. долл.

Таблица 5

Карта индустриализации стран ЕАЭС [10]

Страна	Ведущие отрасли промышленности	Количество проектов	Объем инвестиций, млрд. долл.
Армения	инфраструктурное строительство, металлургическая, производство неметаллических минеральных продуктов, радиоэлектронная, транспортное строительство, энергетическое машиностроение, кабельная и электротехническая	13	2,17
Беларусь	автомобильная промышленность, инфраструктурное строительство, лёгкая, машиностроение и металлообработка, металлургическая, подъёмно-транспортное и грузоподъёмное оборудование, прочая продукция, сельскохозяйственное и лесное машиностроение, станкоинструментальная, строительно-дорожная, специальная и коммунальная техника, строительство, фармацевтическая, химическая, целлюлозно-бумажная отрасль, энергетика, энергетическое машиностроение, кабельная и электротехническая, обрабатывающая промышленность, деревообрабатывающая отрасль, добывающая, нефтегазовая, нефтехимическая	126	18,02
Казахстан	Металлургическая, производство кокса и продуктов нефтепереработки, газохимия, промышленность строительных материалов, транспортное строительство, химическая	13	52,01
Кыргызстан	Авиационная, автомобильная, инфраструктурное строительство, легкая, металлургическая, оптовая реализация различных видов продукции, подъёмно-транспортное и грузоподъёмное оборудование, производство кокса и продуктов нефтепереработки, газохимия, промышленность строительных материалов, сельскохозяйственная продукция, судостроительная, фармацевтическая, химическая, энергетика, энергетическое машиностроение, кабельная и электротехническая промышленность, обрабатывающая промышленность	35	3,32
Россия	автомобильная, лёгкая, машиностроение для пищевой и перерабатывающей промышленности, медицинская, подъёмно-транспортное и грузоподъёмное оборудование, производство кокса и продуктов нефтепереработки, газохимия, промышленность строительных материалов, прочая продукция, станкоинструментальная, строительно-дорожная, специальная и коммунальная техника, судостроительная, судоходные гидротехнические сооружения, транспортное строительство, фармацевтическая, химическая, целлюлозно-бумажная отрасль, энергетика, энергетическое машиностроение, кабельная и электротехническая, добывающая, нефтегазовая, нефтехимия	83	167,37

В Казахстане при реализации 13 проектов наибольший удельный вес в общем объеме инвестиций занимает транспортное строительство, на которое приходится 75% или 39,3 млрд. долл. В Кыргызстане реализуется 35 отраслевых проектов, наибольшее количество проектов реализуется в энергетике с объемом инвестиций в размере 2,9 млрд. долларов.

Россия занимает второе место по количеству реализуемых отраслевых проектов, общее количество 83, объем инвестиций 167,7 млрд. долл. Наибольший удельный вес по объему инвестиций приходится на транспортное строительство (42,2%), энергетику (17,0%), нефтехимию (14,2%).

Итак, оценив промышленное производство стран ЕАЭС, используя различные методики и диагностические инструменты, можно сделать выводы, что промышленное производство в ЕАЭС демонстрирует стабильный рост и переживает период восстановления после пандемии COVID-19. Страны-члены успешно используют преимущества экономической интеграции, о чем свидетельствует рост взаимной торговли и координации политик.

Однако сохраняются вызовы и проблемы, которые требуют дальнейшего анализа и принятия мер. Проблемы развития промышленного производства и интеграции в сфере кооперации производства в странах ЕАЭС определяются разным уровнем социально-экономического развития. Вместе с тем, многие проблемы схожи для всех стран: технологическое отставание, разный уровень технологического оснащения предприятий, отсутствие новых передовых технологий на ведущих промышленных предприятиях стран, высокий износ основных средств производства, вызовы внешней среды, глобальные риски мировой экономики.

Перспективы развития промышленного производства хочется обозначить, цитируя академика РАН А. Аганбегяна: «Как нам возродить экономический рост? Это можно сделать только на базе крупного научно-технологического сдвига. Требуется обновление технологий, повышение квалификации сотрудников и улучшение систем управления. Никаких других путей нет». Данное высказывание связано с развитием экономики России, но данные направления можно проецировать на все страны Евразийского экономического союза.

Для перспективного плодотворного развития промышленного развития стран ЕАЭС необходимо: совершенствование и унификация институциональной базы, унификации технических стандартов, координация и согласование национальных политик с общей политикой промышленного развития стран ЕАЭС, использование цифровых платформ и технологий и формирование на их основе единого цифрового пространства. Все это позволит усилить конкурентоспособность стран ЕАЭС, снизить риски и давление внешней среды в современных геополитических условиях.

Список источников

1. *Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года*// Информационный портал Евразийского экономического союза, ЕЭК, 2025. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/433/8342/>
2. Актуальность ЕАЭС растет быстрее скорости интеграции// Фонда Росконгресс, 2007-2015. URL: <https://roscongress.org/materials/aktualnost-eaes-rastyet-bystree-skorosti-integratsii/>
3. Большое евразийское партнерство: теория и практика. Информационно-аналитический дайджест, Москва. Июнь, 2025. URL:

https://cdnweb.roscongress.org/upload/medialibrary/7e8/3muy0n8i7sc4ghr340fkmg3y07c9dcn6/Greater-Eurasian-Partnership_Ru.pdf?17501010491297117

4. Донченко А. Развитие промышленной кооперации государств – членов ЕАЭС в современных условиях // Международная жизнь. №2. 2024. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2953>

5. Карта индустриализации стран ЕАЭС// Информационный портал ЕЭК, 2025. URL: <https://industry.eaeunion.org/industry/ru/registers/investments/map>

6. Кишкембаева А.А. Доминирующие отрасли в национальных экономиках стран ЕАЭС // Актуальные исследования» #47 (229), ноябрь 24. URL: <https://apni.ru/article/10588-dominiruyushie-otrasli-v-nacionalnyh-ekonomikah-stran-eaes>

7. Макроэкономические показатели // Информационный портал Евразийского экономического союза, ЕЭК, 2025. URL: https://eaeu.economy.gov.ru/macroeconomic_indicators/

8. О промышленном производстве в государствах – членах Евразийского экономического союза// Информационный портал ЕЭК, 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/Express_Industry/Industry_2025_07.pdf

9. О промышленном производстве в государствах -членах Евразийского экономического союза // Информационный портал ЕЭК, 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/Express_Industry/Industry_2024_12.pdf

10. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2024. – 430 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2024.pdf

11. International Trade Centre // ITC's Trade Map – online database on international trade statistics, 2025. URL: <https://www.intracen.org/resources/data-and-analysis/trade-statistics>

Глава 4. ОЦЕНКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАН ЕАЭС И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Сивцова Н.Ф.

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
НИИУ «БелГУ»

С момента своего создания в 2015 году Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан, активно стремится к экономической интеграции. Важными результатами стали создание таможенного союза, унификация технических стандартов, координация санитарных и фитосанитарных мер и формулирование общих принципов промышленной и сельскохозяйственной политики.

Основные направления и результаты международного сотрудничества стран ЕАЭС представлены в таблице 1.

Таблица 1

Направления и достижения интеграции стран ЕАЭС [6, 8]

Направление	Достижения	Проблемы и Ограничения	Примеры
Торговля товарами	Устранены таможенные пошлины, создан единый рынок	Сохраняются технические и санитарные барьеры	Казахстан и Беларусь периодически вводят ограничения на ввоз сельхозпродукции из других стран ЕАЭС.
Таможенное регулирование	Введены единые таможенные правила, функционирует ЕАЭС	Недостаточная унификация IT-систем, низкая цифровизация	Сроки оформления грузов между странами отличаются до 30%.
Техническое регулирование	Принято более 50 единых технических регламентов ЕАЭС	Задержки в адаптации национального законодательства к требованиям техрегламентов	Только 40% регламентов применяются на практике одинаково во всех странах.
Конкурентная политика	Создан наднациональный орган – ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия)	Отсутствуют механизмы санкций за нарушения	Доминирование государственных компаний в экономике России и Беларуси.
Цифровая интеграция	Запущен проект «Цифровой транспортный коридор»	Отсутствие единой платформы электронного взаимодействия	Внедрение систем блокчейн.
Логистика и инфраструктура	Поддерживаются транснациональные коридоры	Слабая инфраструктура в Армении и Кыргызстане	Задержки при транспортировке товаров через горные и труднодоступные районы.

Несмотря на достигнутые успехи, развитие интеграции в ЕАЭС было неравномерным. Наибольший прогресс был достигнут во внешней торговле, которая является важным фактором экономического роста стран-участниц и способствует расширению рынков сбыта, привлечению инвестиций и укреплению связей. Во внутренней торговле ЕАЭС отменены таможенные пошлины и ограничения, но

остаются нетарифные барьеры, такие как санитарные и ветеринарные требования, которые затрудняют перемещение некоторых товаров.

В период с 2019 по 2024 год внешняя торговля стран ЕАЭС претерпела изменения под влиянием глобальных экономических тенденций и санкций. Основные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2

Динамика основных показателей внешней торговли стран ЕАЭС за 2019-2024 гг. [12]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	420	380	430	450	470	490	440
% к предыдущему году	-	-9,52%	+13,16%	+4,65%	+4,44%	+4,26%	-
Импорт (млрд. долл. США)	280	250	290	300	320	340	296,7
% к предыдущему году	-	250	290	300	320	340	-
Сальдо торгового баланса	+140	+130	+140	+150	+150	+150	143,3
% к предыдущему году	-	-7,14%	+7,69%	+7,14%	0,00%	0,00%	-

Представленные данные демонстрируют устойчивый рост внешней торговли стран ЕАЭС в период с 2019 по 2024 год. Так, после снижения в 2020 году экспорт уверенно рос, достигнув 490 млрд долларов США в 2024 году. Темпы роста постепенно замедлялись, что может указывать на стабилизацию внешних рынков и/или насыщение спроса на основные экспортные товары. В среднем за период экспорт составил 440 млрд долларов США. Импорт также показывал рост, увеличившись с 280 млрд долларов в 2019 году до 340 млрд долларов в 2024 году. Положительное сальдо торгового баланса оставалось стабильным на протяжении всего периода (в среднем 143,3 млрд долларов), что говорит о том, что экспорт превышал импорт. Небольшое снижение сальдо в 2020 году было вызвано падением экспортных поставок.

В целом, внешняя торговля стран ЕАЭС характеризуется стабильным ростом как экспорта, так и импорта. Положительное сальдо торгового баланса подтверждает конкурентоспособность экспортных товаров из ЕАЭС. Однако замедление роста экспорта в период с 2022 по 2024 год указывает на необходимость принятия дополнительных мер для поддержки экспортных отраслей и расширения ассортимента экспортируемых товаров.

Давайте проанализируем роль каждой страны во внешней торговле ЕАЭС.

Россия. В течение рассматриваемого периода внешнеторговое сотрудничество России с партнерами по ЕАЭС демонстрировало устойчивое развитие и сохраняло положительную динамику. Подробное описание роли России в общем объеме экспорта приведено в таблице 3.

Динамика основных показателей внешней торговли в рамках ЕАЭС России
за 2019-2024 гг. [12]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	60,0	55,0	65,0	70,0	75,0	80,0	67,5
% к предыдущему году	-	-8,3%	+18,2%	+7,7%	+7,1%	+6,7%	-
Импорт (млрд. долл. США)	30,0	28,0	32,0	35,0	38,0	40,0	33,8
% к предыдущему году	-	-6,7%	+14,3%	+9,4%	+8,6%	+5,3%	-
Сальдо торгового баланса	+30,0	+27,0	+33,0	+35,0	+37,0	+40,0	+33,7
% к предыдущему году	-	-10,0%	+22,2%	+6,1%	+5,7%	8,1%	-
Доля в общем экспорте ЕАЭС (%)	85,0%	84,0%	86,0%	87,0%	88,0%	89,0%	86,5%

Представленные данные демонстрируют устойчивый рост товарооборота между Россией и другими странами ЕАЭС в период с 2019 по 2024 год, а внешняя торговля России в рамках ЕАЭС характеризуется стабильным ростом экспорта и импорта.

Россия является основным экспортером в ЕАЭС. Доля России в общем экспорте ЕАЭС неуклонно росла, увеличившись с 85% в 2019 году до 89% в 2024 году. Средний показатель за период составил 86,5%, что подчеркивает доминирующую роль России во внешней торговле Союза. Российский экспорт в страны ЕАЭС неуклонно увеличивался, достигнув 80 млрд долларов США в 2024 году. Средний показатель за период составил 67,5 млрд долларов США. Темпы роста постепенно замедлялись, что отражает общую тенденцию в экспортной динамике ЕАЭС.

Импорт из стран ЕАЭС в Россию также демонстрировал стабильный рост, увеличившись с 30 млрд долларов США в 2019 году до 40 млрд долларов США в 2024 году. Средний показатель импорта составил 33,8 млрд долларов США.

Положительное сальдо торгового баланса России свидетельствует о высокой конкурентоспособности российской продукции на рынках стран ЕАЭС. В 2024 году сальдо достигло 40 млрд долларов США при среднем значении 33,7 млрд долларов США.

Даже несмотря на замедление темпов роста, перспективы развития торговли России со странами ЕАЭС остаются благоприятными.

Казахстан. Казахстан активно развивает торгово-экономическое сотрудничество со странами ЕАЭС, что занимает важное место во внешнеэкономических связях страны. В период с 2019 по 2024 год наблюдаются изменения в объемах товарооборота и показателях внешнеторгового сальдо (табл.4).

Представленные данные отражают изменения в торговле Казахстана со странами Евразийского экономического союза в период с 2019 по 2024 год.

Казахстан демонстрирует рост объемов как экспорта, так и импорта в торговле со странами ЕАЭС. Так экспорт из Казахстана в страны ЕАЭС демонстрировал в целом положительную динамику, увеличившись с 7,5 млрд долларов США в 2019 году до 10,9 млрд долларов США в 2024 году. При этом наблюдались значительные колебания темпов роста. В 2023 году был зафиксирован наибольший рост (22,2%), а в 2024 году – небольшое снижение (-0,9%). Средний экспорт за период составил 8,9 млрд долларов США. Импорт в Казахстан из стран ЕАЭС также рос, увеличившись с 13,5 млрд долларов США в 2019 году до 19,5 млрд долларов США в 2024 году. Наибольший рост импорта наблюдался в 2022 году (20,7%), а в 2023 году импорт

остался на уровне предыдущего года. Средний импорт за период составил 15,8 млрд долларов США. При этом для Казахстана характерно отрицательное сальдо торгового баланса в торговле со странами ЕАЭС на протяжении всего анализируемого периода. Отрицательное сальдо колебалось, достигнув наибольшего значения в 2024 году (-8,6 млрд долларов США). На фоне этого, доля Казахстана в общем экспорте ЕАЭС постепенно увеличивалась, составив в среднем 10,8% за период.

Таблица 4

Динамика основных показателей внешней торговли в рамках ЕАЭС
Республики Казахстан за 2019-2024 гг. [1, 12]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	7,5	6,8	8,2	9,0	11,0	10,9	8,9
% к предыдущему году	-	-9,3%	+20,6%	+9,6%	+22,2%	-0,9%	-
Импорт (млрд. долл. США)	13,5	12,0	14,5	17,5	17,5	19,5	15,8
% к предыдущему году	-	-11,1%	+20,8%	+20,7%	0%	+11,4%	-
Сальдо торгового баланса	-6,0	-5,2	-6,3	-8,5	-6,5	-8,6	-6,8
% к предыдущему году	-	+13,3%	-21,2%	-34,9%	+23,5%	-32,3%	-
Доля в общем экспорте ЕАЭС (%)	10,0%	9,5%	10,5%	11,0%	12,0%	11,5%	10,8%

Таким образом, представленные данные указывают на то, что Казахстан постепенно углубляет свою интеграцию в общее экономическое пространство.

Республика Беларусь. Показатели торгово-экономического сотрудничества республики Беларусь в рамках ЕАЭС представлены в таблице 5.

Представленные в таблице 5 данные отражают динамику основных показателей внешней торговли Республики Беларусь с другими странами ЕАЭС за период с 2019 по 2024 год.

Беларусь демонстрирует рост как экспортных, так и импортных операций в рамках ЕАЭС. Экспорт Беларуси в страны ЕАЭС демонстрировал тенденцию к росту, увеличившись с 13,1 млрд долларов США в 2019 году до 17,0 млрд долларов США в 2024 году. Наибольший рост наблюдался в 2022 году (+10,7%). Средний экспорт за период составил 14,7 млрд долларов США. Импорт в Беларусь из стран ЕАЭС также рос на протяжении всего периода, увеличившись с 19,7 млрд долларов США в 2019 году до 24,8 млрд долларов США в 2024 году. Наибольший рост импорта был зафиксирован в 2021 году (+13,9%). Средний импорт за период составил 21,4 млрд долларов США.

Таблица 5

Динамика основных показателей внешней торговли в рамках ЕАЭС
Республики Беларусь за 2019-2024 гг. [12]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	13,1	12,5	14,5	15,5	16,2	17,0	14,7
% к предыдущему году	-	-4,6%	-12,0%	+10,7%	+4,5%	+4,9%	-
Импорт (млрд. долл. США)	19,7	18,0	20,5	22,0	23,5	24,8	21,4
% к предыдущему году	-	-8,6%	+13,9%	+7,3%	+6,8%	+5,5%	-
Сальдо торгового баланса	-6,6	-5,5	-6,5	-6,5	-7,3	-7,8	-6,7
% к предыдущему году	-	+16,7%	-18,2%	0%	-12,3%	-6,8%	-
Доля в общем экспорте ЕАЭС (%)	8,5%	8,0%	8,2%	8,4%	8,3%	8,1%	8,3%

Торговый баланс Беларуси с ЕАЭС оставался отрицательным на протяжении всего анализируемого периода. Отрицательное сальдо варьировалось, достигнув максимального значения в 2024 году (-7,8 млрд долларов США). Доля Беларуси в общем экспорте ЕАЭС оставалась относительно стабильной, в среднем составляя 8,3% за период.

В целом, анализ данных показывает, что Беларусь все активнее участвует в интеграционных процессах ЕАЭС. Однако сохраняющийся дефицит во внешней торговле указывает на необходимость пересмотра приоритетов и акцент на развитии прибыльных экспортных направлений, а также на увеличении доли перерабатывающей промышленности в структуре экспорта.

Далее рассмотрим результаты торгово-экономического сотрудничества Армении в рамках ЕАЭС.

Армения. Позиции торгово-экономического сотрудничества республики Армении в рамках ЕАЭС представлены в таблице 6.

На основе представленных данных в таблице 6, можно сделать следующие выводы о внешней торговле Республики Армения со странами ЕАЭС за период с 2019 по 2024 годы:

Во-первых, объем экспорта из Армении в страны ЕАЭС демонстрирует стабильный рост, увеличившись с 13,1 миллиарда долларов США в 2019 году до 17,0 миллиардов долларов США в 2024 году. Наибольшие темпы роста наблюдались в 2021 году (+12,0%) и в 2022 году (+10,7%). Средний объем экспорта за указанный период составил 14,7 миллиарда долларов США.

Во-вторых, импорт в Армению из стран ЕАЭС также имеет положительную динамику, возросший с 19,7 миллиарда долларов США в 2019 году до 24,8 миллиарда долларов США в 2024 году. Наибольшее увеличение импорта было отмечено в 2021 году (+13,9%). Средний объем импорта за этот период составил 21,4 миллиарда долларов США.

В-третьих, сальдо торгового баланса Армении с странами ЕАЭС остается отрицательным на протяжении всего рассматриваемого времени. Отрицательное сальдо колеблется, составляя в среднем -6,7 миллиарда долларов США.

И наконец, доля Армении в общем экспорте ЕАЭС невелика и достаточно стабильна, составив в среднем 8,3% за рассматриваемый период.

Таблица 6

Динамика основных показателей внешней торговли в рамках ЕАЭС
Республики Армения за 2019-2024 гг. [11, 12]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	13,1	12,5	14,0	15,5	16,2	17,0	14,7
% к предыдущему году	-	-4,6%	+12,0%	+10,7%	+4,5%	+4,9%	-
Импорт (млрд. долл. США)	19,7	18,0	20,5	22,0	23,5	24,8	21,4
% к предыдущему году	-	-8,6%	+13,9%	+7,3%	+6,8%	+5,5%	-
Сальдо торгового баланса	-6,6	-5,5	-6,5	-6,5	-7,3	-7,8	-6,7
% к предыдущему году	-	+16,7%	-18,2%	0%	-12,3%	-6,8%	-
Доля в общем экспорте ЕАЭС (%)	8,5%	8,0%	8,2%	8,4%	8,3%	8,1%	8,3%

Несмотря на позитивные тенденции в основных экономических показателях, Республика Армения сохраняет зависимость от импорта при ограниченном экспортном потенциале. В связи с этим необходима разработка и реализация

стратегических мер, направленных на диверсификацию экономической структуры, расширение номенклатуры экспортной продукции и повышение конкурентоспособности страны на внешних рынках, в частности, в рамках Евразийского экономического союза.

Далее представлен анализ торгово-экономического сотрудничества Кыргызской Республики в рамках ЕАЭС (табл. 7).

Представленные данные отражают ключевые тенденции внешней торговли Кыргызской Республики со странами Евразийского экономического союза в период с 2019 по 2024 год.

Экспорт: Объем экспорта из Кыргызстана в страны ЕАЭС демонстрирует нестабильную динамику. После значительного падения в 2020 году (-30,7%), экспорт показал существенный рост в 2021 и 2022 годах (+42,8% и +90,3% соответственно), достигнув 1,5 млрд долларов США в 2022 году. В 2023 году наблюдалось снижение экспорта (-13,2%), однако в 2024 году экспорт вновь вырос (+13,0%), вернувшись к уровню 2022 года. Средний объем экспорта за период составил 1,1 млрд долларов США.

Импорт: Импорт в Кыргызстан из стран ЕАЭС стабильно рос на протяжении всего периода. Наиболее значительный рост наблюдался в 2021 году (+39,7%). В 2023 году рост импорта замедлился (+0,7%), но в 2024 году вновь ускорился (+6,3%), достигнув 3,5 млрд долларов США. Средний объем импорта за период составил 2,7 млрд долларов США.

Сальдо торгового баланса: Кыргызстан характеризуется устойчивым отрицательным торговым балансом в торговле со странами ЕАЭС. Дефицит внешней торговли увеличился с 0,7 млрд долларов США в 2019 году до 2,0 млрд долларов США в 2023 и 2024 годах.

Вклад Кыргызстана в общий экспорт ЕАЭС остается крайне небольшим, варьируясь от 0,8% до 1,8% (в среднем 1,3%) за рассматриваемый период.

Таблица 7

Динамика основных показателей внешней торговли в рамках ЕАЭС Республики Кыргызстан за 2019-2024 гг. [5]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Экспорт (млрд. долл. США)	0,8	0,6	0,8	1,5	1,3	1,5	1,1
% к предыдущему году	-	-30,7%	+42,8%	+90,3%	-13,2%	+13,0%	-
Импорт (млрд. долл. США)	1,5	1,9	2,6	3,3	3,3	3,5	2,7
% к предыдущему году	-	+25,7%	+39,7%	+24,1%	+0,7%	+6,3%	-
Сальдо торгового баланса	-0,7	-1,3	-1,8	-1,8	-2,0	-2,0	-1,6
% к предыдущему году	-	+90,1%	+38,5%	-4,4%	+12,6%	+1,9%	-
Доля в общем экспорте ЕАЭС (%)	1,1%	0,8%	1,0%	1,8%	1,5%	1,6%	1,3%

Анализ доли государств-членов ЕАЭС в общем объеме экспорта с 2019 по 2024 год позволяет оценить вклад каждой страны в развитие внешнеторговой деятельности (табл. 8). Эти данные отражают как экономическую активность отдельных государств, так и динамику интеграционных процессов в ЕАЭС, включая сбалансированность и структуру торговых связей внутри союза.

Таблица 8

Доля в общем экспорте ЕАЭС (%) в период 2019-2024гг. [3, 10]

Страна	2019	2020	2021	2022	2023	2024	В среднем за период
Россия	87,0	86,5	86,0	85,5	85,0	84,5	85,8
Казахстан	6,5	6,8	7,0	7,2	7,5	7,8	7,1
Беларусь	5,0	5,2	5,3	5,4	5,5	5,6	5,3
Армения	0,8	0,9	1,0	1,2	1,4	1,6	1,2
Кыргызстан	0,7	0,6	0,7	0,7	0,6	0,5	0,6

Представленные данные в таблице 8 отражают вклад каждой страны-участницы ЕАЭС в общий экспорт Союза в период с 2019 по 2024 год. На основе анализа можно отметить, следующие тенденции:

1. Россия является безусловным лидером по доле в общем экспорте ЕАЭС. Несмотря на постепенное снижение, ее доля остается преобладающей и составляет в среднем 85,8% за рассматриваемый период. Это подчеркивает значимость российской экономики для внешнеторговой деятельности ЕАЭС.

2. Доля Казахстана в общем экспорте ЕАЭС демонстрирует устойчивый рост, увеличившись с 6,5% в 2019 году до 7,8% в 2024 году. Это свидетельствует об усилении роли Казахстана в экспортном потенциале ЕАЭС и развитии его экспортно-ориентированных отраслей.

3. Доля Беларуси в общем экспорте ЕАЭС остается относительно стабильной, колеблясь в пределах 5,0-5,6% и составляя в среднем 5,3%. Это указывает на стабильный вклад Беларуси в экспортную деятельность ЕАЭС.

4. Доля Армении в общем экспорте ЕАЭС демонстрирует положительную динамику, увеличившись с 0,8% в 2019 году до 1,6% в 2024 году. Это свидетельствует об увеличении экспортного потенциала Армении и ее более активном вовлечении во внешнеторговые отношения в рамках ЕАЭС.

5. Доля Кыргызстана в общем экспорте ЕАЭС остается самой низкой среди стран-участниц, колеблясь в пределах 0,5-0,7%. Это указывает на ограниченный экспортный потенциал Кыргызстана и необходимость принятия мер по его развитию.

Эффективное ведение внешнеэкономической деятельности требует тщательного анализа экспортного потенциала. Государствам-членам ЕАЭС необходимо сфокусироваться на производстве и продвижении товаров, пользующихся повышенным спросом на мировом рынке и способных конкурировать с аналогами по соотношению цены и качества. Только в этом случае можно обеспечить устойчивый рост экспортных доходов и укрепить позиции ЕАЭС в мировой торговле (табл. 9).

Таблица 9

Конкурентноспособные экспортные направления стран ЕАЭС [4]

Страна	Перспективные товары и услуги	Основные внешние рынки сбыта	Характеристика
Россия	Минеральные ресурсы, зерно, ИТ-услуги	Китай, Индия, Турция	Рост расчётов в нац. Валютах, диверсификация поставок
Казахстан	Уран, металлопродукция, пшеница	КНР, страны ЮВА, Иран	Расширение переработки и выход на рынок электроэнергии
Беларусь	Продовольствие, удобрения, текстиль	Ближний Восток, Африка	Упор на гуманитарные поставки и агроэкспорт
Армения	Коньяк, легкая промышленность, ИТ	ОАЭ, Иран, Индия	Рост экспорта цифровых решений
Кыргызстан	Трикотаж, с/х продукция, услуги логистики	Казахстан, ОАЭ, Узбекистан	Позиционирование как транзитного хаба

Анализ структуры экспорта стран ЕАЭС показал, что каждая из них имеет свою специализацию, что создает благоприятные условия для формирования объединенных экспортных кластеров. Россия и Казахстан удерживают лидерство в экспорте сырьевых ресурсов, но при этом активно расширяют поставки в сфере технологических решений и продовольствия. Республика Беларусь успешно диверсифицирует экспорт, увеличивая объемы поставок переработанной продукции и товаров машиностроения. Армения и Кыргызстан специализируются на экспорте нишевой продукции и услуг, таких как текстиль, алкогольные напитки и IT-сервисы.

Такая специализация позволяет:

- Снизить уровень внутренней конкуренции между странами-участницами ЕАЭС.
- Сформировать внутрисоюзные цепочки создания добавленной стоимости.
- Укрепить позиции ЕАЭС в качестве комплексного поставщика широкого спектра товаров и услуг.

Другими словами, разнообразие экспортных специализаций стран ЕАЭС позволяет им не конкурировать друг с другом внутри союза, а, наоборот, объединять усилия для создания продуктов с высокой добавленной стоимостью и укреплять позиции ЕАЭС на мировом рынке как поставщика разнообразной продукции.

Несмотря на то, что сырьевой сектор обеспечивает высокий экспортный потенциал ЕАЭС, зависимость от мировой конъюнктуры и внешние ограничения создают сложности для развития. В импортной структуре также наблюдается трансформация: на смену традиционным поставкам приходят технологии, оборудование и потребительские товары из альтернативных источников. В целом, страны ЕАЭС активно адаптируют свою торговую политику к меняющимся условиям, укрепляя сотрудничество с проверенными партнерами и усиливая интеграцию внутри Союза.

Анализ показывает, что ЕАЭС активно развивает торговлю с основными партнерами (Китай, ЕС, Турция, СНГ):

Усиление интеграции внутри ЕАЭС также влияет на геополитическую ситуацию, особенно в условиях глобальной нестабильности. Санкции усиливают необходимость выработки единой внешней политики, особенно в торгово-экономической сфере (табл. 10).

Таблица 10

Влияние санкций на ключевые внешнеторговые отношения стран ЕАЭС

за 2022-2024 гг. [7, 9]

Параметры	2022 год	2023 год	2024 год
Экспорт товаров в ЕС и США	Снижение на 25%	Снижение на 30%	Снижение на 35%
Диверсификация рынков сбыта	Рынки СНГ, Китай, Индия	Увеличение экспорта в Китай и страны Азии	Активизация торговли с Турцией и Южной Кореей
Санкции против российских банков	Заморозка активов, ограничение SWIFT	Проблемы с переводами и расчетами	Продолжается давление, переход на альтернативные системы
Перевод сделок в альтернативные валюты	15% от общего объема сделок	30% от общего объема сделок	45% от общего объема сделок
Транспортные ограничения	Проблемы с морским и авиационным транспортом	Ожидаемые затруднения на транзитных маршрутах	Развитие альтернативных маршрутов Азербайджана и Казахстана

В условиях глобальной нестабильности и санкций расширение внешнеторгового сотрудничества – стратегическая необходимость для стран ЕАЭС. Важно создавать новые торговые пути и укреплять связи со стабильными, экономически растущими странами, не участвующими в политических конфликтах.

Приоритетные направления внешней торговли следует выбирать на основе анализа экономического потенциала, структуры потребления, политической и экономической устойчивости потенциальных партнеров. Сравнение наиболее перспективных стран и регионов для взаимной торговли представлено в таблице 11.

На основе данных, представленных в таблице 11 можно сделать выводы:

1. Диверсификация: ЕАЭС активно стремится диверсифицировать свои внешнеторговые связи, рассматривая не только традиционных партнеров, но и развивающиеся рынки Азии и Африки.

2. Географический приоритет: Азия является ключевым регионом для расширения внешнеторгового сотрудничества, с акцентом на Китай и Индию.

3. Логистика и инфраструктура: Развитие транспортных коридоров (например, "Один пояс – один путь", "Север-Юг") играет важную роль в увеличении объемов торговли.

4. Расчеты в национальных валютах: Переход на расчеты в национальных валютах (юань, рубль) становится все более актуальным для снижения зависимости от доллара США.

Соглашения о свободной торговле: Заключение соглашений о свободной торговле (ССТ) является важным инструментом для стимулирования взаимной торговли.

Рекомендации:

- Ускорить переговоры по соглашению о свободной торговле с Индией: заключение соглашения о свободной торговле с Индией откроет большой потенциал для торговли и инвестиций.

- Развитие транспортной инфраструктуры: инвестиции в развитие транспортных коридоров, соединяющих Евразийское экономическое сообщество с Азией и другими регионами, чрезвычайно важны.

- Поддерживать переход к расчетам в национальной валюте: поощрять использование рублей и юаней во взаиморасчетах для снижения зависимости от доллара США.

- Активно продвигать продукцию ЕАЭС на новых рынках: организовывать торговые миссии и выставки в Азии и Африке.

- Разработать цифровую торговую платформу: использовать цифровые технологии для упрощения торговых операций и расширения доступа на рынок.

- Укреплять сотрудничество со странами Африки: рассмотреть возможность создания зоны свободной торговли со странами Африканского континента.

Таблица 11

Перспективные внешнеторговые партнеры ЕАЭС[2, 6]

Страна	ВВП на 2024г.	Население (млн. чел.)	Основные интересы ЕАЭС	Статус торговли	Перспективы развития
Китай	18,2	1420	Энергетика, продовольствие, металлургия	Действует ССТ с ЕАЭС	Рост поставок по линии «Один пояс-один путь», увеличение расчетов в юанях

Страна	ВВП на 2024г.	Население (млн. чел.)	Основные интересы ЕАЭС	Статус торговли	Перспективы развития
Индия	4,2	1400	Удобрения, нефть, мясо, фармацевтика	Идут переговоры о ССТ	Возможность поставок с/х продукции, развёртывание логистики через Иран
Иран	0,4	87	Машиностроение, зерно, нефтепродукты	Преференциальное соглашение с ЕАЭС	Потенциал коридора «Север-Юг»
ОАЭ/ Саудовская Аравия	2,1/ 1,2	9,4/ 35	Алмазы, древесина, металлопродукция	Торговля растёт, соглашения в проработке	Углубление логистического и инвестиционного сотрудничества
Вьетнам	0,5	100	Нефть, техника, зерно	Соглашение о свободной торговле действует с 2016 г.	Углубление торговли через цифровую платформу и РЦЕП
Египет/Алжир/ ЮАР	0,5/0,2/0,4	105/45/59	Химия, текстиль, машины	Начата проработка соглашений	Выход на африканский рынок через торговые миссии

Проведенное исследование позволяет оценить участие каждой страны ЕАЭС в создании экспортного потенциала, определить основные тенденции и характеристики структуры экспортной деятельности альянса. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования внешнеторговой политики ЕАЭС и сбалансированного развития экономик государств-членов.

Подводя итог можно отметить, что положительное сальдо внешней торговли стран ЕАЭС подвержено влиянию колебаний в мировой экономике. Наблюдается тенденция увеличения доли торговли со странами Азии, что указывает на переориентацию внешнеторговых потоков в восточном направлении. Действующие санкции и торговые ограничения по-прежнему оказывают существенное воздействие на структуру экспорта и импорта. Для активизации внешнеторговой деятельности странам ЕАЭС необходимо развивать производственные мощности и логистическую инфраструктуру, а также активно участвовать в международных инициативах, переговорных процессах и укреплении партнерских связей. Расширение географии внешнеторговых отношений является ключевым фактором для обеспечения устойчивости экономики ЕАЭС и уменьшения зависимости от ограниченного числа рынков сбыта. Наиболее перспективными регионами для развития сотрудничества представляются Азия, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка, характеризующиеся высокими темпами экономического роста и растущим спросом на товары и услуги из стран ЕАЭС. Однако для полной реализации экспортного потенциала необходима комплексная модернизация логистической системы, институциональная поддержка и гибкая торговая политика, адаптированная к изменяющимся условиям мировой экономики.

Список источников

1. Бюро национальной статистики Республики Казахстан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stat.gov.kz>

2. Гаврилов, В. Л. Перспективные тенденции и направления развития внешнеторговых отношений сотрудничества РФ со странами АСЕАН [Текст] : учеб. пособие / В.Л. Гаврилов. – М.: Молодой ученый, 2024. – 76 с.
3. Глазьев, С. Ю. О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года [Текст] : Международная торговля и торговая политика / С. Ю. Глазьев, С. П. Ткачук. – СПб.: Эксперт, 2023. – 112 с.
4. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org>
5. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org>
6. Евразийская экономическая комиссия. Доклады о барьерах, изъятиях и ограничениях на внутреннем рынке ЕАЭС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org>
7. Зиядуллаев, Н.С. Стратегический вектор развития стран ЕАЭС и Центральной Азии в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности / Н.С. Зиядуллаев, Х.А. Бахриддинова, З.К. Омарова // Экономика Центральной Азии. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 9-24.
8. Зуев, В. Н. Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ [Текст] / В. Н. Зуев, Е. Я. Овстровская, В. Ю. Скрыбина, Г. М. Калачигин // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2021. – №1. – С. 42-64.
9. Импорт товаров из стран ЕАЭС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stat.gov.kg>
10. Исследовано в России: многопредметный научный электронный журнал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zhurnal.mipt.rssi.ru>
11. Национальный статистический комитет Республики Армения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.armstat.am>
12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>

Глава 5. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Доценко А.Н.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»*

Внешняя торговля России является важным индикатором экономического развития страны.

Доходы, получаемые от экспорта товаров и услуг, формируют существенную часть федерального бюджета. От импорта продукции зависит целый ряд отечественных отраслей.

Заинтересованность России в расширении внешней торговли объясняется потребностями сбыта продукции на внешних рынках, получения дефицитных для данной экономики товаров, факторов производства или услуг, а также стремлением извлечения более высокой прибыли в результате монопольного влияния на внешнем рынке.

Для характеристики состояния внешней торговли России за 2020-2024 годы рассмотрим динамику показателей, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Динамика показателей внешней торговли товарами Российской Федерации
за 2020-2024 годы [7]

Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %	
						2024/ 2020	2024/ 2023
Внешнеторговый оборот, млн долл. в том числе:	568773	784999,5	868587	727834	732818	128,8	100,7
Экспорт, млн долл.	337105	491580	592077	424748	433087	128,5	102,0
Экспорт, уд. вес, %	59,27	62,62	68,17	58,36	59,10	99,7	101,3
Импорт, млн долл.	231668	293419,5	276510	303086	299731	129,4	98,9
Импорт, уд. вес, %	40,73	37,38	31,83	41,64	40,90	100,4	98,2
Внешнеторговое сальдо, млн долл.	105437	198160,5	315567	121662	133356	126,5	109,6
Коэффициент покрытия импорта экспортом	1,46	1,68	2,14	1,40	1,44	х	х

По данным Банка России за исследуемый период с 2020 года по 2024 год размер внешнеторгового оборота России возрос на 28,8% или на 164045 млрд долларов. Экспорт России увеличился на 28,5%, что в стоимостном выражении составило 95982 млрд долларов. Российский импорт увеличился на 29,4% или на 68063 млрд долларов.

В 2024 году по сравнению с 2023 годом внешнеторговый оборот России увеличился всего на 0,7% и составил 732818 млрд долл., что выше также и показателей 2020 г., но ниже значений 2021-2022 гг.

Вместе с тем в 2024 году по сравнению с 2023 годом объем экспортной продукции увеличился на 2% или на 8339 млрд долларов. Рост экспорта связан

преимущественно с увеличением поставок за рубеж топливно-энергетических товаров в стоимостном выражении.

Объем ввозимой продукции в Россию за этот же период сократился на 1,1% или на 3355 млрд долларов, в основном за счет физических объемов продаж. В структуре импортируемой продукции наибольшую долю занимают машины и оборудование (52% в 2024 году).

В целом по итогу 2024 года объем экспортируемой российской продукции в 1,44 раза превышает импорт [3]. Максимальный размер коэффициента покрытия импорта экспортом отмечается нами в 2022 году – 2,14.

За 2020-2024 годы внешнеторговое сальдо было положительное и составило на конец периода 133, 356 млрд долларов. В 2020 году сальдо торгового баланса России также положительное и составило 105,437 млрд долл.

Анализ структуры внешнеторгового оборота России демонстрирует максимальное превышение размера экспорта над импортом в 2022 году: 68,17% над 31,83% (рис. 1).

Далее мы видим сокращение этих соотношений по российскому экспорту до уровня 58,36% – в 2023 году, 59,1% – в 2024 году. Максимальное сокращение доли экспорта во внешнеторговом обороте страны произошло в 2023 году по сравнению с 2022 годом почти на 10 п.п. до уровня 58,36%. Удельный вес импорта имел вместе с тем наибольшее значение за весь анализируемый период – 41,64%. В 2021 году по сравнению с предыдущим периодом доля экспорта в структуре внешнеторгового оборота возросла на 3,35 п.п. и составила 62,62%. Доля российского импорта сократилась в структуре внешнеторгового оборота соответственно на 3,35 п.п.

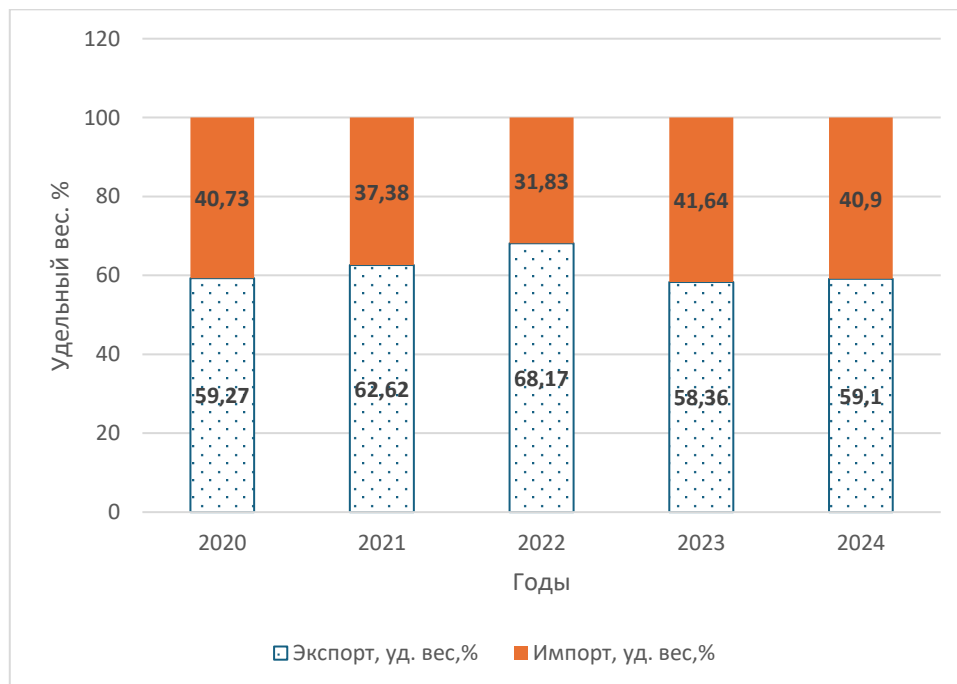

Рис. 1. Структура внешнеторгового оборота России за 2020-2024 годы, % [7]

Вследствие введенных санкций кардинальным образом скорректировалась география поставок продукции. Если в 2021 году на дружественные страны приходилось 60% российского несырьевого неэнергетического экспорта, то в настоящее время на них уже приходится порядка 85% всех поставок из России.

Главный покупатель российской продукции – это Китай, и объемы приобретаемой им российской продукции, и его доля в экспорте увеличиваются [3].

Традиционные внешнеторговые партнеры России – страны ЕАЭС, российские поставки туда отличаются не только большими и растущими объемами, но и исключительным разнообразием. Поставки во многие страны Ближнего Востока, Африки, Азии и Латинской Америки пока имеют неширокую номенклатуру, но российский бизнес осваивает и эти рынки. Темпы роста экспорта в некоторые страны этих регионов двузначные.

Рассмотрим динамику показателей внешней торговли Российской Федерации по группам стран с 2022 по 2024 год (табл. 2).

Таблица 2

Экспорт и импорт товаров Российской Федерации по группам стран
за 2022-2024 гг. [9]

(млрд. долл. США)

Наименование показателя	Экспорт			Темп роста, %		Импорт			Темп роста, %	
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2023/2022	2024/2023	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2023/2022	2024/2023
Весь мир	592,5	425,1	433,9	71,7	102,1	255,3	285,3	283	111,8	99,2
в том числе:	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ЕВРОПА	265,6	84,9	68,4	32,0	80,6	89,5	78,5	73,1	87,7	93,1
АЗИЯ	290,4	306,6	329,2	105,6	107,4	145,2	187,6	191,2	129,2	101,9
АФРИКА	14,8	21,2	24,3	143,2	114,6	3,1	3,4	3,5	109,7	102,9
АМЕРИКА	20,5	12,2	11,9	59,5	97,5	16,8	15	14,8	89,3	98,7
ОКЕАНИЯ	0,282	0,007	0,006	2,5	85,7	0,4	0,2	0,1	50,0	50,0

Географическая структура внешней торговли России за 2022-2024 годы характеризуется резкой переориентацией с европейских на азиатские рынки. Объемы экспорта в Европу снижаются с 265,6 млрд. долл. в 2022 году до 68,4 млрд. долл. в 2024 году. Вместе с тем наблюдается рост объемов экспортируемой продукции и товаров в Азию на 38,3 млрд. долл. за три исследуемых периода. В 2024 году его размер составил 329,2 млрд. долл.

Товарооборот с Африкой за исследуемый период также возрос почти в 1,5 раза, с 14,8 млрд. долл. в 2022 году до 24,3 млрд. долл. в 2024 году. Ключевые рынки Ближнего Востока в 2024 году: Турция, ОАЭ, Египет.

За 2022-2024 годы сокращаются значительно поставки в страны Океании и Америки. Экспорт в США за исследуемый период сократился на 42%, с 20,5 млрд. долл. в 2022 году до 11,9 млрд. долл. в 2024 году. Экспортные поставки в Океанию снизились с 0,3 млрд. долл. в 2022 году до 0,006 млрд. долл. в 2024 году. Доля этих регионов упала с 3,5% до 2,7% (Америка) и с 0,05% до 0,001% – Океания.

За весь исследуемый период экспорт российской продукции превышал импорт и по миру в целом, и по странам. Основной объем импортируемой продукции в Россию поступает из стран Азии. По итогу 2022 года на долю импорта из этих стран приходится 57%, а в 2024 году – 68%. Удельный вес объемов импортируемой продукции из стран Европы сокращается с 35% в 2022 году до 26% в 2024 году. Доля импорта из Америки также сокращается, если в 2022 году было 6,65, то в 2024 году – 5,2%. К 2024 году сокращается удельный вес объемов импортной продукции из стран Океании.

Очевидная сырьевая зависимость делает экономику страны уязвимой к колебаниям цен. Анализ товарной структуры внешней торговли показывает, что экспорт по-прежнему остаётся зависимым от сырьевых товаров, хотя наблюдается снижение доли энергоресурсов. Минеральные продукты в товарной структуре экспорта составляют более 60% (нефть, газ, уголь).

В товарной структуре экспорта российской продукции в европейские страны преобладают топливно-энергетические товары, древесина, чёрные и цветные металлы (табл. 3). Рост экспорта в 2024 году отмечается по минеральным товарам на 1,5%, по продукции химической промышленности на 1,5%, по кожевенному сырью, пушнине и изделиям из них – рост в 2 раза, по древесине и целлюлозно-бумажным изделиям – 2%, текстильным изделиям и обуви – 35,3%, Металлы и изделия из них – 6,2%, машины, оборудование и транспортным средствам и другим товарам – 2,2%.

Таблица 3

Товарная структура экспорта и импорта товаров Российской Федерации по группам стран за 2022-2024 гг. [9]

(млрд. долл. США)

Наименование показателя	Экспорт			Темп роста, %		Импорт			Темп роста, %	
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2023/ 2022	2024/ 2023	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2023/ 2022	2024/ 2023
Всего	592,5	425,1	433,9	71,7	102,1	255,3	285,1	283	111,7	99,3
в том числе:										
01-24-Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	41,3	43,1	42,6	104,4	98,8	35,8	35,1	37,7	98,0	107,4
25-27-Минеральные продукты	391,6	260,1	264,1	66,4	101,5	5,3	5,6	4,5	105,7	80,4
28-40-Продукция химической промышленности, каучук	42	27,2	27,6	64,8	101,5	57,1	55,7	53,5	97,5	96,1
41-43-Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,2	0,1	0,2	50,0	200,0	1	1,2	1	120,0	83,3
44-49-Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	14	9,9	10,1	70,7	102,0	3,9	3,4	3,2	87,2	94,1
50-67-Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,9	1,7	2,3	89,5	135,3	15,8	19,1	18,1	120,9	94,8
71-83-Металлы и изделия из них	70,7	60	63,7	84,9	106,2	19,1	19,2	17,9	100,5	93,2
68-70, 84-97-Машины, оборудование и транспортные средства и другие товары	30,8	22,9	23,4	74,4	102,2	117,5	145,8	147,1	124,1	100,9

В товарной структуре импорта продукции из стран Евросоюза в Россию наибольший удельный вес занимают готовые машины и оборудование, причем их удельный вес возрастает с 46% в 2022 году до 52% в 2024 году. На втором месте находится импорт продукции химической промышленности. В 2022 году его удельный вес составил 22%, а в 2024 году снизился до уровня 19%. И третье место в товарной структуре импортной продукции занимают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного).

Особое внимание следует уделить валютной структуре расчётов. Доля доллара и евро в операциях по внешнеэкономической деятельности значительно снизилась и к 2024 году составила всего 18 % против 80 % ранее. Расчёты всё чаще осуществляются в национальных валютах, в частности в юанях, индийских рупиях и российских рублях. Это позволяет снизить зависимость от западных финансовых систем и повысить устойчивость внешнеэкономических операций (табл. 4).

Таблица 4

Валютная структура поступлений за экспорт товаров и услуг по внешнеторговым контрактам по географическим зонам и валютам государств за 2019-2024 годы [9]
(в процентах к итогу)

		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	в российских рублях	15,0	14,8	14,3	27,8	39,0	41,5
	в валютах государств и территорий по перечню*	83,9	83,8	84,6	63,6	31,6	18,6
	в прочих валютах	1,1	1,3	1,0	8,6	29,4	39,9
Азия	в российских рублях	23,5	19,7	20,3	28,3	36,2	37,7
	в валютах государств и территорий по перечню*	74,3	77,7	77,3	55,3	28,1	15,9
	в прочих валютах	2,2	2,6	2,5	16,4	35,7	46,4
Америка	в российских рублях	17,8	17,2	14,2	14,4	22,8	30,0
	в валютах государств и территорий по перечню*	82,2	82,8	85,8	85,3	74,8	67,7
	в прочих валютах	0,0	0,0	0,0	0,3	2,4	2,3
Африка	в российских рублях	2,7	1,9	1,7	14,5	37,8	52,9
	в валютах государств и территорий по перечню*	75,0	85,4	83,1	71,9	13,9	22,7
	в прочих валютах	22,3	12,7	15,2	13,6	48,3	24,3
Европа	в российских рублях	11,5	12,3	11,6	27,7	49,3	60,4
	в валютах государств и территорий по перечню*	88,2	87,3	88,3	69,9	43,2	29,5
	в прочих валютах	0,3	0,4	0,1	2,4	7,5	10,1
Карибский бассейн	в российских рублях	7,2	13,8	35,0	57,0	77,8	54,2
	в валютах государств и территорий по перечню*	90,2	81,6	61,0	41,6	19,9	44,2
	в прочих валютах	2,6	4,6	4,1	1,3	2,4	1,7
Океания	в российских рублях	9,2	11,0	13,8	23,3	25,7	60,9
	в валютах государств и территорий по перечню*	90,8	89,0	86,2	62,7	18,6	33,2
	в прочих валютах	-	-	-	14,0	55,7	5,9

География внешней торговли России также претерпела значительные изменения. Китай остаётся главным торговым партнёром, на долю которого приходится порядка 140 миллиардов долларов товарооборота в 2024 году. Россия поставляет в Китай нефтепродукты, уголь и зерно, в то время как получает электронику, оборудование и цифровые технологии. Второе место занимает Индия,

которая активно закупает российскую нефть, а также развивает сотрудничество в сфере судостроения и производства оборудования.

Торговые связи с Европейским союзом продолжают сокращаться, причём объём товарооборота упал более чем на 60 % по сравнению с периодом до санкций. Основной уход произошёл из Германии, Польши и Франции. Вместе с тем, роль Турции возрастает: страна становится логистическим хабом для поставок товаров из Азии в Россию. Также усиливаются торговые отношения с Узбекистаном, Казахстаном, ОАЭ и другими странами БРИКС.

На основании анализа современного состояния внешней торговли России нами выделены следующие основные тенденции:

- темпы роста экспортной российской продукции превышают темпы роста импортной продукции;
- географическая структура внешней торговли России характеризуется резкой переориентацией с европейских на азиатские рынки, особенно Китая и Индии;
- в товарной структуре российского экспорта основную долю занимают минеральное сырьё, металлы и металлические изделия;
- в товарной структуре импорта основная доля отводится химической продукции, машинам и высокотехнологичному оборудованию, транспорту;
- наблюдается развитие несырьевого экспорта;
- увеличивается использования национальных валют в расчётах.

В современных экономических условиях образовалось много проблем во внешней торговле Российской Федерации (рис. 2).

1. Неэффективная деятельность Всемирной торговой организации, которая по мнению мирового сообщества выступает проамериканской организацией и не отвечает всем запросам участников мировой экономики.

2. Многие страны отступают от норм Всемирной торговой организации и положений Генерального соглашения по торговле (ГАТТ), ведут «торговые войны», связанные с взаимным повышением таможенных пошлин, ограничивающих внешнюю торговлю и другими методами неоправданного нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности.

3. В последнее время возвращается политика протекционизма на смену глобализации, объединения, снятия таможенных границ и пошлин, валютной интеграции и т.д. Многими странами для защиты своих производителей применяются тарифные и нетарифные методы защиты своей экономики, антидемпинговые пошлины.

4. Западные страны используют способы политического давления и экономические санкции против Российской Федерации.

С 2022 года проблемой внешней торговли стала внешнеполитическая обстановка в мире и пакет санкций против Российской Федерации. Взаимные ограничения довольно серьезно тормозят торговлю России [5].

Санкции 2022-2025 гг. являются огромным барьером на пути к развитию внешней торговли России, так же данные пакеты санкций могут привести к самым непредсказуемым последствиям для экономики страны.

5. Офшоризация российской экономики и ВЭД. Через офшоры и полуофшоры экспортируется огромная часть российских товаров, также осуществляются российские инвестиции за рубеж. Однако эти компании не платят налоги в бюджет России и в целом офшоризация внешнеэкономической деятельности приводит к оттоку капитала из страны.

6. Необходима дедолларизация российской экономики, заключение внешнеторговых контрактов в рублях или валюте страны-покупателя, используя различные экономические стимулы для участников внешнеэкономической деятельности.

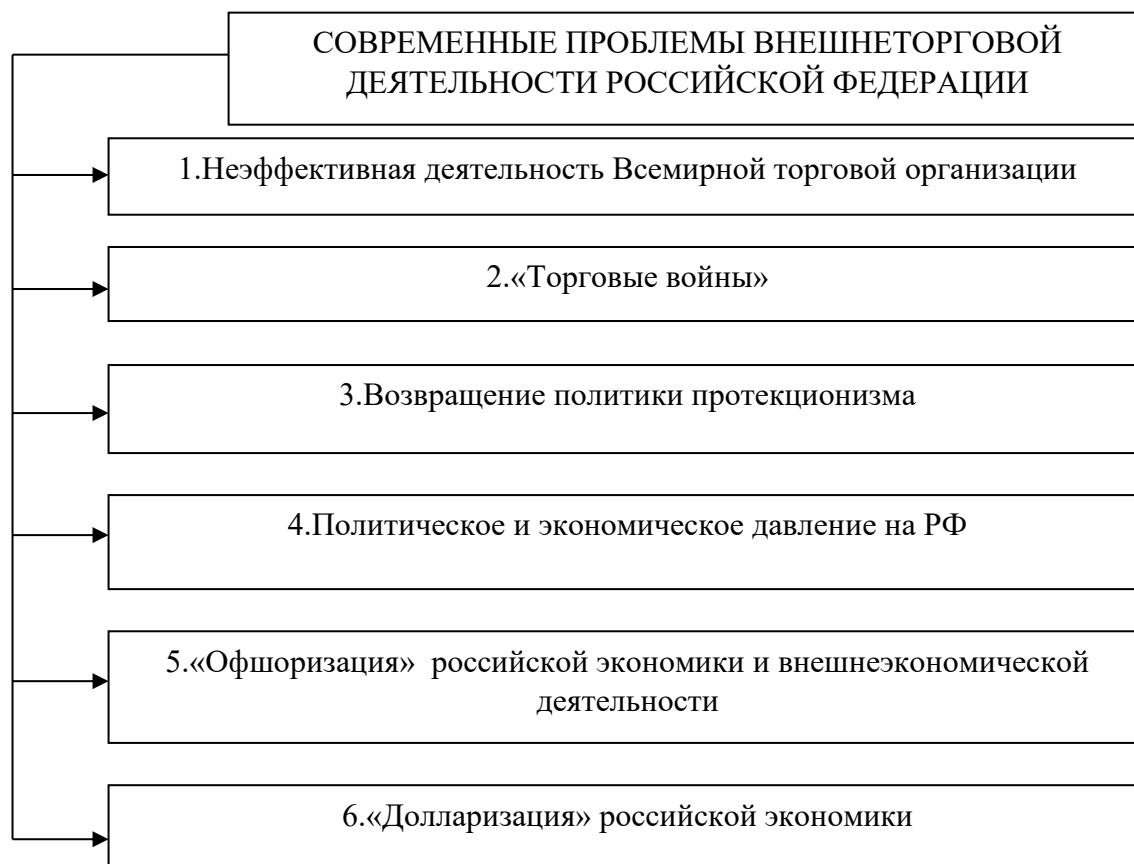

Рис. 2. Современные проблемы внешнеторговой деятельности Российской Федерации

Россия, как одна из крупнейших экономик мира, сталкивается с рядом вызовов, связанных с изменением геополитической обстановки, усилением санкционного давления со стороны западных стран и необходимостью диверсификации торговых партнеров. В условиях действия ограничений, введенных недружественными государствами, особенно остро стоит вопрос о структурной перестройке внешнеэкономических связей, обеспечении технологического суверенитета и повышении конкурентоспособности российских товаров на зарубежных рынках.

Мы считаем, что в современных экономических условиях следует наращивать объемы экспортной продукции, совершенствовать структуру внешней торговли в пользу наукоемкой продукции, расширять географию внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов. Эти направления развития внешней торговли выступают обеспечением экономической безопасности и динамичного развития отечественной экономики.

Санкции 2022-2025 гг. являются огромным барьером на пути к развитию внешней торговли России, так же данные пакеты санкций могут привести к самым непредсказуемым последствиям для экономики страны. Также на данный момент внешняя торговля Российской Федерации является под огромной зависимостью от решения внешних контрагентов в отношении участия в спецоперации на Украине.

Огромные проблемы в отношении внешней торговли привели решения большой семерки – санкции: запрет на импорт товаров и услуг из России. Под санкции попали не только нефтепродукты и нефть, а так же товары роскоши, спиртные продукты, IT-ресурсы, изолирование от долларовой системы и так далее.

В условиях санкций против России начиная с конца февраля 2022 года во внешнеторговом обороте нашей страны объем экспортируемой продукции в стоимостном выражении увеличивались, что в первую очередь связано с удорожанием на мировом рынке энергоносителей, составляющих основную часть российского товарного экспорта.

Объемы импортируемой продукции значительно сократились из-за введенных коллективным Западом ограничений и запретов на поставку в Россию многих товаров. В связи с этим основная задача по развитию внешней торговли России – импортировать продукцию из других стран, не относящихся к категории «недружественных государств», среди них особо значим Китай [5].

Таким образом, ответом на введенные ограничения и запреты на поставку в Россию многих товаров активно становятся параллельный импорт и импортозамещение. Развитие импортозамещения является в настоящее время стратегической задачей, как на уровне страны, так и ее регионов по следующим отраслям: промышленное станкостроение, электронная промышленность, легкая промышленность, медицинская промышленность, тяжелое машиностроение, машиностроение для пищевой промышленности, фармацевтическая отрасль [11].

Таким образом, внешняя торговля играет ключевую роль в экономике практически любого государства. Именно внешнеторговая деятельность определяет экономический и политический вес государства на мировой арене. Однако на пути к успешному развитию экспорта и импорта возникают различные проблемы, требующие комплексного анализа и поиска эффективных решений.

Список источников

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 08.12.2003 N 164–ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.09.2025)
2. Доценко, А. Н. Состояние и тенденции развития внешней торговли России в современных экономических условиях // Актуальные проблемы развития национальной и региональной экономики: сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов и молодых ученых (Белгород, 28 апреля 2022 г.) / Под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. Е.Н. Камышанченко, к-та экон. наук, доц. Н.П. Шалыгиной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. – С. 150-156.
3. Доценко, А.Н. Проблемы и перспективы развития внешней торговли РФ в современных экономических условиях / А.Н. Доценко, Е.В. Токарь // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 27 октября 2022 г. / под науч. ред. Е.Н. Камышанченко, Ю.Л. Растопчиной, А.А. Швецовой. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – С. 85-94.
4. Доценко, А.Н. Россия в системе международных валютно-кредитных отношений: особенности и перспективы / А.Н. Доценко, Я.Ю. Халина, Д.А. Забара // Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного комплексного мероприятия (г. Белгород, 5–8 ноября 2024 г.) / под ред. В.М. Захарова, Я.И. Серкиной. – Белгород: ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2025. – С. 352-355. – URL :<http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/64476>. – Текст: электронный.. ISBN 978-5-9571-3781-8

5. Доценко, А. Н. Внешняя торговля России и Китая: состояние и перспективы развития // Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного научно-практического комплексного мероприятия (г. Белгород, 1-2 ноября 2023 г.) / под ред. В.М. Захарова. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – С. 154-158.
6. Тарасова, Т. Ф. Экономическая безопасность России в условиях санкций / Т.Ф. Тарасова, А.Н. Доценко, Д.Е. Немченко, Е.А. Кореньков // УСПЕХИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ 2024: сборник статей V Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2024. – С. 45-49. ISBN 978-5-00236-639-2
7. Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sbr.ru/> (дата обращения: 10.09.2025)
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.09.2025)
9. Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/507> (дата обращения: 10.09.2025)
10. Шалыгина, Н.П. Перспективы смены направления внешней торговли России / Н.П. Шалыгина // Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного научно-практического комплексного мероприятия (г. Белгород, 1-2 ноября 2023 г.) / под ред. В.М. Захарова. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – С. 270-273.
11. Швецова, А.А. Влияние цифровых технологий на достижение целей устойчивого развития: опыт России / А.А. Швецова, Е.И. Дорохова // Экономико-управленческий конгресс: сборник научных работ по итогам международного научно-практического комплексного мероприятия (г. Белгород, 1-2 ноября 2023 г.) / под ред. В.М. Захарова. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – С. 274-282

Глава 6. ТАМОЖЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЛЮЧЕВЫХ ПАРТНЕРОВ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ)

Шалыгина Н.П.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

В настоящее время повышается значимость вопросов, связанных с развитием внешнеэкономических связей, выходом на новые рынки сбыта отечественной продукции, созданием благоприятных условий для инвестиционного сотрудничества между странами. Это обусловлено, прежде всего, уровнем современных международных отношений и тенденций, складывающихся на мировом рынке. В целом, для российского экспортера эти тенденции носят негативный характер, что заставляет рассматривать «новые горизонты» внешнеэкономических отношений.

Изменение вектора внешнеэкономической деятельности российского бизнеса в условиях продолжающегося санкционного давления определил в последние годы страны Восточной и Южной Азии как одних из важнейших внешнеторговых партнеров. Дальнейшее развитие внешнеэкономических отношений между странами, а рост доли Азии в российском товарообороте в 2024 году уже достигнул значительного кратного увеличения, зависит от множества факторов. К числу приоритетных следует отнести таможенное сотрудничество.

Бесспорно таможенное сотрудничество между странами способствует упрощению торговли, а значит еще большему упрочнению внешнеэкономических связей, что качественно отражается на обеспечении экономической безопасности, защите внутренних рынков и повышению эффективности внешнеэкономических отношений за счет стандартизации процедур, обмена информацией и взаимного признания документов.

Для понимания особенностей и перспектив таможенного сотрудничества России с Китаем, Индией и Ираном – крупнейшими российскими партнерами из Восточной и Южной Азии, необходимо провести сравнительный анализ таможенных отношений с этими странами, основой которого выступили следующие критерии: правовая база таможенного сотрудничества, институциональные механизмы взаимодействия, товарооборот и структура торговли, уровень цифровизации таможенных процедур, проблемы и вызовы в таможенном взаимодействии.

Правовая база таможенного сотрудничества с рассматриваемыми странами имеет схожую структуру, но различается по степени детализации и охвату. С Китаем действует наиболее развитая система соглашений, включающая базовое Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (1994 год), а также ряд специализированных протоколов, регулирующих отдельные аспекты таможенного взаимодействия, например Протокол об обмене информацией, содержащейся в таможенных декларациях (2022 год) [1].

Правовая база сотрудничества с Индией включает Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (1997 год) и Соглашение о взаимном признании уполномоченных экономических операторов (2021 год). С Ираном сотрудничество регулируется Соглашением о сотрудничестве и взаимной

помощи в таможенных делах (2002 год) и Временным соглашением, ведущим к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном (2018 год) [2].

Институциональные механизмы таможенного взаимодействия также различаются по уровню развития. С Китаем функционирует постоянно действующая Подкомиссия по таможенному сотрудничеству в рамках Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств [3]. Заседания подкомиссии проводятся ежегодно, на них обсуждаются текущие вопросы и перспективы развития таможенного сотрудничества, принимаются конкретные решения по актуальным проблемам.

С Индией координация таможенного взаимодействия осуществляется в рамках Рабочей группы по таможенному сотрудничеству Межправительственной Российско-Индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Заседания рабочей группы проводятся не регулярно, что снижает оперативность решения возникающих проблем.

С Ираном взаимодействие осуществляется в рамках Российско-Иранской рабочей группы по таможенному сотрудничеству, а также через дипломатические каналы [4]. В последние годы наблюдается активизация институционального взаимодействия с Ираном в связи с реализацией проекта международного транспортного коридора «Север-Юг» и развитием зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном.

Товарооборот и структура торговли с рассматриваемыми странами существенно различаются (рисунок).

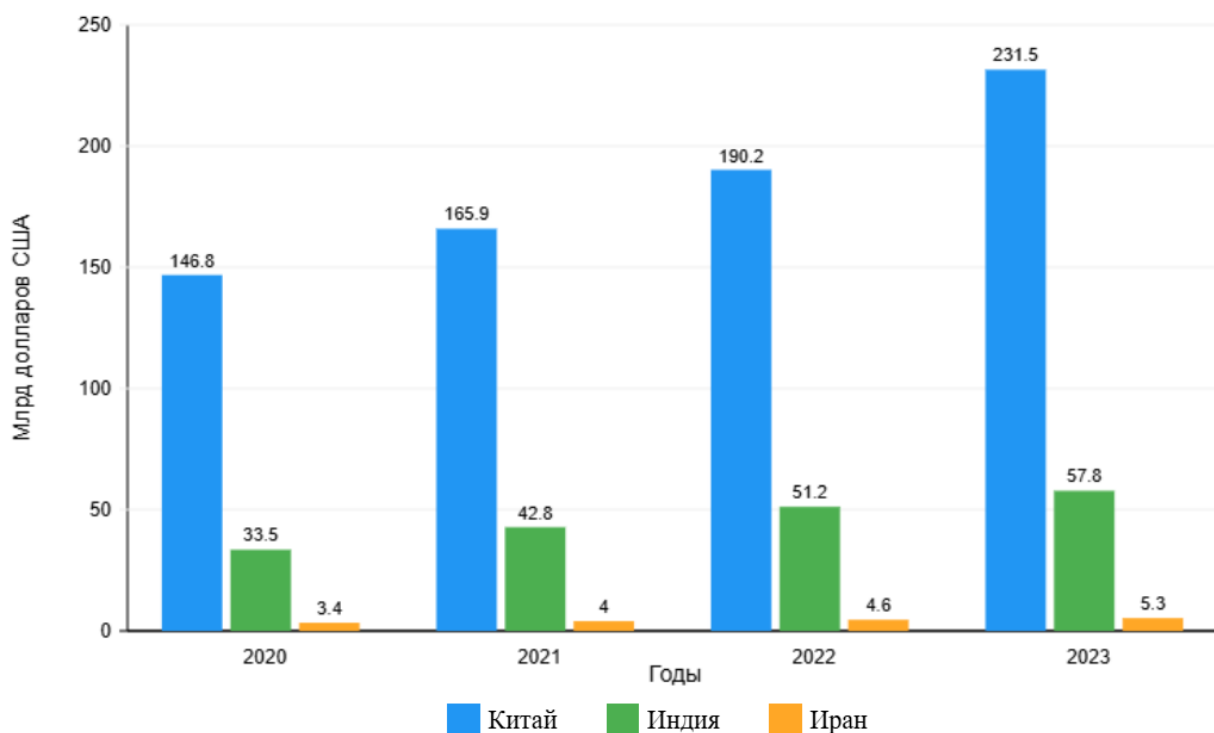

Рис. Динамика товарооборота России с Китаем, Индией и Ираном, млрд долларов США

Как видно из рисунка, товарооборот с Китаем значительно превышает товарооборот с Индией и Ираном, что определяет приоритетность развития таможенного сотрудничества с этой страной. В то же время, с 2021 года наблюдается существенный рост товарооборота с Индией, что свидетельствует о повышении значимости данного направления. Товарооборот с Ираном, хотя и остается

относительно небольшим, имеет тенденцию к росту, что создает предпосылки для развития таможенного сотрудничества.

Сравнительный анализ таможенного взаимодействия России с Китаем, Индией и Ираном позволяет выделить как общие черты, так и существенные различия. К общим чертам относятся наличие базовых соглашений о таможенном сотрудничестве, функционирование институциональных механизмов координации деятельности таможенных служб, стремление к упрощению таможенных процедур и развитию информационного взаимодействия.

Различия проявляются в уровне развития правовой базы, эффективности институциональных механизмов, объемах и структуре товарооборота, степени цифровизации таможенных процедур. Наиболее развитым является таможенное сотрудничество с Китаем, что обусловлено высоким уровнем товарооборота, длительной историей взаимодействия, совместными усилиями по развитию приграничных территорий и торговых маршрутов [3].

Таможенное сотрудничество с Индией характеризуется динамичным развитием в последние годы, что связано с ростом товарооборота и реализацией стратегических проектов, таких как международный транспортный коридор «Север-Юг» [5]. Вместе с тем, уровень институционализации и цифровизации таможенного взаимодействия с Индией остается ниже, чем с Китаем. Тогда как таможенное сотрудничество с Ираном находится в стадии становления и развивается в контексте формирования зоны свободной торговли с ЕАЭС.

В таблице представлены основные показатели таможенного сотрудничества России с Китаем, Индией и Ираном.

Таблица

Сравнительные показатели таможенного сотрудничества России
с Китаем, Индией и Ираном

Показатель	Китай	Индия	Иран
Товарооборот в 2022 году, млрд долл. США	190,3	18,2	4,6
Динамика товарооборота (2022/2021), %	+29,3	+65,1	+15,0
Основные экспортные товары России	Нефть и нефтепродукты, древесина, химическая продукция	Нефть и нефтепродукты, удобрения, драгоценные металлы	Зерновые культуры, древесина, минеральное топливо
Основные импортные товары	Машины и оборудование, химическая продукция, текстиль и обувь	Фармацевтическая продукция, машины и оборудование, продукты питания	Фрукты и орехи, изделия из пластмасс, овощи
Уровень развития правовой базы	Высокий	Средний	Низкий
Уровень институционализации	Высокий	Средний	Низкий
Уровень цифровизации таможенных процедур	Высокий	Средний	Низкий

Анализируя текущее состояние таможенного сотрудничества России с указанными странами, можно выделить ряд общих проблем, характерных для всех рассматриваемых направлений, а также специфические вызовы, присущие взаимодействию с каждой из стран.

Одной из ключевых общих проблем является недостаточная согласованность таможенных процедур и технологий. Несмотря на наличие соответствующих соглашений и договоренностей, сохраняются существенные различия в подходах к

таможенному администрированию, что создает дополнительные барьеры для участников внешнеэкономической деятельности. Так, по данным исследования Всемирного банка, время, затрачиваемое на прохождение таможенных формальностей при экспорте из России в Китай, в среднем на 30% больше, чем при экспорте в страны ЕС, что связано с различиями в требованиях к документации и процедурах контроля.

В таможенном сотрудничестве с Китаем проблема согласования процедур проявляется в различиях в требованиях к сертификации продукции, маркировке товаров, оформлению сопроводительных документов. По данным опроса российских экспортеров, проведенного Российским экспортным центром в 2022 году, 43% респондентов отметили сложности с соблюдением китайских требований к сертификации и маркировке товаров как основное препятствие при экспорте в КНР.

В сотрудничестве с Индией отсутствие согласования проявляется в различиях в подходах к классификации товаров, определению таможенной стоимости, применению тарифных и нетарифных мер. По данным Российского экспортного центра, в 2022 году 35% экспортеров, осуществляющих поставки в Индию, столкнулись с проблемами при определении кода товара по индийской номенклатуре, что приводило к задержкам при таможенном оформлении и дополнительным издержкам.

В таможенном взаимодействии с Ираном проблема согласования усугубляется действием международных санкций, ограничивающих возможности использования общепринятых механизмов взаимодействия. В частности, существуют сложности с применением международных стандартов электронного документооборота, использованием международных платежных систем, что требует разработки альтернативных механизмов.

Второй значимой проблемой является недостаточное развитие информационно-технического взаимодействия таможенных служб. Несмотря на активное внедрение цифровых технологий в таможенное администрирование, обмен информацией между таможенными службами России и рассматриваемых стран зачастую осуществляется с задержками и не в полном объеме [6].

В сотрудничестве с Китаем, несмотря на наличие Протокола об обмене информацией, содержащейся в таможенных декларациях, сохраняются проблемы с оперативностью предоставления данных и их полнотой. По оценкам экспертов, средний срок получения информации о товарах, перемещаемых через российско-китайскую границу, составляет 2-3 дня, что снижает эффективность таможенного контроля.

В таможенном взаимодействии с Индией информационно-техническое сотрудничество находится на начальной стадии развития. Отсутствие системы электронного обмена данными между таможенными службами приводит к необходимости дублирования информации, увеличению времени таможенного оформления, снижению эффективности контроля. С Ираном информационное взаимодействие ограничено из-за технических различий в информационных системах и международных санкций, затрудняющих внедрение стандартных решений. По данным ФТС России, в 2022 году доля электронного документооборота в таможенном взаимодействии с Ираном составила менее 20%, что значительно ниже показателей сотрудничества с другими странами.

Третьей общей проблемой является языковой барьер и культурные различия. Несмотря на развитие международных стандартов таможенного

администрирования, национальные особенности и традиции оказывают существенное влияние на практику применения таможенных процедур.

В сотрудничестве с Китаем языковой барьер создает сложности при интерпретации требований и инструкций таможенных органов, что может приводить к ошибкам при заполнении документов и задержкам при таможенном оформлении. По данным опроса участников внешнеэкономической деятельности, 28% российских компаний, осуществляющих торговлю с Китаем, отметили языковые и культурные различия как значимый фактор, затрудняющий ведение бизнеса.

В таможенном взаимодействии с Индией языковой барьер менее выражен благодаря распространению английского языка, однако культурные различия в подходах к ведению бизнеса и взаимодействию с государственными органами сохраняются. Согласно исследованию Российского экспортного центра, 22% российских экспортеров отметили необходимость адаптации к индийской деловой культуре как значимый фактор при выходе на рынок Индии.

В сотрудничестве с Ираном языковой барьер усугубляется ограниченным распространением английского языка и спецификой персидской письменности, что создает дополнительные сложности при подготовке документов и взаимодействии с таможенными органами. По данным опроса, проведенного Торгово-промышленной палатой РФ, 34% российских компаний, осуществляющих торговлю с Ираном, отметили языковые и культурные различия как существенный барьер [7].

Четвертой проблемой является влияние геополитических факторов на таможенное сотрудничество. Санкционное давление, региональные конфликты, конкуренция за рынки и ресурсы создают дополнительные вызовы для развития таможенного взаимодействия.

В сотрудничестве с Китаем геополитические факторы проявляются в осторожном подходе китайской стороны к развитию отношений с Россией в условиях давления со стороны западных стран. По данным анализа, проведенного Российским советом по международным делам, ряд китайских банков и компаний ограничили сотрудничество с российскими партнерами из-за опасений вторичных санкций, что затрудняет реализацию совместных проектов в таможенной сфере.

В таможенном взаимодействии с Индией геополитические факторы проявляются в балансировании Индии между сотрудничеством с Россией и поддержанием отношений с западными странами. Согласно исследованию Института Дальнего Востока РАН, индийские компании проявляют осторожность в расширении сотрудничества с российскими партнерами, опасаясь санкционных рисков, что отражается на динамике внешнеторговых отношений и таможенном взаимодействии [5].

В сотрудничестве с Ираном геополитические факторы связаны с международными санкциями, которые ограничивают возможности развития торгово-экономических отношений и таможенного взаимодействия. По оценкам экспертов, потенциал торговли между Россией и Ираном реализован менее чем на 30% из-за санкционных ограничений и связанных с ними проблем в финансовой и логистической сферах.

Пятой проблемой является недостаточное развитие таможенной и транспортной инфраструктуры. Ограниченная пропускная способность пунктов пропуска, недостаточное техническое оснащение, отсутствие современных логистических центров создают узкие места в цепочках поставок и снижают эффективность таможенного сотрудничества.

В отношениях с Китаем проблема инфраструктуры проявляется в ограниченной пропускной способности пунктов пропуска на российско-китайской границе. По данным ФТС России, в 2022 году средняя загрузка пунктов пропуска составила 112% от проектной мощности, что приводило к образованию очередей и увеличению времени прохождения границы. Особенно острой является ситуация в пунктах пропуска Забайкальск-Маньчжурия и Пограничный-Суйфэньхэ, через которые проходит основной товаропоток.

В сотрудничестве с Индией инфраструктурные проблемы связаны с развитием международного транспортного коридора «Север-Юг». По оценкам экспертов, для полноценного функционирования коридора необходимы инвестиции в размере 10-12 млрд долларов США, однако фактически выделяемые средства значительно меньше, что замедляет реализацию проекта [8]. Критическими точками являются порт Чабахар в Иране и железнодорожная ветка Решт-Астара, без которых невозможно обеспечить бесперебойное функционирование коридора.

В таможенном взаимодействии с Ираном инфраструктурные проблемы усугубляются действием международных санкций, ограничивающих возможности инвестирования в развитие портов, железных дорог, пунктов пропуска. По данным Министерства транспорта РФ, для полноценной интеграции Ирана в транспортный коридор «Север-Юг» требуется модернизация портовой инфраструктуры на Каспии, строительство и реконструкция железнодорожных линий, развитие мультимодальных логистических центров.

Шестой проблемой является недостаточная координация контрольных органов при осуществлении таможенного, фитосанитарного, ветеринарного и других видов контроля. Отсутствие механизма «единого окна» и необходимость прохождения множества контрольных процедур увеличивают время и стоимость перемещения товаров через границу.

В сотрудничестве с Китаем проблема координации контрольных органов проявляется в различных подходах к организации фитосанитарного и ветеринарного контроля. По данным Россельхознадзора, в 2022 году время согласования поставок сельскохозяйственной продукции из России в Китай составляло в среднем 15-20 дней, что значительно превышает аналогичные показатели для других стран.

В таможенном взаимодействии с Индией проблемы координации связаны с различиями в требованиях к сертификации продукции, процедурах тестирования и контроля качества. По данным Российского экспортного центра, 32% российских экспортеров, осуществляющих поставки в Индию, столкнулись с необходимостью дополнительной сертификации продукции, что приводило к увеличению сроков поставок и дополнительным издержкам.

В сотрудничестве с Ираном проблемы координации контрольных органов усугубляются отсутствием прямого взаимодействия между профильными ведомствами из-за международных санкций. По данным Торгово-промышленной палаты РФ, в 2022 году среднее время согласования поставок промышленной продукции из России в Иран составляло 25-30 дней, что существенно снижало конкурентоспособность российских экспортеров [7].

Наряду с общими проблемами, таможенное сотрудничество с каждой из рассматриваемых стран сталкивается со специфическими вызовами, обусловленными особенностями двусторонних отношений и национальными интересами.

Для таможенного сотрудничества с Китаем специфическим вызовом является значительная асимметрия товарооборота. По данным ФТС России, в 2022 году дефицит торгового баланса России с Китаем составил 38,2 млрд долларов США. Эта асимметрия создает дисбаланс в интересах сторон по развитию таможенного сотрудничества: Китай заинтересован в упрощении процедур для экспорта своей продукции, в то время как Россия стремится защитить внутренний рынок от избыточного импорта и стимулировать экспорт.

В таможенном сотрудничестве с Индией специфическим вызовом является конкуренция на рынках третьих стран и связанные с этим торговые противоречия. Россия и Индия конкурируют на рынках вооружений, энергоресурсов, сельскохозяйственной продукции, что может создавать препятствия для развития таможенного сотрудничества [5].

Для таможенного взаимодействия с Ираном специфическим вызовом является международный режим санкций, который ограничивает возможности сотрудничества в финансовой, транспортной, технологической сферах. По оценкам экспертов, эффективность таможенного сотрудничества с Ираном на 40-50% ниже потенциально возможного уровня из-за действия санкционных ограничений.

В целом, таможенное сотрудничество России с Китаем, Индией и Ираном в условиях трансформации международной торговли сталкивается с комплексом проблем и вызовов, обусловленных как общими факторами, так и спецификой двусторонних отношений. Преодоление этих проблем требует комплексного подхода, учитывающего как технические аспекты таможенного администрирования, так и более широкий геоэкономический и геополитический контекст.

Список источников

1. Петров, Ю.М. Российско-китайское таможенное сотрудничество: правовые аспекты и практика реализации / Ю.М. Петров // Юридические исследования. – 2022. – № 4. – С. 87-95.
2. Золотова, О.А. Тенденции развития таможенной логистики в условиях геоэкономической трансформации / О.А. Золотова, П.С. Романов // Логистические системы в глобальной экономике. – 2023. – № 3. – С. 112-120.
3. Дудкова, И.И. Институциональные механизмы российско-китайского таможенного сотрудничества / И.И. Дудкова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2023. – № 2. – С. 41-49.
4. Нечаев, Ю.А. Перспективы развития таможенного сотрудничества России со странами Азии в условиях цифровизации экономики / Ю.А. Нечаев // Информационное право. – 2022. – № 4. – С. 87-94.
5. Куликов, Л.В. Экономические отношения России и Индии в 2022-2023 годах / Л.В. Куликов // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 159-175.
6. Колесников, Г.В. Россия-АСЕАН: стратегическое партнерство в действии / Г.В. Колесников // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 63-71.
7. Толкачев, С.А. Таможенное сотрудничество России и Китая: проблемы и перспективы в условиях санкций / С.А. Толкачев, Р.В. Пичугин // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 86-99.
8. Кузнецов, И.В. Восточный морской коридор Россия-Индия: таможенные аспекты развития / И.В. Кузнецов, А.Ю. Силантьев // Вестник Российской таможенной академии. – 2024. – № 2. – С. 67-82.

Глава 7. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КЛЮЧЕВЫМИ ПАРТНЕРАМИ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ

Шалыгина Н.П.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

Селюков М.В.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры таможенного администрирования
РАНХиГС-Санкт-Петербург*

В условиях санкционного давления и переориентации внешнеэкономических связей России на восточное направление возникает необходимость осмысления существующих и формирования новых эффективных механизмов таможенного взаимодействия с этими ключевыми партнерами. Усиление интеграционных процессов на евразийском пространстве, реализация инициативы «Один пояс – один путь», активизация торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС актуализируют исследование приоритетных направлений таможенного сотрудничества России с Китаем, Индией и Ираном.

Рост товарооборота между Российской Федерацией и Китаем, Индией и Ираном обуславливает значимость развития таможенного сотрудничества для обеспечения безопасности и облегчения международной торговли. Совершенствование таможенных процедур, развитие транспортно-логистической инфраструктуры, согласования стандартов таможенного контроля выступают необходимыми условиями эффективного торгово-экономического взаимодействия с этими странами. В современных условиях таможенное сотрудничество с Китаем, Индией и Ираном становится не только инструментом содействия законной торговле, но и важным фактором обеспечения национальной безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам, включая незаконное перемещение товаров, нарушение прав интеллектуальной собственности, трансграничную преступность.

Таможенное сотрудничество России с Китаем, Индией и Ираном осуществляется не только на двусторонней основе, но и в рамках многосторонних международных организаций и соглашений. Эти механизмы играют важную роль в формировании таможенной политики России и создают дополнительные возможности для развития таможенного взаимодействия с рассматриваемыми странами.

Одной из ключевых международных организаций, в рамках которой развивается таможенное сотрудничество России с Китаем, Индией и Ираном, является Всемирная таможенная организация (далее – ВТамО). Данная организация разрабатывает международные стандарты таможенного администрирования, способствует согласованию таможенных процедур, обеспечивает профессиональную подготовку таможенных кадров [1]. Россия, Китай, Индия и Иран являются членами ВТамО и активно участвуют в ее деятельности, что создает благоприятные условия для развития многостороннего таможенного сотрудничества.

Особое значение для таможенного сотрудничества России с Китаем и Индией имеет Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). В рамках ШОС функционирует Специальная рабочая группа по таможенному сотрудничеству, которая разрабатывает и реализует инициативы по упрощению процедур торговли, согласованию таможенных процедур, борьбе с таможенными правонарушениями. Иран, получивший статус полноправного члена ШОС в 2023 году, также становится участником этого формата таможенного взаимодействия, что открывает новые перспективы для развития сотрудничества с Россией.

В рамках объединения БРИКС, куда входят Россия, Китай и Индия, также осуществляется координация таможенной политики. В 2022 году было подписано Соглашение о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах между странами БРИКС, которое создает правовую основу для обмена информацией, взаимного признания результатов таможенного контроля, борьбы с таможенными правонарушениями [2]. Данное соглашение значительно упрощает таможенные формальности для участников внешнеэкономической деятельности из стран БРИКС.

Существенное влияние на формирование таможенной политики России в отношениях с рассматриваемыми странами оказывают также соглашения о свободной торговле. В 2018 году было подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, которое предусматривает упрощение таможенных процедур, снижение тарифных барьеров, развитие информационного обмена между таможенными органами [3]. В настоящее время ведутся переговоры о заключении полноформатного соглашения о свободной торговле, что будет способствовать дальнейшему развитию таможенного сотрудничества России и Ирана.

Особое место среди международных соглашений, влияющих на таможенное сотрудничество России с Китаем, Индией и Ираном, занимает Киотская конвенция об упрощении и согласовании таможенных процедур. Данная конвенция устанавливает базовые принципы таможенного администрирования и является ориентиром для развития таможенного законодательства многих стран. Россия, Китай и Индия являются участниками данной конвенции, что создает общую правовую основу для согласования таможенных процедур.

Важную роль в формировании таможенной политики России в отношениях с рассматриваемыми странами играет также Соглашение ВТО об упрощении процедур торговли. Данное соглашение предусматривает меры по снижению бюрократических барьеров при осуществлении внешнеэкономической деятельности, ускорению выпуска товаров, повышению прозрачности таможенных процедур. Россия, Китай и Индия являются участниками данного соглашения и реализуют предусмотренные им меры, что способствует упрощению таможенных формальностей.

В настоящее время развитие таможенного сотрудничества России со странами Южной и Восточной Азии в значительной степени определяется формированием новых экономических коридоров, связывающих различные регионы Евразийского континента. В условиях трансформации геополитических и геоэкономических реалий, переориентации торговых потоков, развития новых маршрутов доставки товаров таможенное сотрудничество приобретает особое значение как инструмент обеспечения бесперебойного функционирования международных цепей поставок.

Развитие мировой экономики и трансформация глобальных цепочек поставок формируют новые экономические коридоры, имеющие стратегическое значение для развития внешнеторговых связей России с ключевыми партнерами в Азии – Китаем, Индией и Ираном. В этих условиях особую актуальность приобретают стратегические инициативы по развитию таможенного сотрудничества, направленные на обеспечение бесперебойного функционирования новых маршрутов доставки товаров.

Одной из ключевых стратегических инициатив является развитие таможенного сотрудничества в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). Данная инициатива, выдвинутая Китаем в 2013 году, предполагает создание разветвленной сети торговых и транспортных коридоров, связывающих Китай со странами Азии, Европы и Африки. Россия является одним из ключевых участников данной инициативы, рассматривая ее как возможность для развития своего транзитного потенциала и интеграции в новые глобальные цепочки поставок.

В рамках ОПОП реализуется несколько важных проектов, имеющих значение для развития таможенного сотрудничества России и Китая:

1. Проект «Цифровой пояс и путь», направленный на развитие цифровой инфраструктуры и цифровых платформ для обеспечения бесперебойного функционирования международных цепочек поставок. В рамках данного проекта создается единая цифровая платформа для электронного обмена данными о товарах и транспортных средствах, внедряются технологии блокчейн для обеспечения прослеживаемости товаров, развиваются механизмы электронного документооборота [4].

2. Проект «Зеленый коридор ОПОП», предусматривающий создание специальных таможенных режимов для товаров, перемещаемых по маршрутам инициативы. В рамках данного проекта разрабатываются упрощенные процедуры таможенного контроля, внедряются механизмы предварительного информирования и удаленного выпуска товаров, создаются системы оперативного обмена информацией между таможенными органами различных стран.

3. Проект «Умные границы ОПОП», направленный на модернизацию пограничных пунктов пропуска и внедрение современных технологий таможенного контроля. В рамках данного проекта устанавливаются современные инспекционно-досмотровые комплексы, внедряются системы автоматической идентификации транспортных средств и контейнеров, создаются «умные» системы управления очередями на границе.

По оценке экспертов, реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» позволит сократить время прохождения таможенных формальностей на российско-китайской границе на 40-50%, снизить транспортные и логистические издержки на 15-20%, увеличить объемы взаимной торговли на 25-30% [5].

Другой важной стратегической инициативой является развитие таможенного сотрудничества в рамках международного транспортного коридора «Север-Юг» (МТК «Север-Юг»). Данный коридор, соединяющий Россию с Индией через территорию Ирана, имеет стратегическое значение для развития торговых отношений между тремя странами [6]. В условиях ограничения доступа к традиционным маршрутам через территорию Европы МТК «Север-Юг» приобретает особое значение как альтернативный маршрут доставки товаров.

Для обеспечения эффективного функционирования МТК «Север-Юг» реализуются следующие стратегические инициативы в области таможенного сотрудничества:

1. Проект «Цифровой транзитный коридор», предусматривающий создание единой цифровой платформы для электронного сопровождения транзитных грузов по маршруту МТК «Север-Юг». В рамках данного проекта внедряются технологии электронного пломбирования, системы спутникового мониторинга транспортных средств, механизмы предварительного электронного декларирования транзитных товаров.

2. Проект «Трехстороннее таможенное взаимодействие», направленный на координацию деятельности таможенных органов России, Индии и Ирана при осуществлении контроля за перемещением товаров по маршруту МТК «Север-Юг». В рамках данного проекта создаются механизмы оперативного обмена информацией между таможенными органами трех стран, разрабатываются единые стандарты таможенного контроля, внедряются технологии удаленного выпуска транзитных товаров.

3. Проект «Единая система транзитных гарантий», предусматривающий создание механизма финансовых гарантий при транзитных перевозках по маршруту МТК «Север-Юг». В рамках данного проекта разрабатываются единые требования к гарантийным механизмам, внедряются электронные гарантии, создается система взаимного признания гарантий, выданных уполномоченными организациями трех стран [6].

По оценке экспертов, реализация проектов по развитию таможенного сотрудничества в рамках МТК «Север-Юг» позволит сократить время доставки грузов из России в Индию с 30-45 до 15-20 дней, снизить стоимость перевозки на 30-35%, увеличить объем транзитных перевозок по данному маршруту в 3-4 раза к 2030 году.

Важной стратегической инициативой является также развитие таможенного сотрудничества в рамках объединения БРИКС, в которое входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. В 2022 году в рамках БРИКС было подписано Соглашение о сотрудничестве и взаимной административной помощи в таможенных делах, направленное на развитие информационного обмена, согласованию таможенных процедур, борьбу с таможенными правонарушениями.

На основе данного соглашения реализуются следующие стратегические инициативы:

1. Проект «Таможенное окно БРИКС», предусматривающий создание единой платформы для взаимодействия участников внешнеэкономической деятельности и таможенных органов стран БРИКС. В рамках данного проекта разрабатываются единые стандарты электронного документооборота, внедряются механизмы электронного декларирования, создается система информационного обмена между национальными «едиными окнами» [2].

2. Проект «Взаимное признание УЭО БРИКС», направленный на создание механизма взаимного признания уполномоченных экономических операторов в странах БРИКС. В рамках данного проекта разрабатываются единые требования к УЭО, внедряются механизмы информационного обмена о деятельности УЭО, создается система взаимных упрощений для компаний, имеющих статус УЭО.

3. Проект «Таможенная академия БРИКС», предусматривающий создание единого центра подготовки и повышения квалификации таможенных

специалистов стран БРИКС. В рамках данного проекта разрабатываются совместные образовательные программы, внедряются механизмы обмена опытом и лучшими практиками, создается система дистанционного обучения таможенных специалистов [1].

По оценке экспертов, реализация проектов по развитию таможенного сотрудничества в рамках БРИКС позволит создать благоприятные условия для развития взаимной торговли, увеличить объемы товарооборота между странами-участницами на 25-30% к 2030 году, сократить административные барьеры при осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Стратегической инициативой, имеющей особое значение для сотрудничества России и Ирана, является развитие таможенного взаимодействия в рамках создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном. В 2018 году было подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, а в настоящее время ведутся переговоры о заключении полноформатного соглашения.

В рамках данной инициативы реализуются следующие проекты:

1. Проект «Электронная торговля ЕАЭС-Иран», предусматривающий создание механизмов таможенного регулирования электронной торговли между странами ЕАЭС и Ираном. В рамках данного проекта разрабатываются упрощенные процедуры таможенного оформления для товаров, приобретаемых в рамках электронной торговли, внедряются механизмы предварительного информирования о международных почтовых отправлениях, создаются системы управления рисками при контроле электронной торговли.

2. Проект «Таможенная информационная система ЕАЭС-Иран», направленный на создание механизма информационного обмена между таможенными органами стран ЕАЭС и Ирана. В рамках данного проекта разрабатываются протоколы обмена данными, внедряются механизмы защиты информации, создаются совместные базы данных о товарах и транспортных средствах.

3. Проект «Совместный таможенный контроль ЕАЭС-Иран», предусматривающий создание механизмов координации таможенного контроля на границах стран ЕАЭС и Ирана. В рамках данного проекта разрабатываются единые стандарты таможенного контроля, внедряются механизмы взаимного признания результатов контроля, создаются совместные пункты пропуска [8].

По оценке экспертов, реализация проектов по развитию таможенного сотрудничества в рамках создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном позволит увеличить товарооборот на 20-25% в течение первых трех лет после вступления в силу полноформатного соглашения, расширить ассортимент товаров взаимной торговли, создать благоприятные условия для развития инвестиционного сотрудничества [3].

Как видно из рисунка, реализация стратегических инициатив по развитию таможенного сотрудничества позволит существенно увеличить товарооборот России с ключевыми партнерами в Азии. Прогнозируется, что к 2030 году товарооборот с Китаем вырастет до 360 млрд долларов США (рост в 1,9 раза по сравнению с 2023 годом), с Индией – до 140 млрд долларов США (рост в 5,6 раза), с Ираном – до 45 млрд долларов США (рост в 9 раз). При этом структура товарооборота будет меняться в сторону увеличения доли высокотехнологичной продукции и услуг [7].

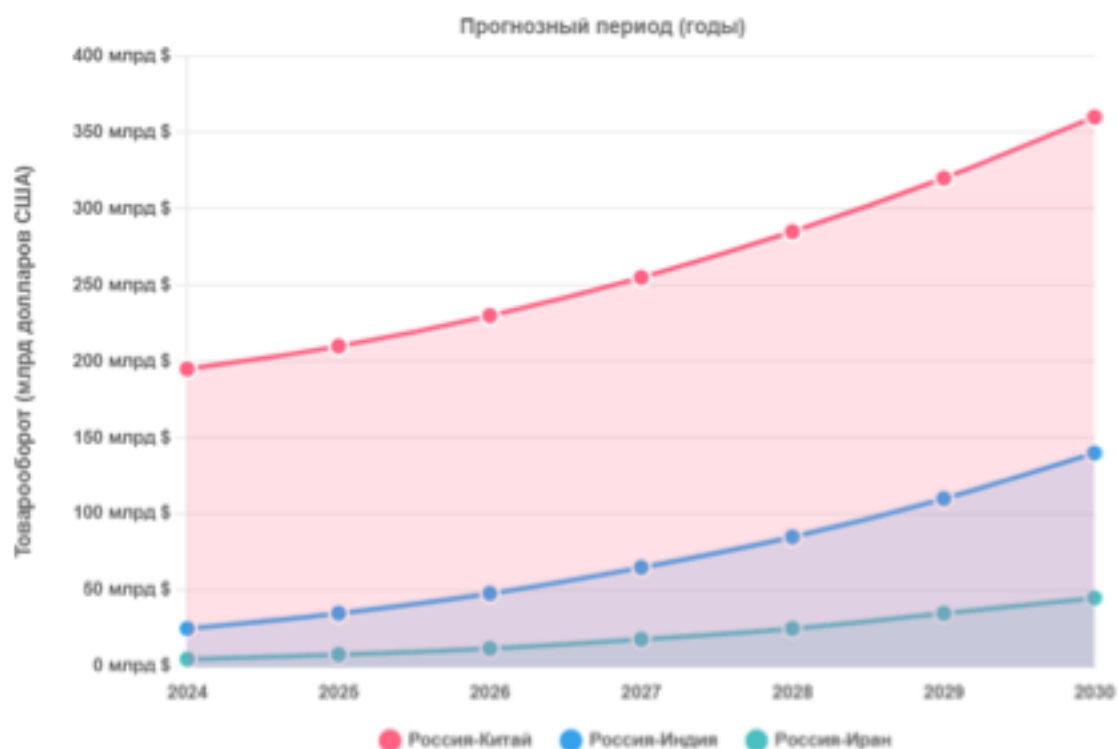

Рис. Прогноз товарооборота России с Китаем, Индией и Ираном до 2030 года

Особое значение для развития таможенного сотрудничества имеет реализация стратегической инициативы «Таможня будущего», направленной на внедрение передовых технологий и инновационных подходов к таможенному администрированию. В рамках данной инициативы реализуются следующие проекты:

1. Проект «Искусственный интеллект в таможне», предусматривающий внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в таможенное администрирование. В рамках данного проекта разрабатываются системы автоматического анализа рисков, внедряются механизмы интеллектуальной обработки изображений с инспекционно-досмотровых комплексов, создаются системы прогнозирования товаропотоков и нагрузки на таможенную инфраструктуру.

2. Проект «Блокчейн в таможне», направленный на внедрение технологии распределенных реестров в таможенные процессы. В рамках данного проекта разрабатываются системы прослеживаемости товаров на основе блокчейн-технологии, внедряются механизмы электронных гарантий и смарт-контрактов, создаются распределенные реестры сертификатов происхождения товаров [4].

3. Проект «Интернет вещей в таможне», предусматривающий внедрение технологий интернета вещей для контроля за перемещением товаров. В рамках данного проекта разрабатываются системы автоматического мониторинга контейнеров и транспортных средств, внедряются механизмы дистанционного контроля за сохранностью грузов, создаются системы автоматического контроля за соблюдением температурного режима при перевозке скоропортящихся товаров [7].

По оценке экспертов, реализация проектов в рамках инициативы «Таможня будущего» позволит сократить время таможенного оформления в 2-3 раза, снизить

административную нагрузку на бизнес на 40-50%, повысить эффективность таможенного контроля на 30-35%.

Таким образом, развитие стратегических инициатив по развитию таможенного сотрудничества России с Китаем, Индией и Ираном в контексте новых экономических коридоров направлено на создание благоприятных условий для развития внешнеторговых связей, снижение административных барьеров при осуществлении внешнеэкономической деятельности, повышение эффективности таможенного контроля. Реализация данных инициатив позволит существенно увеличить товарооборот с ключевыми партнерами в Азии, сократить время и стоимость таможенных процедур, повысить конкурентоспособность российских товаров на международных рынках.

Комплексный подход к развитию таможенного сотрудничества, включающий совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение современных информационных технологий, развитие таможенно-логистической инфраструктуры, повышение квалификации персонала, будет способствовать формированию эффективной системы таможенного взаимодействия, отвечающей требованиям цифровой экономики и учитывающей особенности развития международной торговли в условиях трансформации глобальных цепочек поставок.

Список источников

1. Воронов, А.М. Институциональные аспекты таможенного сотрудничества России со странами Азии / А.М. Воронов // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 27-35.
2. Дробот, Е.В. Проблемы таможенного сотрудничества России со странами Азии и пути их решения / Е.В. Дробот // Экономические отношения. – 2023. – № 2. – С. 153-161,
3. Золотова, О.А. Тенденции развития таможенной логистики в условиях геоэкономической трансформации / О.А. Золотова, П.С. Романов // Логистические системы в глобальной экономике. – 2023. – № 3. – С. 112-120.
4. Колесников, Г.В. Россия-АСЕАН: стратегическое партнерство в действии / Г.В. Колесников // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 63-71.
5. Чжан, Вэй. Инициатива «Один пояс – один путь»: таможенные аспекты реализации / Чжан Вэй, Е.Н. Смирнов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6. – С. 92-100.
6. Кузнецов, И.В. Восточный морской коридор Россия-Индия: таможенные аспекты развития / И.В. Кузнецов, А.Ю. Силантьев // Вестник Российской таможенной академии. – 2024. – № 2. – С. 67-82.
7. Ли, Бонинг. Исследование пути развития цифровой торговли Китая в контексте цифровой экономики / Ли Бонинг, С. Чжан // Журнал Интернет и цифровой экономики. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 1-147.
8. Программа совместного развития таможенного администрирования России и Китая на 2022-2025 гг. // Федеральная таможенная служба России [Электронный ресурс]. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/programma-2022-2025>).

Глава 8. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА РЫНКЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Дорохова Е.Н.

*канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»*

Информационные технологии играют ключевую роль в развитии современного общества в условиях цифровизации, оказывая большое влияние на социальные процессы, трансформируя коммуникацию и культурное взаимодействие. Социальные сети и мессенджеры стали значимыми каналами общения, государственное управление также претерпевает изменения благодаря развитию информационных технологий. Электронное правительство, цифровые сервисы для граждан, онлайн-голосование и другие инициативы помогают сделать административные процессы более прозрачными и доступными.

Повсеместный тренд на активное проникновение информационных технологий во все сферы общественной жизни породил такое явление, как цифровизация, который представляет собой процесс перехода хозяйствующего субъекта или целой экономической отрасли на новые модели бизнес-процессов, менеджмента и способов производства.

Импортозамещение в ИТ-отрасли предполагает создание собственного программного обеспечения (ПО), а также различных комплектующих для ПК на базе российских технологий. Данный процесс бесспорно очень важен для российской экономики, так как продолжающаяся цифровизация мировой экономики на протяжении последних лет выступает главным катализатором увеличения глобального ИТ-рынка. Пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., придала дополнительной импульс развитию ИТ-рынка и росту спроса на ИТ-продукты. Мировой ИТ-рынок рос с темпом 5% в год в период 2019-2022, при этом самым быстрорастущим сегментом являлось программное обеспечение (ПО). Объем российского рынка информационных технологий (ИТ) по итогам 2023 года составил порядка 3,1-3,5 трлн рублей, и по различным оценкам, до 2030 года будет расти с темпами 12%, сегмент ПО и услуг достигнет уровня в 2,8 трлн рублей.

Для ослабления зависимости отечественной ИТ-отрасли от зарубежных информационных продуктов, Министерство промышленности и торговли РФ и Министерство связи и массовых коммуникаций РФ разработали ряд государственных программ и стратегий, с помощью которых также возможно создание высокопроизводительных рабочих мест и повышение производительности труда; выпуск высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции; обеспечение информационной безопасности страны и населения.

Основной целью политики импортозамещения в области ИТ-технологий является активное развитие отечественных ИТ-решений, которые смогли бы выступить полноценной заменой иностранным продуктам. Также важной приоритетной задачей в области импортозамещения в ИТ-отрасли является обеспечение национальной безопасности страны.

Реализация политики импортозамещения в сфере информационных технологий (ИТ) и информационной безопасности (ИБ) после 2022 г. стала вызовом для российского ИТ-сегмента. При этом реальное импортозамещение в ИТ и ИБ требует не просто применения отечественных решений. Это не механический

процесс замены одного решения другим. Необходима адаптация информационных процессов, категорирование критичности информации по процессам и формирование рейтинга потребности в автоматизации процессов.

Необходимо учитывать, что на настоящий момент нет федеральных стандартов (технических регламентов) импортозамещения в ИТ и ИБ. Есть только сформулированные в нормативно-правовых актах требования о необходимости импортозамещения в ИТ и ИБ, в том числе для объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ). Более того, правительство рекомендовало ряду компаний с госучастием реализовать стратегии цифровой трансформации на отечественном ПО, достигнув 70% доли расходов на закупку российского ПО к 2024 году.

По оценке Росстата, объем ВВП России в 2023 году составил 171,041 трлн. рублей, при этом доля ИТ-отрасли в ВВП России в 2023 году – 1,96% при объеме рынка в 36,1 млрд. долл. США (около 3,2 трлн. руб.) (рис. 1.).

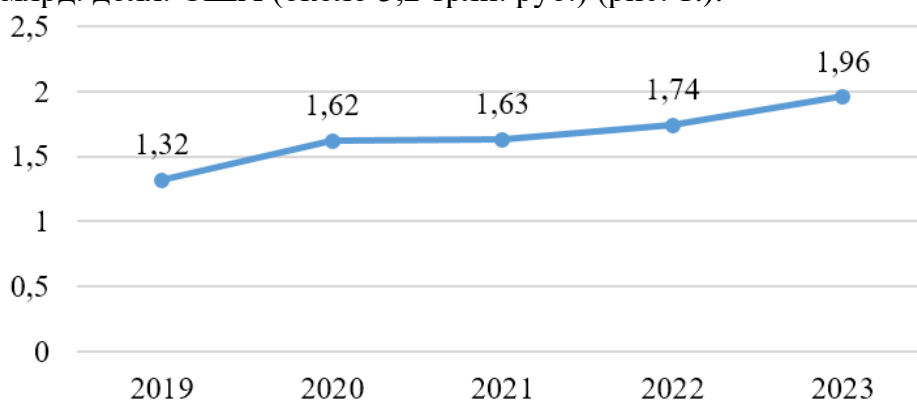

Рис. 1. Доля ИТ-отрасли в ВВП России, % [5]

По размеру российский ИТ-рынок кратно уступает лидерам мировой ИТ-индустрии (США, ЕС, Китай). Объем ИТ-рынка США достиг 1,3 трлн. долл., ЕС – 1,05 трлн. долл., Китая – 348 млрд. долл. Однако, по данным Высшей школы экономики, ИТ-отрасль в России заняла 1 место по темпам роста ключевых показателей за 4 года среди всех крупных отраслей экономики. Произошло увеличение всех основных показателей: вклада в ВВП, объема реализации продукции и услуг собственной разработки, численности сотрудников и инвестиций в основной капитал.

Темп роста валовой добавленной стоимости (ВДС) ИТ-отрасли к 2019 году и темп прироста ВДС к предыдущему году в России представлены на рисунке 2 и 3.

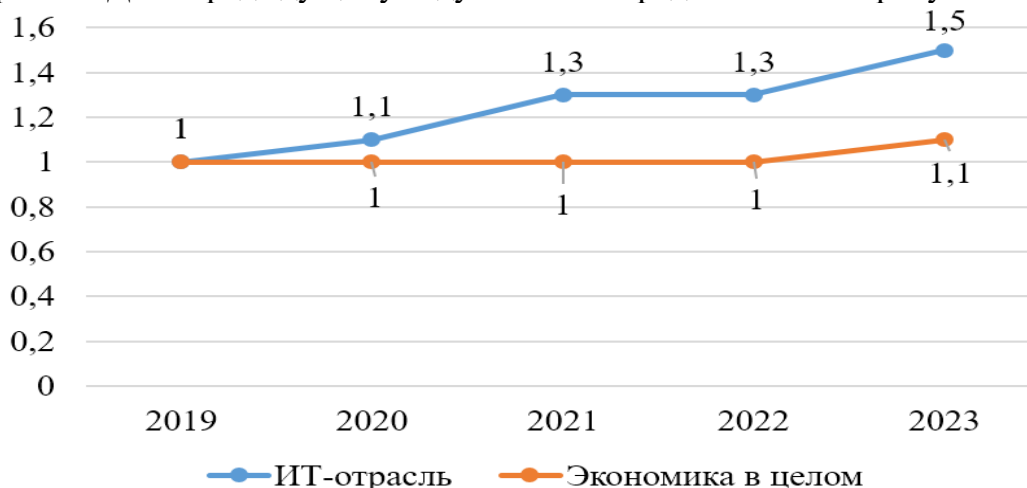

Рис. 2. Темп роста ВДС в ИТ-отрасли к 2019 году, раз [5]

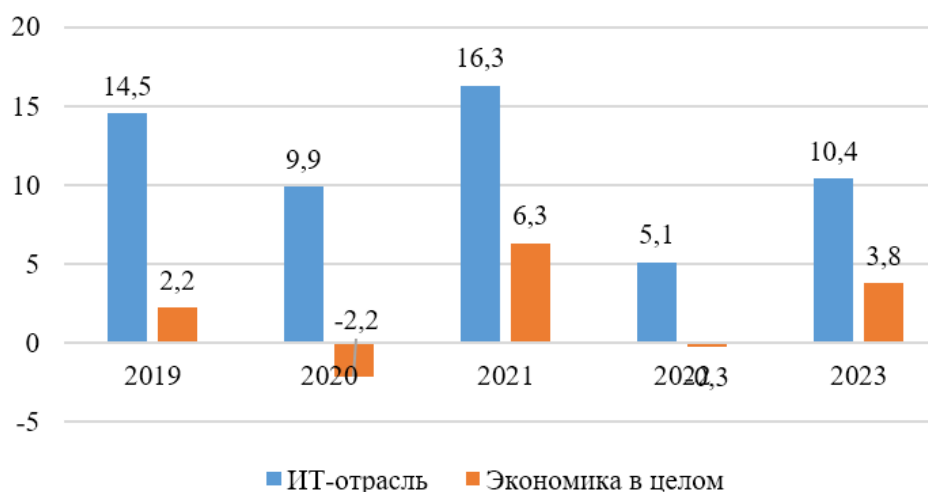

Рис. 3. Прирост ВДС к предыдущему году в реальном выражении, % [5]

Объём реализации продуктов собственной разработки и ИТ-услуг увеличился в России с 2019 по 2023 год в 2,5 раза и составил 3,1 трлн рублей (рис. 4). В среднем за год показатель рос на 26%. Для сравнения в целом по экономике рост объёма реализованной продукции составил 1,6 раз за 4 года.

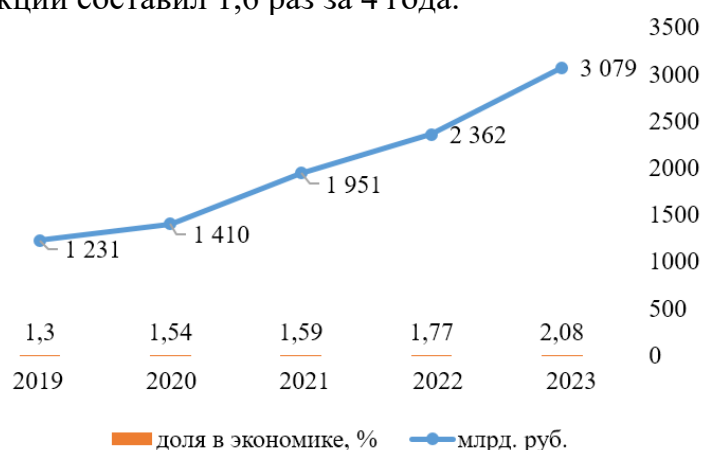

Рис. 4. Реализация собственных продуктов и услуг ИТ-отрасли [5]

Средняя зарплата в ИТ-отрасли в два раза выше средней по экономике. В 2023 году она составляла 155,9 тыс. рублей, что в 1,7 раз больше, чем в 2019 году (рис. 5).

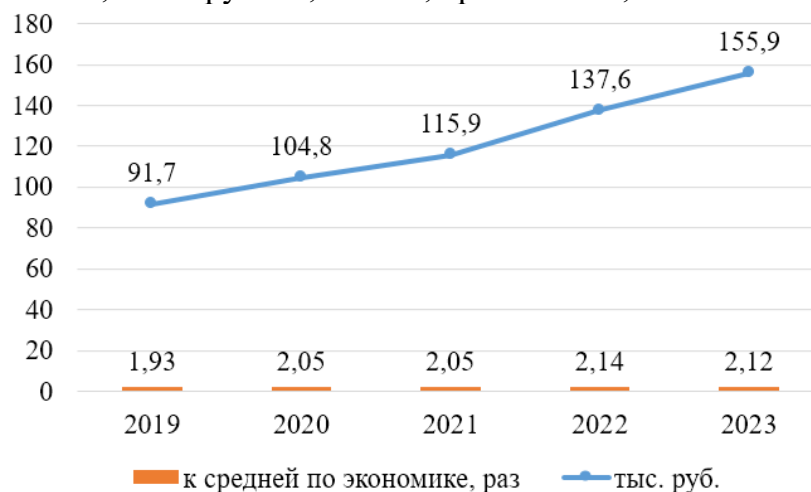

Рис. 5. Средняя заработная плата в ИТ-отрасли России [5]

Численность работников ИТ-отрасли России стабильно прирастает и за 4 года увеличилась в 1,5 раза, к концу 2023 года составила 857 тысяч человек (рис. 6). Для сравнения в целом по экономике количество работников за этот же период почти не изменилось (рис. 7).

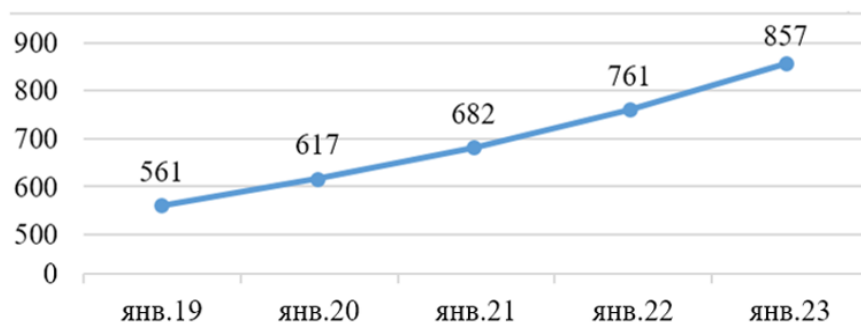

Рис. 6. Численность работников ИТ-отрасли, тыс. чел. [5]

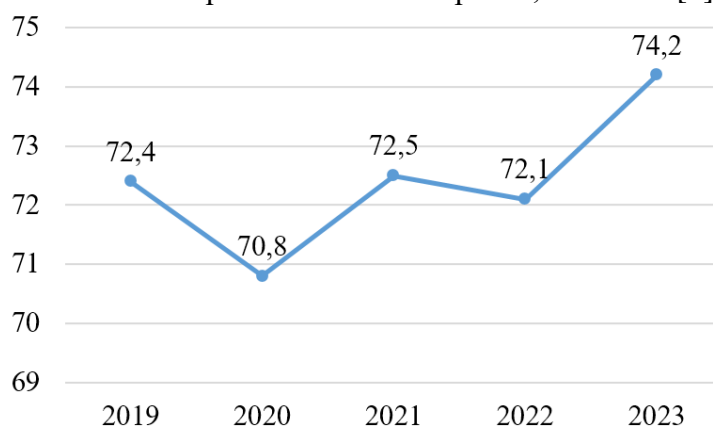

Рис. 7. Численность занятых в экономике России, млн. чел. [9]

Инвестиции в основной капитал ИТ-компаний составили почти 500 млрд рублей. Это в 4,4 раза больше, чем в 2019 году, и почти на 50% выше, чем в 2022 году. Экономика в целом выросла по этому показателю в 1,8 раз (рис. 8).

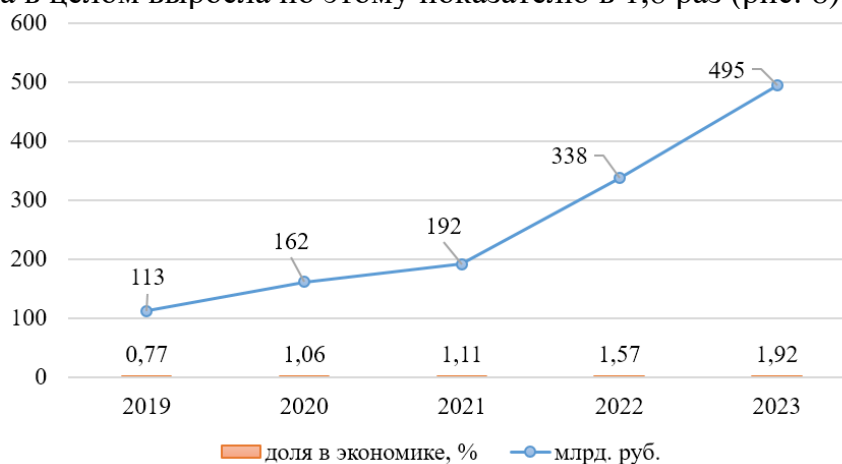

Рис. 8. Инвестиции в основной капитал ИТ-компаний [5]

В 2023 году российский рынок информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) показывает стабильный рост, несмотря на санкционные ограничения и сложности с импортом оборудования и программного обеспечения. Наибольшее внимание уделяется следующим направлениям: программное обеспечение (ПО), искусственный интеллект (ИИ), облачные технологии и

телекоммуникации. Государство и частный сектор активно инвестируют в эти области, что связано с необходимостью замещения зарубежных решений и повышением уровня цифровизации и кибербезопасности в стране.

Сегмент ПО остается ведущим направлением, особенно в разработке отечественных операционных систем и офисных приложений, заменяющих зарубежные аналоги. Важно отметить, что государственный сектор поддерживает программы импортозамещения и стимулирует разработку собственных решений, особенно в стратегически важных отраслях, таких как телекоммуникации и искусственный интеллект.

В России среди ведущих поставщиков программного обеспечения (ПО) доминируют компании, работающие над замещением зарубежных решений. На 2023 год крупные российские вендоры занимают около 57% рынка, значительная часть которого приходится на таких разработчиков операционных систем, как «Группа Астра» (с операционной системой Astra Linux) и «РЕДСОФТ» (с ОС «РЕД ОС») [1], [6]. Эти компании активизировали свои усилия на фоне санкций и ухода крупных западных поставщиков, таких как Microsoft и Oracle, что стимулирует рост рынка локальных разработок. Ожидается, что в ближайшие годы доля отечественных решений на рынке ПО будет расти, а к 2030 году российские компании могут занять до 70-80% сектора [2].

Среди потребителей ПО в России выделяются государственные структуры, крупные промышленные компании, финансовые учреждения и сфера телекоммуникаций. Эти сектора нуждаются в переходе на отечественные программные решения для соблюдения требований импортозамещения и обеспечения кибербезопасности. В частности, российские компании активно инвестируют в ПО для управления производственными процессами, автоматизации финансовых операций и в технологии кибербезопасности, чтобы минимизировать риски в условиях санкционного давления.

Анализируя рынок, можно отметить, что государственная поддержка оказывает значительное влияние на развитие российских поставщиков ПО. В последние годы правительство предоставляет льготы и субсидии для отечественных компаний, участвующих в программах импортозамещения, что стимулирует развитие внутреннего рынка.

Также важной отраслью является искусственный интеллект. В России рынок ИИ продолжает активно развиваться, несмотря на санкционные ограничения. Среди крупнейших поставщиков ИИ-решений можно выделить такие компании, как Яндекс, Сбербанк и Газпром. Эти компании не только разрабатывают и внедряют ИИ для собственных нужд, но и предлагают различные решения для бизнеса, охватывающие как генеративный ИИ для анализа данных, так и автоматизацию процессов. Например, Яндекс активно использует модели YandexGPT и Kandinsky для обработки текста и генерации изображений, которые находят применение в разных отраслях, от маркетинга до ритейла. Сбербанк также разрабатывает собственные ИИ-решения, такие как платформа для анализа больших данных и предсказания потребностей клиентов, что помогает оптимизировать финансовые операции и повышает конкурентоспособность компании на рынке [3], [4].

Таким образом, российский рынок ИИ становится более самостоятельным и ориентированным на локальные разработки, что, в свою очередь, стимулирует развитие инновационных компаний внутри страны.

Облачные технологии остаются востребованным сегментом, так как обеспечивают доступ к удаленным вычислительным мощностям и поддерживают цифровую трансформацию компаний. Российские компании стремятся создавать локальные облачные решения, которые смогут соответствовать требованиям безопасности и снизить зависимость от иностранных провайдеров.

На российском рынке облачных технологий выделяются несколько крупных поставщиков, включая компании Selectel, Ростелеком, МТС и СберКлауд. Эти компании активно наращивают мощности и адаптируют решения для отечественного бизнеса, особенно в последние годы после ухода части иностранных компаний с российского рынка. Ростелеком, например, развивает облачные продукты и сервисы для корпоративных клиентов и государственных организаций, в то время как Selectel предлагает гибридные решения, что позволяет компаниям эффективно управлять собственной ИТ-инфраструктурой и использовать облачные ресурсы на гибких условиях. В условиях санкций и ограниченного доступа к иностранным технологиям отечественные провайдеры облачных услуг продолжают укреплять позиции на рынке, предлагая решения, которые отвечают требованиям безопасности и импортозамещения.

Государство и частный сектор в России продолжают активно развивать ИКТ, уделяя особое внимание ПО, ИИ и облачным решениям. Инвестиции направлены на укрепление независимости и устойчивости ИКТ-сектора, что позволит минимизировать влияние внешнеполитических факторов и способствовать дальнейшей цифровизации экономики.

Важно отметить, что активный рост отрасли ИТ-технологий в России обусловлен таким фактором, как цифровизация. Государственная программа "Цифровая экономика Российской Федерации", принятая в 2017 году, стимулирует развитие цифровых технологий в различных отраслях экономики, включая здравоохранение, образование, промышленность и финансы. В 2023 году российские предприятия начали активно внедрять решения в области искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения и блокчейна. Примером успешной реализации таких технологий может служить проект цифровой платформы "Госуслуги", который в 2023 году увеличил свою аудиторию до 90 миллионов пользователей.

Способствуя решению данных вопросов процесс импортозамещения ИКТ в России и стал одним из национальных приоритетов, то есть одной из главных задач развития страны – обеспечение независимости ИТ-сферы от иностранных продуктов.

Ведущей консалтинговой компанией «Strategy Partners» была произведена оценка средней пропорции присутствия на российском ИТ-рынке российских и иностранных продуктов (рис. 9).

Данные рисунка свидетельствуют, что в 2023 году российские ИТ- продукты, превосходили по количеству иностранные. Далее по оценке к 2030 году прогнозируется снижение международных вендоров до 10 (на 79% относительно 2023 года и на 89% относительно 2021 года) и рост отечественных до 90 (на 76% относительно 2023 года и на 1025% относительно 2021 года). В условиях невозможности полноценного продвижения, продажи и технической поддержки своих решений иностранные вендоры практически полностью потеряют свои позиции к 2030 г.

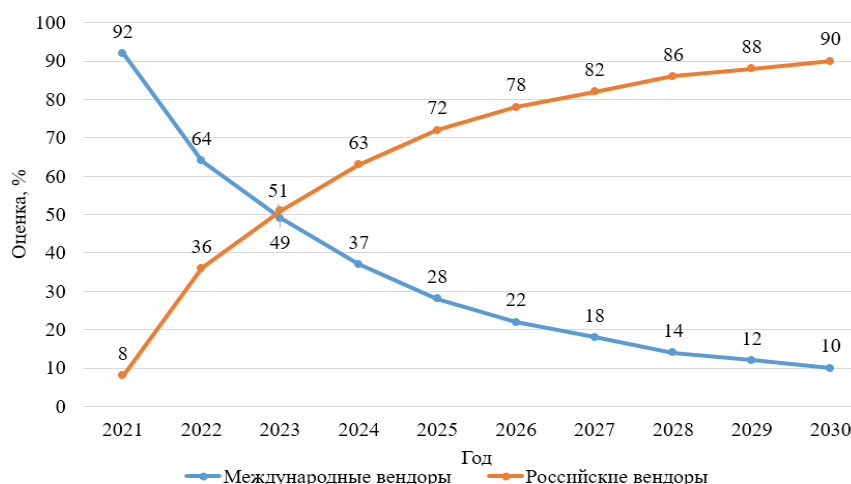

Рис. 9. Оценка средней пропорции присутствия на российском рынке российских и иностранных продуктов (в годовом объеме продаж), % [7]

Также по базовому сценарию развития ИТ-рынка России до 2030 года, разработанному «Strategy Partners», российский ИТ-рынок будет расти с темпами 12%, сегмент ПО и услуг достигнет уровня в 2,8 трлн рублей [8].

Таким образом одним из главных трендов на российском ИТ-рынке в процессе импортозамещения является его рост, при этом рынок ИТ-технологий находится на пути к технологической автономии, что является важным условием для достижения устойчивого экономического развития в условиях ограниченного доступа к мировым технологиям. В условиях ускоренной цифровизации государственные и частные структуры стремятся внедрять передовые ИТ-решения, однако сохранение темпов роста и успешное завершение процессов импортозамещения потребуют продолжительной государственной поддержки и эффективного управления ресурсами.

Список источников

1. В 2023 году оборот российских софтверных компаний вырос почти на 20 % [Электронный ресурс]. URL: <https://3dnews.ru/1107088/v-2023-godu-oborot-rossiyskih-sofvernih-kompaniy-viros-pochti-na-20>.
2. В России растут продажи программного обеспечения на фоне падения ИТ-рынка [Электронный ресурс]. — URL: http://www.dp.ru/a/2015/11/02/Servis_vsemu_golova/
3. Искусственный интеллект в России: векторы инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/862014108.html>.
4. История мирового ВВП 1960-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://countrycassette.com/world-gdp-history/>.
5. ИТ-перестройка: трансформация рынка разработки программного обеспечения в 2023-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/831674/>.
6. ИТ-рынок России [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_России?ysclid=lrтbуscux716041678.
7. Мировая Торговая База Данных [Электронный ресурс]: официальный сайт. — Режим доступа: <https://www.tradeatlas.com/>
8. Отчет об исследовании рынка корпоративного программного обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketresearchfuture.com/reports/enterprise-software-market-2442>.
9. Статистика искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://inclient.ru/ai-stats/>.

Глава 9. ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК¹

Сандоян Э.М.

*док. экон. наук, профессор,
Российско-Армянский (Славянский) университет*

Петросян И.Б.

*канд. экон. наук, доцент,
Российско-Армянский (Славянский) университет*

Папян З.К.

*преподаватель,
Российско-Армянский (Славянский) университет*

В последние годы наблюдается значительное увеличение количества экзогенных шоков, оказывающих влияние как на национальные экономики, так и на мировую экономическую систему в целом. Частота и масштаб этих шоков возросли до такой степени, что экономикам государств зачастую не удаётся полностью восстановиться после одного кризиса, как они уже сталкиваются с новым. В период с 2020 по 2025 годы практически не наблюдалось устойчивых фаз экономической стабильности, что обусловило состояние перманентной нестабильности, при котором затруднительно говорить о стабильном экономическом росте.

Современные экономические системы демонстрируют ограниченную способность к адаптации в условиях чередующихся кризисов. Политико-экономические институты не успевают своевременно реагировать на новые вызовы, что затрудняет реализацию антикризисных и стабилизационных мер. Экономики, находясь в состоянии восстановления после одного шока, вынуждены сталкиваться с последствиями следующего, зачастую неожиданного и непредсказуемого.

Среди наиболее значимых глобальных кризисов последнего времени можно выделить следующие: мировая финансово-экономическая рецессия 2008-2013 годов (так называемая «Великая рецессия»), рецессия, вызванная пандемией COVID-19 (2020-2021), энергетический кризис (2021-2023), продовольственный кризис (2022-2024) и начавшийся торгово-экономический кризис, связанный с усилением протекционизма (2025 – по настоящее время).

Следует отметить, что воздействие указанных шоков было асимметричным: разные страны восстанавливались с различной скоростью, в зависимости от степени открытости их экономик, уровня институциональной устойчивости и наличия антикризисных инструментов. Однако в совокупности негативное влияние ощутили практически все государства.

Особого внимания заслуживает продовольственный кризис 2025 года, обусловленный усилением санкционного давления, изменением внешнеэкономической политики США в условиях нового президентского курса и ростом вероятности торговых войн. В случае отсутствия договорённостей между США и ключевыми экономическими партнёрами может произойти дальнейшая эскалация кризисных явлений в международной торговле.

¹ Исследование было проведено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки Республики Армения в рамках научного проекта: «Исследование экзогенных шоков и механизмы преодоления ограничений экономического роста в Республике Армения». (Программно-целевое финансирование научных и научно-технических государственных проектов – 2025) (N10-GO-2025)

Как можно отметить, относительная стабильность в мировой экономике наблюдалась лишь в период с 2013 по 2020 годы. Однако начиная с 2020 года, экзогенные шоки различного генеза воздействуют на национальные экономики практически непрерывно, не оставляя им времени для полноценного восстановления и адаптации к новым вызовам. В условиях высокой частотности кризисов возрастает актуальность исследования их воздействия на устойчивость социально-экономических систем.

В связи с этим было принято решение провести комплексный анализ влияния глобальных шоков на национальные экономики. Несмотря на то, что изначально в исследовании были рассмотрены данные по большинству стран мира, особое внимание было уделено четырём ключевым государствам – США, России, Германии и Китаю. Выбор обусловлен их значительным весом в мировой экономике, как с точки зрения объёма ВВП и численности населения, так и с позиции влияния на геоэкономические процессы.

Для анализа были выбраны макроэкономические индикаторы, позволяющие наиболее полно отразить чувствительность и реакцию экономических систем к внешним шокам. В их число вошли: темпы экономического роста, уровень инфляции, уровень безработицы, процентные ставки центральных банков, обменные курсы национальных валют, динамика международных резервов, объём прямых иностранных инвестиций, дефицит государственного бюджета, государственный долг, счёт текущих операций, а также цены на сырьевые товары.

Экзогенные шоки. Большинство исследований, посвящённых анализу влияния экзогенных шоков на национальные экономики, исходят из предположения о высокой степени интеграции стран в глобальную экономику. Экзогенная природа шоков проявляется как в их зарождении вне рамок национального экономического пространства (например, в иных государствах или на глобальных рынках), так и в источниках, не относящихся непосредственно к экономическому сектору (например, геополитические или климатические факторы). На ключевые макроэкономические индикаторы значительное влияние оказывают колебания мировых цен на продовольствие, энергоносители (в частности, сырую нефть и природный газ), зерновые культуры, а также изменения в потоках иностранных инвестиций, распространении специфических технологий и трансформациях экономической политики ведущих государств мира [1].

Степень чувствительности экономики к подобным внешним шокам в значительной мере определяется уровнем её экспортной или импортной зависимости. В частности, устойчивость внутренней экономической динамики к внешним колебаниям снижается в условиях высокой зависимости от импорта ключевых ресурсов. Формирование и восстановление международных производственно-логистических цепочек занимает длительный период (от нескольких месяцев до нескольких лет), что усугубляет последствия внешних потрясений. Как результат, национальные экономики, обладающие ограниченными возможностями для автономного функционирования, оказываются уязвимыми к внешним шокам и требуют большего времени для восстановления.

Цены на сырьевые товары. В рамках настоящего исследования первоочередное внимание было уделено динамике цен на сырьевые товары, поскольку именно через данный канал наиболее часто передаётся воздействие экзогенных шоков. Страны с ограниченным доступом к природным ресурсам в силу географического положения или недостаточной ресурсной обеспеченности

вынуждены компенсировать дефицит путём импорта. Соответственно, рост мировых цен на такие товары усиливает нагрузку на национальные экономики, особенно в сегментах, чувствительных к ценовой волатильности.

Так, энергетический кризис 2022-2024 годов, затронувший прежде всего европейские страны, сопровождался резким ростом цен на природный газ. Он спровоцировал ускорение инфляции, особенно в странах с высокой зависимостью от импорта энергоресурсов, и оказал серьёзное давление на домохозяйства с низкими доходами. Вынужденное сокращение потребления энергии стало одним из способов адаптации населения к резкому росту цен.

Кроме того, в отмеченные ранее кризисные периоды фиксировались значительные скачки цен на нефть, которая продолжает оставаться важнейшим источником энергии в глобальной экономике, а также на продовольственные товары – пшеницу, сахар и иные продукты, что дополнительно обостряло социально-экономическую нестабильность. Также следует отметить устойчивую тенденцию роста цен на золото, которое в условиях высокой неопределённости выполняет функцию защитного (резервного) актива, отражающего усиливающееся беспокойство участников рынков относительно глобальной экономической стабильности.

Экономический рост. Наибольшее воздействие глобальных экономических шоков было зафиксировано в экономике США, России, Германии и Китая в период Великой рецессии (2008-2013) и рецессии, вызванной пандемией COVID-19 (2020-2021).

В Соединённых Штатах Америки снижение реального ВВП в первом квартале 2009 года составило 4,9 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В разгар пандемии, во втором квартале 2020 года, сокращение достигло 7,3 %, что отражало масштабы кризиса, вызванного резким падением потребительского спроса и нарушением процессов в производственно-логистических цепочках.

Экономика Германии испытала ещё более значительное снижение: в первом квартале 2009 года спад ВВП составил 7,68 %, а во втором квартале 2020 года – 10,78 %. В ответ на угрозу распространения коронавирусной инфекции в стране последовательно вводились карантинные ограничения, включая пять локдаунов: апрель 2020 г., ноябрь 2020 г., декабрь 2020 – январь 2021 г., март – апрель 2021 г., декабрь 2021 – январь 2022 г. [2].

Российская Федерация также подверглась существенным экономическим потрясениям. В 2009 году спад ВВП составил 11,15 %, а в 2020 году – 7,32 %. Дополнительное негативное воздействие оказали события 2022 года, в частности, начало специальной военной операции и введение масштабных санкций со стороны западных стран. Несмотря на это, в последние годы в России наблюдаются признаки восстановления экономической активности, однако полноценная оценка устойчивости роста требует дополнительного временного горизонта, поскольку текущие данные всё ещё ограничены.

Китайская Народная Республика в период мирового финансового кризиса 2008-2013 годов продемонстрировала относительную устойчивость: экономика замедлилась, но не перешла к отрицательным темпам роста, что объясняется меньшей степенью интеграции Китая в мировую экономику на тот момент. Однако в первом квартале 2020 года темпы роста ВВП Китая впервые продемонстрировали отрицательное значение, составив -6,8 %. В последние годы экономика страны сталкивается с растущими структурными проблемами, в частности – с затяжным

ипотечным кризисом. Отмечается снижение объёма прямых иностранных инвестиций, сокращение спроса на жильё и рост доли незаселённых жилых объектов, что приводит к формированию так называемых «городов-призраков». Строительный и инфраструктурный сектор традиционно потреблял около 20-30% ВВП Китая [3], и его дестабилизация способна существенно ослабить темпы экономического роста. Символом кризиса в данной отрасли стало банкротство одного из крупнейших застройщиков – “Evergrande”, совокупный долг которого превысил 300 миллиардов долларов США [4]. Данное событие может оказать как внутренние, так и глобальные последствия, включая возможное замедление темпов мирового экономического роста, аналогично банкротству “Lehman Brothers” в 2008 году, который предвосхитил Великую рецессию.

Безработица и инфляция. Также были проанализированы такие ключевые социально-экономические индикаторы как уровень инфляции и безработицы. Данные показатели демонстрировали взаимосвязанную динамику, соответствующую теоретической модели Филлипса, согласно которой между инфляцией и безработицей в краткосрочном периоде наблюдается обратная зависимость. В условиях экономического спада рост безработицы, как правило, сопровождается снижением инфляционного давления.

Наибольшие всплески безработицы были зафиксированы в экономике США. Так, в октябре 2009 года уровень безработицы достиг 10,0% вследствие финансово-экономического кризиса, а в апреле 2020 года – 14,8% в результате резкого сокращения занятости в условиях пандемии COVID-19. Эти значения стали рекордными за последние десятилетия и свидетельствовали о высокой чувствительности американского рынка труда к экзогенным шокам.

В Российской Федерации и Китайской Народной Республике в кризисные периоды доминировали инфляционные процессы, что связано как с внешними факторами (включая рост мировых цен на энергоносители и продовольствие), так и с внутренними ограничениями предложения. В России инфляция ускорялась в условиях валютной волатильности и роста издержек производства, тогда как в Китае инфляционное давление сохранялось умеренным, но имело тенденцию к росту в периоды разрывов логистических цепочек и скачков спроса на рынках.

Экономика Германии характеризовалась более устойчивой динамикой занятости: на протяжении всего рассматриваемого периода уровень безработицы демонстрировал умеренную тенденцию к снижению. Однако инфляционные процессы в стране резко усилились в 2022–2023 годах, что было вызвано энергетическим кризисом, нарушением поставок и повышением производственных издержек. В эти годы инфляция достигала уровней от 6,1% до 8,82% в годовом выражении, что является максимальными значениями за последние несколько десятилетий.

Инфляция и ставки ЦБ. Помимо этого, были сопоставлены динамики инфляции и ключевых процентных ставок центральных банков стран, а именно Федеральной резервной системы США (ФРС), Банка России, Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Народного банка Китая (НБК). Анализ позволял выделить отчетливые фазы мягкой и жёсткой денежно-кредитной политики, проводимой в ответ на экзогенные шоки.

Как показывает практика, реализация монетарной политики осуществляется с определённым временным лагом, что обусловлено необходимостью накопления статистических данных, оценки текущих макроэкономических условий и влияния на

инфляционные ожидания. Тем не менее, корректировка процентных ставок в условиях кризисов позволяет, пусть с запозданием, стабилизировать инфляцию и содействовать восстановлению экономической активности.

В периоды рецессий 2008-2013 гг. и 2020-2021 гг. все четыре анализируемых центральных банка последовательно снижали ключевые процентные ставки, стремясь смягчить условия финансирования, стимулировать потребительский и инвестиционный спрос и минимизировать глубину спада. Например, ставка ФРС к концу 2008 году была оперативно снижена с 5,25 % до 0,25 %, а в апреле 2020 года вновь достигла этого уровня. Аналогично, Банк России в 2020 году снизил ставку с 6,25 % до 4,25 %, а ЕЦБ продолжал удерживать её на исторически низком уровне – 0,25 %.

После 2022 года в условиях резкого роста инфляции, вызванного энергетическим кризисом, геополитической нестабильностью и последствиями пандемии, регуляторы США, Европы и России перешли к жёсткой монетарной политике. Так, ФРС в течение 2022-2023 гг. последовательно повысила ставку до диапазона 5,25-5,50 %, а ЕЦБ довёл основную процентную ставку до 4,75 % в сентябре 2023 года. Банк России также ужесточил ДКП: ключевая ставка была повышена до 20,0% в марте 2022 г., затем плавно понижалась до 7,5% к сентябрю 2022 г, но к декабрь 2023 г. снова повышена до 16,0 % в ответ на ослабление рубля и рост инфляционных ожиданий.

На этом фоне денежно-кредитная политика Народного банка Китая демонстрировала иное направление. Ввиду высокой зависимости экономики КНР от инвестиционного спроса и экспортно-ориентированной модели роста, ключевая ставка НБК не оказывала столь существенного воздействия на инфляционные процессы. Повышения ставки наблюдались в 2007-2008 и 2011-2012 годах, однако в последние годы ставка постепенно снижалась, достигнув 3,1% к концу 2024 года, что отражает стремление поддержать ослабленную внутреннюю экономику на фоне кризиса в секторе недвижимости и сокращения темпов роста.

Ставки ЦБ и курсы нацвалют к доллару США. Сопоставление динамики ключевых процентных ставок и валютных курсов национальных валют по отношению к доллару США позволяет выявить устойчивую корреляцию между фазами монетарной политики и направлением валютной динамики. В условиях мягкой ДКП наблюдается тенденция к ослаблению национальных валют, тогда как ужесточение ДКП сопровождается их укреплением. Особенно отчётливо эта взаимосвязь прослеживается в случае с российским рублём.

После резкого падения мировых цен на нефть и введения масштабных экономических санкций против Российской Федерации в 2014 году, начался процесс устойчивого ослабления рубля. Если в октябре 2014 года курс составлял 40,97 руб./долл., то уже к февралю 2022 года он достиг 78,98 руб./долл., отражая как внешнеэкономические, так и внутренние макроэкономические вызовы. В период с марта 2022 года по январь 2025 года волатильность курса усилилась: рубль колебался в широком диапазоне от 50 до 120 руб./долл., что обусловлено как геополитической напряжённостью, так и реакцией денежно-кредитных властей на инфляционные риски и отток капитала. Повышение ключевой ставки в этот период позволяло лишь частично компенсировать давление на национальную валюту.

В странах еврозоны, несмотря на отсутствие единой фискальной политики, Европейский центральный банк (ЕЦБ) на протяжении длительного времени стремится поддерживать стабильность курса евро выше уровня паритета с долларом

США. Тем не менее, энергетический кризис 2022-2023 гг., сопровождавшийся ростом импортных цен и снижением внешнеторгового сальдо, привёл к временному падению курса евро ниже 1,00 долл./евро (до 0,9899 долл./евро в сентябре 2022 года), что стало первым подобным эпизодом за последние два десятилетия. Впоследствии, ужесточение монетарной политики ЕЦБ способствовало восстановлению курса до 1,10 долл./евро в 2023 году.

Китай, в отличие от других крупнейших экономик, проводит политику контролируемого валютного курса. С 2005 года Народный банк Китая (НБК) постепенно переходил от жёсткой фиксации к режиму управляемого плавления юаня. Тем не менее, курс юаня сохранялся на относительно низком уровне, что обеспечивало конкурентоспособность китайского экспорта. Так, в феврале 2014 года курс достиг минимального значения – 6,08 CNY/USD. С начала 2022 года китайская валюта демонстрировала постепенное ослабление: с 6,36 CNY/USD в январе 2022 до 7,30 CNY/USD в сентябре 2023 года. Это отражает как усиление оттока капитала и замедление темпов роста ВВП, так и структурные проблемы в экономике, включая кризис на рынке недвижимости. Курс остаётся выше отметки 7 юаней за доллар, несмотря на умеренно стимулирующую денежно-кредитную политику НБК.

Международные резервы. Поскольку рассматриваемые экономики (США, Россия, Германия и Китай) являются высоко вовлечёнными в глобальные торгово-финансовые процессы, они аккумулируют значительные объёмы международных резервов, преимущественно деноминированных в долларах США – основной мировой резервной валюте. Поддержание резервов является ключевым инструментом макроэкономической стабилизации, позволяющим сглаживать валютные и платёжные дисбалансы, а также обеспечивать доверие международных партнёров и инвесторов.

В случае Российской Федерации динамика международных резервов отражала как внутренние, так и внешнеэкономические потрясения. Существенные сокращения объёмов резервов наблюдались в первом квартале 2009 года (на фоне глобального финансового кризиса), в первом квартале 2015 года (вследствие валютного и нефтяного шока), а также в третьем квартале 2022 года (после введения беспрецедентных санкций, включая заморозку значительной части золотовалютных активов в долларах и евро). Несмотря на частичную потерю доступа к зарубежным активам, Банк России продолжает стратегию восстановления и диверсификации резервов, в том числе за счёт увеличения доли юаня, золота и других недолларовых активов.

Китай занимает лидирующую позицию по объёму международных резервов в мире. Стабильно высокий уровень накоплений объясняется экспортно-ориентированным характером экономики и положительным сальдо текущего счёта. С начала 2000-х годов Китай последовательно накапливал резервы, превысившие 3 трлн долларов США. Это позволяет Народному банку Китая гибко управлять валютным курсом и оказывать поддержку экономике в периоды внешнего давления или оттока капитала.

Германия, как крупнейшая экономика Еврозоны, также обладает положительным внешнеторговым балансом, обусловленным сильной экспортной позицией в сферах машиностроения, автомобильной и химической промышленности. Однако в условиях членства в еврозоне международные резервы аккумулируются преимущественно на уровне Европейского центрального банка (ЕЦБ), а не национального центрального банка Германии (Бундесбанка). Тем не

менее, экспортная специализация Германии формирует устойчивое накопление валютных поступлений и внешнеэкономическую стабильность.

Государственный дефицит и долг. Фискальная политика, как и предписывает неокейнсианская теория, играла ключевую стабилизирующую роль в периоды экономических спадов, особенно в условиях глубоких рецессий. Государства увеличивали бюджетные расходы с целью стимулирования совокупного спроса, что, в свою очередь, приводило к росту бюджетного дефицита и последующему накоплению государственного долга. Это особенно ярко проявлялось во время глобального финансово-экономического кризиса 2008-2013 гг. и пандемии COVID-19 в 2020-2021 гг.

Исторически дефицит федерального бюджета носил устойчивый характер в США и Китае. В то же время Германия и Россия в отдельные периоды демонстрировали профицитную бюджетную политику, особенно в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры (высоких цен на сырьё или положительного торгового баланса).

Наиболее значительный прирост уровня государственного долга по отношению к ВВП в анализируемых странах был зафиксирован в 2009 и 2020 годах, то есть в пиковые моменты рецессий. В США государственный долг увеличился с 67,5% ВВП в 2008 году до 82,1% в 2009 году (+14,6 п.п.), а в 2020 году – с 106,6% до 126,3% ВВП (+19,7 п.п.), отражая масштабные пакеты бюджетного стимулирования.

В Российской Федерации уровень государственного долга традиционно оставался на сравнительно низком уровне. Тем не менее, наблюдался рост в кризисные периоды: в 2010 году он составил 8,3% ВВП (+1,8 п.п.), в 2015 – 14,4% ВВП (+3,1 п.п.), в 2021 – 17,6% ВВП (+5,2 п.п.), а в 2024 году достиг 16,9% ВВП (+2,0 п.п.). Несмотря на относительную устойчивость, с учётом санкционной изоляции и увеличения внутренних расходов, фискальная нагрузка в России постепенно возрастает.

В Германии государственный долг также демонстрировал заметный прирост в условиях рецессий: в 2009 году он составил 73,2% ВВП (+7,5 п.п.), в 2010 – 82,0% ВВП (+8,2 п.п.), а в 2020 году – 68,0% ВВП (+9,3 п.п.). Однако в послекризисные периоды Германия проводила политику фискальной консолидации, что позволило снизить уровень долга до докризисных значений к середине 2010-х годов.

Китай, несмотря на особенности централизованной экономической модели и высокую норму внутреннего сбережения, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту государственного долга. В отличие от распространённого представления об «умеренном» долге, фактически его уровень непрерывно возрастал с начала 2000-х годов – с 23,0% к ВВП в 2000 году до 85,7% к ВВП в 2024 году. Тем не менее, в 2009 году его долг увеличился до 34,6% ВВП (+7,4 п.п.), в 2016 – до 50,7% ВВП (+9,2 п.п.), а в 2020 – до 70,2% ВВП (+9,8 п.п.). Таким образом, Китай уже в 2019 году пересёк так называемую «красную линию» Маастрихтских критериев (60% ВВП), достигнув уровня в 60,4% ВВП [5]. Однако рост долга на этом не остановился: активная бюджетная экспансия, субсидирование программ поддержки провинций, поддержка строительного сектора и инфраструктурные инвестиции продолжали увеличивать долговую нагрузку.

Сальдо счета текущих операций. Анализ сальдо счёта текущих операций показывает, что большинство рассматриваемых стран, за исключением США,

характеризуются устойчивым профицитом, что обусловлено структурой их внешнеэкономических связей и экспортной ориентацией.

Соединённые Штаты традиционно демонстрируют дефицит по текущему счёту, что отражает глобальный спрос на доллар как резервную валюту и высокую внутреннюю потребительскую активность при относительно слабом экспорте товаров. Дефицит текущего счёта в США стабильно колеблется в пределах от -2% до -6% ВВП, усиливаясь в периоды восстановления экономики и роста импорта.

В Российской Федерации сальдо текущего счёта сохраняется профицитным даже в условиях экономических шоков, что в первую очередь связано с экспортом энергоносителей. Например, в 2009 году, несмотря на резкое падение цен на нефть, профицит составил около 3,8% ВВП, а в 2022 году, на фоне высоких экспортных цен и ограниченного импорта из-за санкций, он достиг рекордных 10,5% ВВП. В 2023-2024 гг. наблюдается постепенное снижение показателя, но он остаётся положительным.

Китай, будучи крупнейшим мировым экспортером товаров, также демонстрирует устойчивый профицит. В период пандемии COVID-19 в 2020 году сальдо текущего счёта временно приблизилось к нулю, однако уже в 2021-2022 годах вновь вернулось к положительным значениям (около 1,5-2,2% ВВП), благодаря восстановлению внешнего спроса и сохранению ограничений на туризм и выездной импорт услуг.

Германия занимает особое место среди развитых экономик, поскольку многие годы является мировым лидером по объёмам профицита текущего счёта. На протяжении всего наблюдаемого периода Германия сохраняет положительное сальдо в диапазоне от 3% до 9% ВВП, что связано с высокой конкурентоспособностью машиностроительного и автомобильного экспорта, туризмом, а также сдержанным внутренним потреблением.

Прямые иностранные инвестиции. Отдельно необходимо отметить и потоки капитала в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые являются важным индикатором доверия к экономике со стороны внешних инвесторов. В рассматриваемых странах на протяжении длительного времени фиксировались положительные чистые притоки ПИИ по отношению к ВВП, за исключением отдельных периодов, вызванных геополитической или экономической нестабильностью.

Так, в Российской Федерации наблюдалось сокращение и даже отток ПИИ в 2022 и 2023 годах, когда чистый отток составил -1,76% и -0,50% к ВВП, соответственно. Это было связано с введением масштабных санкций, уходом зарубежных компаний с российского рынка и повышенными геополитическими рисками. При этом в предыдущие годы Россия стабильно привлекала ПИИ в секторы энергетики, добычи полезных ископаемых и финансовых услуг.

США традиционно остаются одним из крупнейших реципиентов прямых иностранных инвестиций в мире, чему способствуют развитая правовая система, масштабный внутренний рынок и высокие темпы инновационного развития. Даже в кризисные периоды, такие как 2009 или 2020 годы, США демонстрировали положительное сальдо по ПИИ, а в восстановительные годы – устойчивый рост.

Китайская Народная Республика, начиная с 2000-х годов, значительно усилила позиции на глобальном инвестиционном рынке. Благодаря индустриализации и созданию специальных экономических зон, Китай стал привлекательным для инвесторов из США, ЕС и стран Азии. Несмотря на усиление

политических рисков в последние годы, включая торговое противостояние с США, приток ПИИ в КНР остаётся положительным. Однако с 2022 года наблюдается умеренное снижение ввиду неопределённости, связанной с ипотечным кризисом, усилением контроля над частным бизнесом и оттоком западных компаний.

Германия, как крупнейшая экономика ЕС, также является устойчивым получателем ПИИ. Инвесторы вкладываются преимущественно в обрабатывающую промышленность, автомобильный сектор и высокотехнологичные отрасли. На протяжении всего анализируемого периода Германия демонстрировала стабильные положительные значения по ПИИ, с умеренным снижением в 2020 году из-за пандемии, но с быстрым восстановлением уже в 2021-2022 годах.

Экзогенные шоки, возникающие за пределами национальных экономик, оказывают значительное влияние на макроэкономические показатели через изменения глобальных цен, инвестиций и технологий. Степень воздействия таких шоков во многом определяется уровнем внешней зависимости страны: импортозависимые экономики более уязвимы и дольше восстанавливаются из-за необходимости перестраивать логистические цепочки и адаптироваться к новым условиям. При этом каналы передачи шоков разнообразны, включая волатильность цен на сырьевые товары, движение капитала и изменение спроса на экспорт и импорт.

Цены на сырьевые товары, особенно на энергоресурсы и продовольствие, являются одним из ключевых механизмов передачи глобальных потрясений, оказывая особенно сильное влияние на импортозависимые страны и ускоряя инфляционные процессы. Энергетический кризис 2022-2024 годов наглядно показал уязвимость национальных экономик к резким колебаниям цен, а повышение стоимости золота отражало растущую неопределённость и снижение доверия к мировой финансовой системе. Эти изменения оказывали разнонаправленное воздействие на инфляцию, занятость и социально-экономическую стабильность в разных странах.

Макроэкономические последствия глобальных кризисов, таких как Великая рецессия и пандемия COVID-19, проявились в резких сокращениях ВВП, нарушениях цепочек поставок и социальной нестабильности. Страны с различной структурой экономики и степенью открытости реагировали на шоки по-разному: США, Германия и Россия испытывали значительные падения экономической активности, тогда как Китай, несмотря на более поздний спад, сталкивается с дополнительными внутренними структурными вызовами. Эти события подчёркивают важность комплексного подхода к повышению экономической устойчивости и диверсификации рисков.

Монетарная и фискальная политика играли ключевую роль в смягчении последствий кризисов и поддержке экономик. Центральные банки крупнейших стран адаптировали денежно-кредитные условия, снижая ставки в периоды спада и повышая их при росте инфляции, что прямо влияло на курсы национальных валют и международную конкурентоспособность. Одновременно фискальные меры, включая увеличение государственных расходов и изменение дефицита бюджета, способствовали стабилизации и стимулированию экономического роста, при этом уровень государственного долга демонстрировал разнонаправленную динамику, отражая особенности национальных стратегий и условий.

Сальдо текущих операций и потоки прямых иностранных инвестиций остаются важными индикаторами внешнеэкономической устойчивости.

Большинство анализируемых стран, за исключением США, сохраняют устойчивый профицит по текущему счёту благодаря экспортной ориентации. При этом США традиционно демонстрируют дефицит, обусловленный высоким внутренним спросом и статусом доллара. Отток ПИИ из России в последние годы подчеркнул геополитические риски, тогда как США, Китай и Германия продолжают оставаться значимыми центрами притока инвестиций, несмотря на временные явления спада. Эти факторы вместе формируют сложную картину взаимозависимости национальных экономик в условиях глобальных вызовов.

Список источников

1. Сандоян Э.М., Петросян И.Б., Папян З.К. Экзогенные шоки как угроза экономической безопасности Республики // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8, № 5. – DOI: <https://doi.org/10.18334/ecsec.8.5.123299>
2. Покровская М.Д., Зарицкий Б.Е. Последствия пандемии COVID-19 для экономики Германии // Мировое и национальное хозяйство. – 2022. – Т. 1, № 58 – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2022/2022-01/german-economy-covid-19-pandemic-impact>
3. Pettis M. China's Overextended Real Estate Sector Is a Systemic Problem // China Financial Markets, 2022. URL: <https://carnegieendowment.org/china-financial-markets/2022/08/chinas-overextended-real-estate-sector-is-a-systemic-problem>
4. Neuman S. Here's what to know about the collapse of China's Evergrande property developer // NPR, 2024. URL: <https://npr.org/2024/01/30/1227554424/evergrande-china-real-estate-economy-property-collapse>
5. Катасонов В.Ю. Китай: жизнь займы // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы “Столетие”, 2024. URL: https://stoletie.ru/ekonomika/kitaj_zhizn_vzajmy_112.htm
6. Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru>
7. Официальный сайт Бюро статистики труда США. URL: <https://bls.gov>
8. Официальный сайт Бюро экономического анализа США. URL: <https://bea.gov/>
9. Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://worldbank.org>
10. Официальный сайт Европейского центрального банка. URL: <https://ecb.europa.eu>
11. Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: <https://imf.org>
12. Официальный сайт Национального банка Китая. URL: <http://pbc.gov.cn>
13. Официальный сайт Национального бюро статистики Китая. URL: <http://stats.gov.cn/>
14. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <https://oecd.org>
15. Официальный сайт Статистической службы Европейского союза. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>
16. Официальный сайт Федеральной резервной системы США. URL: <https://federalreserve.gov>
17. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://ssl.rosstat.gov.ru>
18. Официальный сайт Экономических данных Федеральной резервной системы США. URL: <https://fred.stlouisfed.org>

Глава 10. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МАЛЫХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ¹

Петросян Е.Г.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Нашикян Л.А

Институт экономики и бизнеса

На сегодняшний день более 100 стран мира являются малыми странами, с населением не превышающим 10-12 миллионов человек. Несмотря на свои размеры, по многим экономическим показателям данные страны не отстают от больших, а с учетом ВВП на душу населения именно они занимают первые места в перечне стран с высоким уровнем дохода. В рамках данной статьи рассмотрим роль этих стран в мировой экономике. Как справедливо отмечается в работе [1] малые открытые экономики могут торговать товарами и услугами со всем миром, однако вне зависимости от проводимой политики, могут не иметь власти над ценой товаров и услуг на мировых рынках. И это один из основных факторов, отличающих их от больших экономик.

Роль малых открытых экономик ярко проявляется при изучении показателя ВВП на душу населения, что представлено на Рисунке 1. Так, из 13 самых развитых экономик мира 12 являются странами с малыми открытыми экономиками, и ВВП на душу населения составляет, соответственно, в Монако – 256 580,5 долларов США, в Лихтенштейне – 186 400,2 доллара США, в Люксембурге – 128 678,2 доллара США. Единственная большая страна, имеющая также высокий ВВП на душу населения – это США с показателем 82 769,4 доллара США. По абсолютному значению ВВП, выраженному в долларах США, данные страны отстают от больших экономик, однако с учетом численности населения это является абсолютно нормальным явлением.

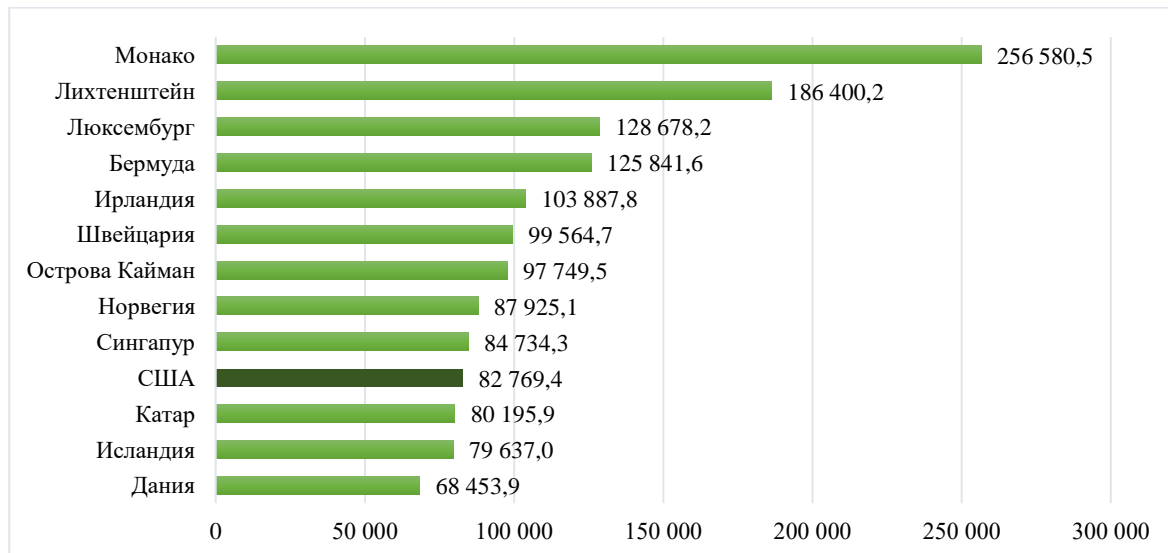

Рис. 1. ВВП на душу населения, 2023 г. (в долл. США) [2]

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта: «Политика устойчивого экономического роста в Республике Армения в условиях новой геополитической реальности» (№ 25RG – 5B184).

Рассмотрим основные преимущества малых открытых экономик, благодаря которым они продолжают оставаться важными игроками на мировых рынках. К ним можно отнести:

- население более сплоченное, что позволяет им лучше адаптироваться к любым изменениям;
- имеют наилучшие условия в плане иностранной помощи;
- глубокая интеграция в мировую экономику может позволить малым странам быстро адаптироваться к меняющимся условиям и более эффективно проводить стратегическую политику развития;
- как правило, демонстрируют более высокий уровень интеграции с другими странами;
- имеют сравнительные преимущества в производстве сырья/полуфабрикатов, в тоже время имеют слабые сравнительные преимущества в производстве готовых товаров.

Несмотря на ряд преимуществ, у малых экономик также можно наблюдать недостатки, влияющие на их экономики:

- в большей степени зависят от помощи и торговли с большими странами;
- большая волатильность годовых темпов экономического роста и зависимость от внешних шоков по сравнению с большими экономиками;
- многие малые государства имеют плохое географическое расположение из-за того, что удалены или не имеют выхода к морю;
- обладают относительно ограниченными запасами природных ресурсов;
- ограниченный размер внутреннего рынка является недостаточным для привлечения производства в отраслях, где наблюдается экономия от масштаба;
- зачастую наблюдается политическая централизация и наличие неформальных институтов, что, в свою очередь, приводит к росту уровня коррупции.

Для проведения более глубокого макроэкономического анализа и для понимания тенденций и стратегий развития, были выбраны и рассмотрены следующие страны: Люксембург, Норвегия, Молдова, Грузия, Киргизия и Армения.

Экономисты склонны к мнению о том, что страны с более открытой экономикой растут быстрее, чем закрытые. Международная торговля способствует экономическому развитию, повышению эффективности производства, а также стимулирует инновационную активность [3]. Несмотря на многочисленные преимущества открытых экономик, вместе с расширением экономических возможностей растет и чувствительность к внешним шокам. В условиях нарастающей геополитической нестабильности открытость может становиться фактором уязвимости. Торговые войны, санкции, конфликты, политическая напряжённость и т.д., могут привести к значительным экономическим потерям.

На Рисунке 2 показана динамика ВВП на душу населения шести малых стран с 2015 по 2024 годы, являющегося ключевым показателем, отражающим уровень экономического развития страны. Люксембург и Норвегия в течение всего исследуемого периода демонстрируют стабильный высокий уровень ВВП на душу населения, достигая пиковых значений в 2021 и 2022 годах. Молдова, Армения, Грузия и Киргизия относятся к группе малых развивающихся стран, показывая относительно низкий уровень ВВП на душу населения. Здесь лидирует Молдова, на протяжении всего периода данный показатель увеличивается, достигая 18,53 в 2024 году.

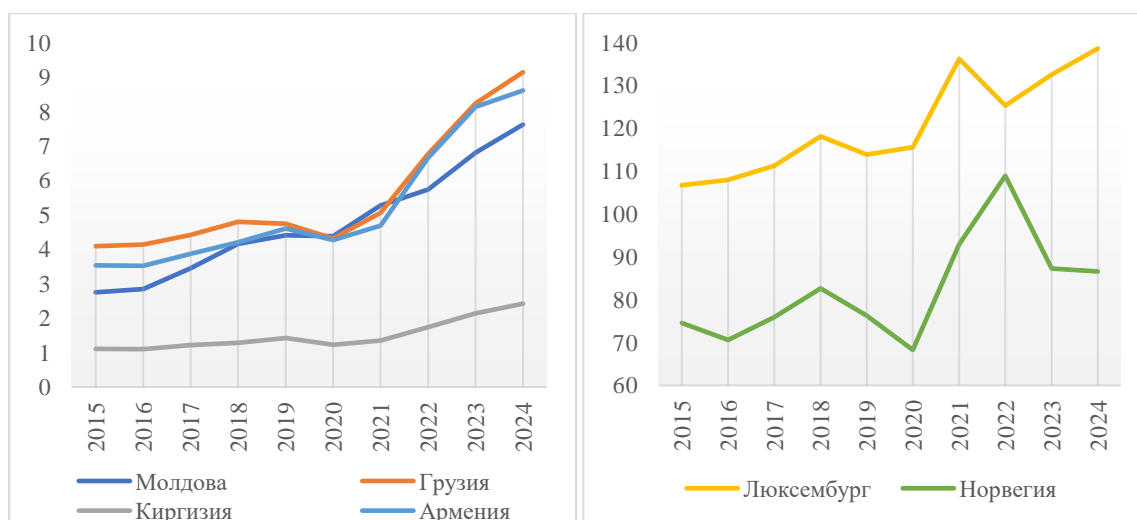

Рис. 2. ВВП на душу населения, 2015-2024 гг. (в тыс. долл. США) [4]

Индекс открытости экономики или «индекс открытости торговли», рассчитывается как сумма экспорта и импорта товаров и услуг, поделенная на валовой внутренний продукт, выраженная в процентах. Этот индекс показывает, насколько экономика страны вовлечена в международную торговлю. На Рисунке 3 представлены данные по вышеперечисленным странам, где Люксембург в глобальном рейтинге по открытости занимает 1-е место (до 400%), Киргизия и Армения находятся на 26-м и 36-м местах (140% и 120%), Грузия и Молдова распределены на 47-м и 58-м местах (107% и 95%), а Норвегия соответственно занимает 83-е место (80%), показывая наиболее низкую вовлеченность во внешнюю торговлю, относительно остальных рассматриваемых стран.

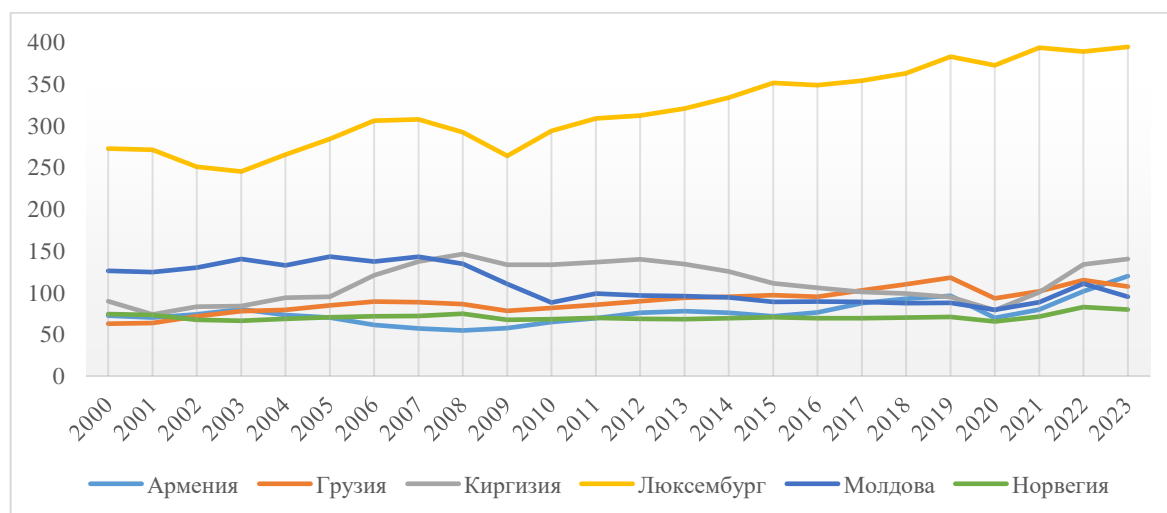

Рис. 3. Индекс открытости экономики (%), 2000-2025 гг. [5]

В рамках исследования был проведен сравнительный SWOT анализ шести стран, что позволило выявить и оценить ключевые факторы, которые оказывают влияние на экономическую устойчивость этих стран.

Анализ всех данных Таблицы позволил выявить как общие черты, присущие малым экономикам, так и их уникальные особенности, связанные с уровнем развития, структурой экономики и степенью интеграции в мировую экономику.

Сравнительный SWOT анализ малых стран

Категория	Люксембург	Киргизия	Армения	Грузия	Молдова	Норвегия
S (Сильные стороны)	1.Мощный финансовый центр 2. Высокий ВВП на душу населения 3.Профицит бюджета и низкий гос. долг 4. Благоприятные условия для иностранных инвесторов	1. Членство в ЕАЭС 2.Инфраструктурное развитие 3. Природные ресурсы 4. Развитый сектор услуг	1. Развитый IT сектор 2. Сельское хозяйство как ключевой сектор 3.Строительный сектор 4. Членство в ЕАЭС	1. Развивающийся туристический сектор 2. «Ворота» между Востоком и Западом 3. Приток иностранных инвестиций (особенно, в IT секторе)	1.Растущий IT-сектор 2.Инфраструктурные проекты 3. Географическое положение	1. Нефтегазовая отрасль 2.Высокий уровень жизни 3. Высокий уровень цифрового проникновения и цифровой готовности
W (Слабости)	1.Высокая зависимость от банковского сектора 2. Сильная зависимость от иммигрантов и трансграничных работников 3. Уязвимость к мировым финансовым кризисам	1. Зависимость от переводов мигрантов и добычи золота 2. Политическая нестабильность 3. Плохой деловой климат 4.Слабая финансовая система 5. Высокая доля неформальной экономики	1. Зависимость от РФ, в том числе, от импорта из РФ 2.Неформальный сектор 3.Высокая уязвимость к внешним шокам	1. Зависимость от импорта 2. Высокий уровень безработицы 3. Сокращение притоков частных иностранных трансфертов	1, Высокий уровень бедности 2. Высокий уровень коррупции 3.Территориальный конфликт	1. Зависимость от энергосектора 2.Высокая стоимость жизни 3.Уязвимость к глобальным шокам
О (Возможности)	1.Свободное движение иностранного капитала, одна из самых открытых экономик 2.Привлекательная налоговая система 3.Развивающийся инновационный сектор	1. Привлечение FDI 2. Развитие в зеленой экономики 3. Улучшенная налоговая система 4. Бурное развитие гидроэнергетики	1. Развитие отрасли туризма 2.Привлечение инвестиций и развитие AI индустрии. 3.Развитие внутреннего туризма	1.Международный поставщик энергии 2. Развитие инфраструктуры 3. Привлечение инвесторов	1.Развитие зеленой энергетики 2. Рост IT сектора и услуг 3.Диверсификация торговли 4. Реформы для SME	1. Синяя экономика 2.Природные ресурсы 3. Государственный пенсионный фонд – Глобал
T (Угрозы)	1.Слабо диверсифицированная экономика 2.Глобальные экономические потрясения.	1.Геополитические риски 2.Высокий внешний долг 3.Экономическая уязвимость	1. Геополитическая нестабильность 2. Внешние экономические шоки	1.Геополитические риски 2.Политическая нестабильность 3. Отдаление Грузии от процессов евроинтеграции	1.Экономическая нестабильность 2.Энергетический кризис	1. Колебания мировых цен на энергоресурсы 2.Геополитические риски

Люксембург и Норвегия демонстрируют устойчивость за счет эффективной институциональной среды, инвестиционной привлекательности, а также богатых природных и финансовых ресурсов. Остальные развивающиеся малые страны, которые были рассмотрены в ходе исследования (Молдова, Армения, Грузия и Киргизия), находятся в процессе структурных трансформаций и сталкиваются с некоторыми трудностями, такими как зависимость от внешней помощи и нестабильность политических и экономических систем.

В результате данного исследования были сделаны следующие выводы:

– Несмотря на наличие недостатков, малые страны имеют ряд преимуществ перед большими: высокий уровень открытости, гибкость, экономическое развитие и т.д.

– Малые страны должны сосредоточиться на развитии устойчивой торговой политики, диверсификации экономики и на укреплении своих позиций на региональных и международных экономических платформах.

– В условиях нарастающей геополитической нестабильности адаптация малых стран к глобальным вызовам во многом будет зависеть от их способности проводить эффективную и стратегически выверенную макроэкономическую политику, что позволит укреплять международные связи, обеспечить долгосрочную экономическую устойчивость и конкурентоспособность.

Список источников

1. Nyamtseren, Lhamsuren. Challenges and Opportunities of Small Countries for Integration into the Global Economy, as a Case of Mongolia. Dresden Discussion Paper Series in Economics, No. 13/04. Technische Universität Dresden, Fakultät Wirtschaftswissenschaften, Dresden. <https://hdl.handle.net/10419/22717>

2. Small Open Economy // <https://www.sciencedirect.com/topics/economics-econometrics-and-finance/small-open-economy>

3. Всемирный банк // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true

4. Европейская комиссия // <https://ec.europa.eu/eurostat/>

5. Всемирный банк – // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true

6. Our World in Data // <https://ourworldindata.org/>

Глава 11. ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОСЛЕ 2020 ГГ.: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ¹

Манукян Л.А.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Шмавонян Э.А.

Институт экономики и бизнеса

На протяжении многих лет экономики сталкиваются с кризисами, подвергаются воздействию экзогенных и эндогенных шоков: это могут быть шоки совокупного спроса, совокупного предложения, или оба вместе. Экономическим шокам характерны различные механизмы распространения, их воздействие может быть временным или постоянным.

Мировые кризисы и способы их преодоления стали предметом исследования еще в начале XX века. С тех пор подходы к макроэкономической политике претерпели значительные изменения. Некоторые школы продолжали развивать каноничные теории, в то время как другие выдвигали новые альтернативные концепции, стремясь адаптировать макроэкономическую политику к меняющимся условиям.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что современные экономики продолжают сталкиваться с новыми вызовами, требующими адаптации инструментов макроэкономической политики. Финансовая нестабильность, торговые войны, глобальные эпидемии и технологические изменения создают неопределённость, которая ставит перед правительствами задачу выработки эффективных мер реагирования. Изучение эволюции макроэкономических подходов и их эффективности в кризисные периоды позволяет лучше понимать механизмы антикризисного регулирования и разрабатывать более устойчивые стратегии экономической политики.

Для осуществления поставленной цели была проведена систематизация существующих подходов, а также выявлены ключевые концептуальные различия между ними. Особое внимание уделяется тому, как экономические кризисы влияли на трансформацию макроэкономических подходов, какие изменения в теоретических и методологических основах происходили под их воздействием, и как это отражалось на практике экономической политики.

Макроэкономическая политика формировалась под влиянием различных экономических школ, которые предлагали свои подходы к регулированию экономики. Рассматривая период XX века, можно проследить эволюцию подходов к макроэкономическому регулированию, прошедшую через несколько основных этапов: от классических представлений о саморегулирующемся рынке до современных многофакторных моделей, учитывающих институциональные и глобальные изменения. Рассмотрим ключевые экономические школы, их подходы и влияние на формирование макроэкономической политики.

Изменение в существующих макроэкономических подходах и появление новых школ зачастую связано с кризисными явлениями в экономике. Так,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки РА в рамках научного проекта: «Необходимость пересмотра подходов макроэкономической политики РА в условиях изменившегося экономического потенциала и новых геополитических реалий» (25YR-5B032).

кейнсианский подход появился в связи с необходимостью объяснения процессов, происходящих во время Великой депрессии 1930-х годов.

Кейнсианская экономика была сосредоточена на совокупном спросе как на ключевом факторе в преодолении таких проблем, как безработица и деловые циклы. Кейнсианцы считали, что бизнес-цикл может управляться за счет активного вмешательства правительства с помощью фискальной политики, при которой правительства тратят больше в рецессии, чтобы стимулировать спрос, или меньше при расширении, чтобы уменьшить спрос. Поскольку Великая депрессия характеризовалась резким падением совокупного спроса, в ответ на которое предложено увеличить совокупные государственные расходы, можно утверждать, что это стало первым в истории экономики применением фискальной политики. Представители кейнсианской школы также придерживались подхода применения такой денежно-кредитной политики, при которой Центральный банк поощряет кредитование с более низкими процентными ставками или ограничивает его более высокими процентными ставками.

Кейнсианцы также считали, что жесткость цен и заработных плат препятствует подстройке спроса и предложения. Жесткость номинальных величин ограничивает возможность адаптации рынка к изменениям в экономике, что может вызвать дисбаланс, привести к росту инфляции и безработицы. Кейнсианцы считали, что в таком случае необходимо вмешательство государства.

Начиная с 1950-х годов, кейнсианская макроэкономика зарекомендовала себя как новая экономическая дисциплина. Она изучалась как в университетах, так и в государственных учреждениях, таких как центральные банки.

В 1950 гг. возникли некейнсианские теории роста. Главными представителями являлись Евсей Домар и Роберт Харрод. Они были солидарны в том, что устойчивый экономический рост необходим для динамического равновесия экономики, при котором достигается полное использование ресурсов. Они также признали, что в долгосрочной перспективе должны сохраняться постоянными такие параметры, как доля сбережений в доходах и эффективность капиталовложений. Оба экономиста считали, что достижение стабильного роста возможно только через активное государственное вмешательство. Однако у них различаются позиции построения модели. Если модель Харрорда основывалась на равенстве инвестиций и сбережений, то модель Домара основывалась на равенстве денежного дохода и производственных мощностей. Вместе с тем они были едины в том, что инвестиции играют ключевую роль в росте доходов и производственных мощностей, что способствует увеличению занятости.

Объединяющим элементом для работ представителей некейнсианского подхода являлось стремление преодоления внутренних противоречий рыночной экономики путем конвергенции рыночных и государственных методов регулирования. Хотя и считалось, что активное государственное регулирование способствует достижению стабильного роста, но в то же время государство не должно подменять рыночные механизмы.

Школа монетаризма стала известной благодаря работам Милтона Фридмана. В 1970-хы годах она приобрела особую популярность по причине того, что подходы кейнсианцев перестали работать в период нового экономического кризиса. Стимулирование экономического роста и роста уровня занятости приводили к ускорению роста цен и возникновению неуправляемой инфляции. Особенно остро это проявилось в странах Запада в середине 1970-х годов: уровень инфляции достиг

двузначных значений – в Великобритании до 24%, в США – до 11%. Такие условия поставили под сомнение эффективность кейнсианской модели, ориентированной на рост совокупного спроса. Теперь на первый план выдвинулась задача регулирования инфляции посредством контроля денежной массы.

В то же время монетаристы не пренебрегали изучением эффектов фискальной политики. Они тоже считали, что политика имеет влияние на выпуск и занятость. Монетаристы считали, что инфляционный эффект роста дефицита бюджета зависит от метода финансирования. При эмиссионном покрытии наблюдалось увеличение темпов инфляции, тогда как при привлечении заемных средств, за счет эффекта вытеснения, количество денег в экономике остается прежним, следовательно и темп инфляции не меняется.

В конце XX века подходы к макроэкономической политике претерпевали изменения. Возникли новые подходы, такие как новая классическая школа, сделавшая акцент на рациональных ожиданиях, новая кейнсианская школа, продлившая идею важности государственного регулирования.

Отдельно в рамках данного исследования необходимо отметить роль институциональной школы. Институциональная теория предлагает совершенствование рыночной экономики посредством косвенного воздействия государства на институциональную структуру. Сторонники данной теории, Р.Коуз, Д.Норд, О.Уильямсон и др. поддерживают активное участие государства в экономике, но их идея немного отличалась от кейнсианской концепции. Они считают, что задачей государства является создание институциональных механизмов стимулирования конкуренции и увеличения прибыли, нежели стимулирование совокупного спроса с помощью экспансионистской политики. Главным объектом исследования стали не эффекты монетарной и фискальной политики, а сам процесс принятия решений со стороны правительства.

На пути развития стояли крупные экономические кризисы, которые способствовали эволюции подходов и рассмотрению альтернативных концепции. Если рассматривать современные кризисы, то можно заметить, что для преодоления последствий кризисов комбинированно используются несколько подходов. В качестве примера можно привести пандемию COVID-19.

Во время кризиса, вызванного пандемией коронавируса, страны, включая Армению, вынуждены были адаптировать экономическую политику к реалиям, сочетая разные подходы. Опираясь на кейнсианский подход, в условиях экономического спада государство должно было вмешаться, увеличивая государственные расходы. С точки зрения кейнсианской теории, фискальная политика должна быть контрциклической, а государственный долг призван был служить инструментом сглаживания государственного и частного потребления. Армянское правительство проводило стимулирующую фискальную политику. Была представлена программа мер социально-экономической помощи на сумму в 150 млрд. драмов. 30 млрд. выделялось на поддержку бизнеса, 30 млрд. – на социальную помощь, 80 млрд. – выделено на программы, направленные на восстановление экономики и долгосрочное развитие, 10 млрд. – резервные фонды для необходимых перераспределений.

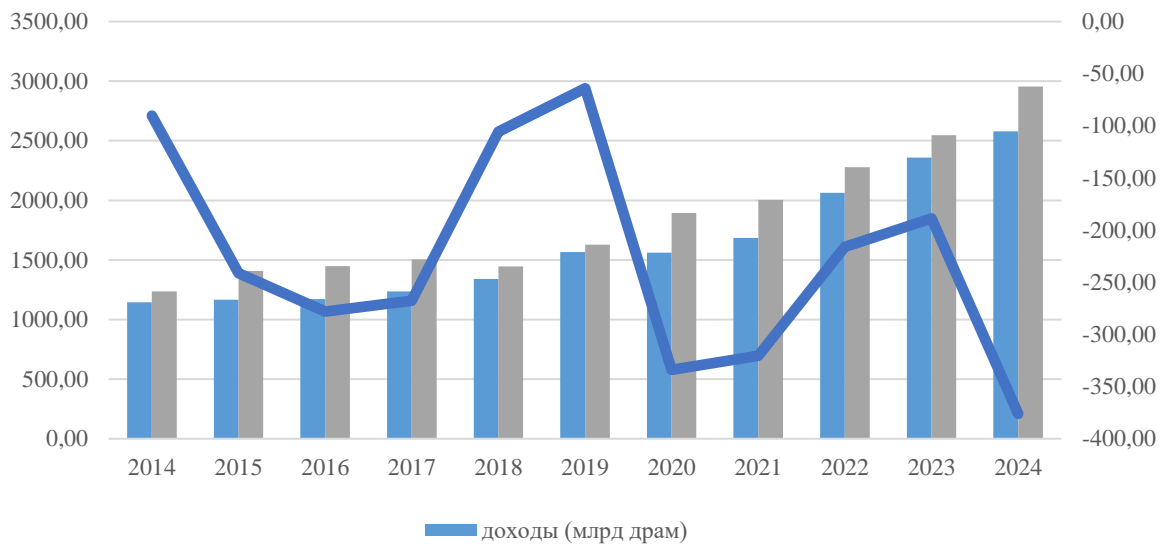

Рис. 1. Динамика показателей государственного бюджета РА 2014-2024, в млрд. драмов

Наши наблюдения показывают, что на фазах спада экономических циклов налогово-бюджетная политика Армении имела вполне адекватную реакцию. В кризисных периодах налогово-бюджетная политика была контрциклической и эффективной с точки зрения решения краткосрочных проблем – последствий шоков и возвращения к естественному росту. Однако в докризисный период политика имела неадекватное экономическому циклу направление, когда при беспрецедентно высоком (двузначном) экономическом росте правительство сохраняло первичный дефицит бюджета. Таким образом, действия правительства имели нейтральный или в лучшем случае небольшой сдерживающий эффект. Политика в эти годы была направлена не на сдерживание растущего положительного разрыва ВВП, а, наоборот, способствовала перегреву.

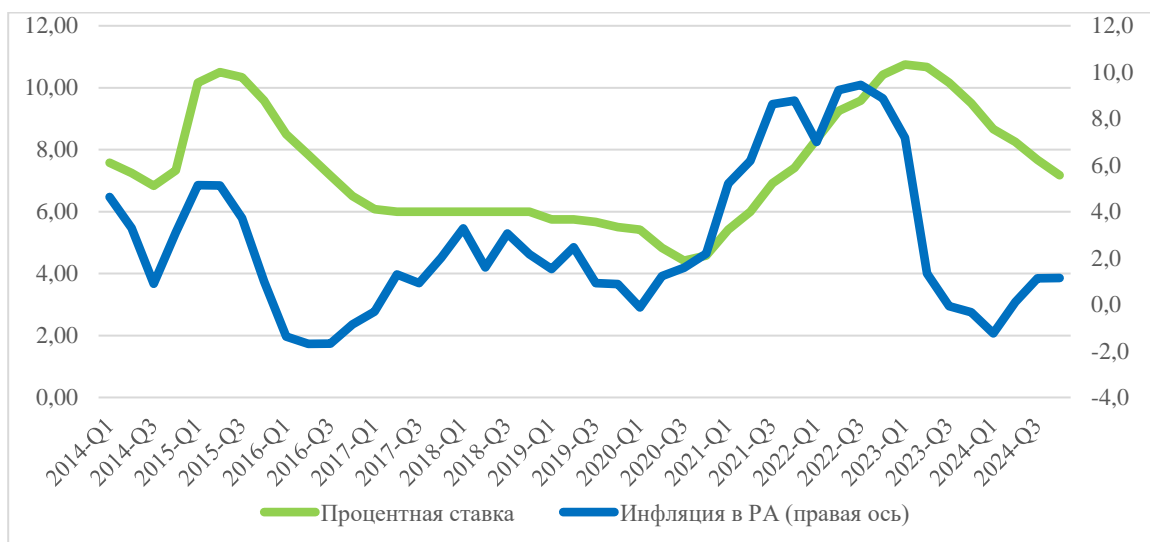

Рис. 2. Динамика темпов инфляции и номинальной процентной ставки в РА 2014-2024гг., в %

Наряду с применением кейнсианского подхода, в экономической политике Армении использовались и элементы монетаристских идей. В 2020 году Центральный банк посредством снижения процентной ставки реализовывал политику «дешевых денег» которая способствовала увеличению денежной массы и

повышению ликвидности в экономике. Эти меры были направлены на стимулирование экономической активности восстановление экономического роста после спада, вызванного пандемией. Могла ли экономика справиться сама, без подобных мер? – Да, в момент кризиса нужна максимальная поддержка, но чем больше и дольше будут сохраняться меры поддержки, тем труднее будет потом сдерживать перегрев экономики, в том числе, и инфляцию.

Инфляция и безработица – главные свидетельства неэффективности макроэкономической политики. В тот момент, когда фискальные стимулы становятся излишними, происходит инфляция: это симптом: пора, чтобы политика ужесточилась. Инфляция – один из ключевых глобальных вызовов, и центральные банки будут испытывать определенные трудности в ближайшие несколько лет. В части выпуска денежно-кредитная политика не влияет на долгосрочный тренд, есть более значимые факторы. В среднесрочном и долгосрочном периодах денежно-кредитная политика нейтральна. На что денежно-кредитная политика оставляет перманентный эффект – это на инфляцию, причем и на цикл, и на тренд, то есть, и в части временных колебаний, и в части долгосрочных. При режиме инфляционного таргетирования на основе выбранного со стороны Центрального банка целевого уровня формируется долгосрочный тренд.

Какие существуют ограничения по уровню инфляции?

– Желательно, чтобы инфляции была не нулевой. Номинальные процентные ставки должны иметь значения, близкие к значениям инфляции, и при нулевых или отрицательных ожиданиях по инфляции не будет «коридора» для манипулирования процентной ставкой, ведения денежно-кредитной политики.

– Желательно, чтобы уровень инфляции был близок к уровню торговых партнеров, – это облегчит ряд задач. Второе, инфляция должна значимо отличаться от 0, чтобы иметь «люфт шевеления». Для развитых стран 2% – это уже значимо, для развивающихся – 4%. Кроме того, развивающиеся страны больше торгуют именно с развивающимися странами.

Есть большое число исследований, где на основе анализа панельных данных разных стран пытаются найти определенные «пороговые значения» инфляции. Однако к значимым результатам эти исследования не привели: например, выведено, что в развитых странах уровень ниже 2% приводит к снижению выпуска, но нужно учесть, что если уровень упал ниже 2%, то мы находимся на этапе рецессии, и выпуск, естественно, будет сокращаться.

В условиях современной глобальной экономики устойчивое развитие государств требует гибкого и эффективного макроэкономического регулирования. Для малых открытых экономик, таких как Республика Армения (РА), макроэкономическая политика приобретает особую значимость, так как она направлена не только на сглаживание циклических колебаний, но и на обеспечение долгосрочной экономической стабильности, социальной защиты и инвестиционной привлекательности. На этом фоне анализ современных подходов к макроэкономическому регулированию и оценка перспектив его развития в РА становятся особенно важными.

Также следует отметить значение структурной политики, направленной на долгосрочные изменения в институциональной и производственной структуре экономики, и социальной политики, обеспечивающей справедливое распределение и перераспределение доходов и защиту уязвимых групп населения. В современных условиях усиливается внимание к адаптивности макроэкономических стратегий,

способности быстро реагировать на внешние и внутренние шоки и интеграции целей устойчивого развития.

В последние годы макроэкономическая политика Республики Армения оказалась в эпицентре значительных вызовов — как глобального, так и внутреннего характера. Это обусловило необходимость переосмысления классических подходов и внедрения адаптивных механизмов, способных повысить устойчивость экономической системы. Для повышения эффективности макроэкономического регулирования наблюдается укрепление институциональной базы, совершенствуется механизм прогнозирования и анализа фискальных рисков.

Макроэкономическое регулирование в Республике Армения в последние годы демонстрирует движение от реактивного к стратегическому управлению. В условиях внешней нестабильности страна сохраняет акцент на инфляционном таргетировании, фискальной устойчивости и структурной адаптации. Переход к устойчивому экономическому росту требует не только адаптации к внешним вызовам, но и стратегических реформ, способных обеспечить долгосрочную макроэкономическую устойчивость.

Основными факторами эволюции этих подходов являются не только субъективные взгляды ученых-экономистов на макроэкономику и роль государства в экономике, но и мировые кризисы, которые влияли на развитие подходов к макроэкономической политике. В условиях экономических потрясений становится очевидной необходимость пересмотра существующих концепций. В ходе исследования были затронуты кризисы, которые способствовали пересмотру подходов, а также на примере современного кризиса было продемонстрировано комбинированное применение подходов в целях преодоления негативных последствий. Такое сочетание обеспечивает гибкость макроэкономической политики и способствует выработке более эффективных решений.

Подходы макроэкономической политики постоянно развиваются и эволюционируют, однако, по мнению авторов, не существует универсального подхода, способного работать в любых условиях. Следовательно, ключевым остается гибкий и прагматичный подход к макроэкономической политике, основанный на сочетании теоретических знаний и практического опыта.

Список источников

1. Горин В.С., Савченко-Бельский В.Ю., Степанов А.А., Мальцева М.В., Мальцева М.В. “Эволюция научных взглядов на роль государства в регулировании рынка” / Инновации и инвестиции. 2017. № 11
2. Бартенев С.А. “История Экономических Учений” / Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Магистр: ИНФРАМ, 2013.
3. Каламанова Е.Н. “Этапы развития концепций государственного регулирования в экономике” / Спецвыпуск ТComm, август 2009
4. Ядгаров Я.С. “История Экономических Учений” / Учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2009.
5. Т.Дж. Усманова “Теоретические подходы к формированию и проведению макроэкономической политики” / Вестник Таджикского Национального университета (научный журнал) часть 1, Душанбе “СИНО”, 2014.
6. В.М. Остапенко “Эволюция теории стабилизационной политики в макроэкономическом мейнстриме” / журнал “Проблемы современной экономики”, 2013.
7. Петросян И.Б., Папаян З.К. “Контрциклическая и проциклическая экономическая политика: теоретический подход” / Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. 2024. № 2.

8. К.Дж.Варданын, Г.А.Авагян, В.И.Тигранян, Н.Н.Карапетын “Антикризисная макроэкономическая политика и госдолг Республики Армения в условиях эпидемии COVID-19” / Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 2021 г.
9. Петросян И.Б., Ашотян С.С. “Особенности денежно-кредитной политики РА в период кризисов” / Сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции. Белгород, 2021
10. Атемова А. З. “Великая депрессия и теория Кейнса” / «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №5(44). 2020.
11. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Нью-Йорк: Харкорт Брейс Йованович, 1964.
12. Finn Olesen “Macroeconomics – developments and modern trends” / Vol. 4 No. 1 (2022): Journal of Behavioural Economics and Social Systems
13. Арсаханова З. А. “Краткая история экономических учений” / Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral» №1 2018
14. Е.М.Найденова “Рузвельт, Кейнс, Великая депрессия” / TERRA ECONOMICUS том 11 №4. 2013.

Глава 12. ДОЛГОСРОЧНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ АРМЕНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШОКОВ¹

Петросян Г.А.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Геополитические шоки в последние десятилетия выступают одним из ключевых источников макроэкономической нестабильности для малых открытых экономик, включая Армению. Эти шоки имеют многоканальную природу и проявляются через изменение торговых маршрутов и цепочек поставок, колебания цен на энергоносители, санкционные режимы, изменения финансовых условий, миграционных волн и роста неопределенности. Наблюдаемые в статистике сдвиги затрагивают не только уровни выпуска и цен, но и структуру роста, включая перераспределение экономической активности между секторами, усиление роли экспортноориентированных услуг и логистики, а также переориентацию внешнеэкономических потоков. На этом фоне данная статья формулирует три взаимосвязанные исследовательские задачи: оценить динамические макроэкономические и структурные последствия геополитических шоков, идентифицировать и количественно описать механизмы трансмиссии, такие как торговый, финансовый, а также миграционный канал и проверить, приводят ли такие шоки к устойчивым структурным сдвигам, изменяющим траекторию экономического роста.

Современная литература, посвященная проблематике геополитической неопределенности, задает важную отправную точку для эмпирического анализа. Индекс геополитического риска, построенный на основе новостных текстов, демонстрирует, что всплески геополитических рисков являются статистически значимым предиктором последующего снижения инвестиций и занятости, что согласуется с гипотезой о действии канала неопределенности в макроэкономической динамике [1]. Параллельные работы по шокам неопределенности фиксируют резкие, но ограниченные по длительности спады выпуска и инвестиционной активности с последующим восстановлением, причем идентификация откликов часто осуществляется с применением моделей VAR и SVAR [2]. Эти результаты задают ожидания относительно направления и длительности реакций на геополитические шоки в малой открытой экономике и используются при спецификации модели и интерпретации оценок.

С точки зрения каналов передачи наиболее значимыми оказываются войны, торговые ограничения и энергетический сектор. Эмпирические исследования показывают, что вооруженные конфликты сопровождаются резким сокращением двусторонней торговли и заметными потерями выпуска, что подчеркивает важность торгового канала и его длительное воздействие даже после окончания боевых действий [3]. В энергетике ключевым является правильное разделение типов шоков: необходимо различать шоки предложения, изменения глобального спроса и специфические нефтяные факторы, поскольку от этого зависит форма и продолжительность их влияния на экономическую активность. Эти вопросы подробно исследованы в литературе по структурной декомпозиции VAR для

¹ Исследование было проведено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки Республики Армения в рамках научного проекта: «Макроэкономическая оценка изменений потенциала экономики Республики Армения после 2020-2023 гг.: возможности и угрозы» (24SSAH-5B038).

мирового нефтяного рынка и в подходах к неполной идентификации, где используются экономически обоснованные ограничения [4][5]. Данный блок исследований задает основу для корректного учета мировой конъюнктуры и цен на энергоносители при анализе динамики малой открытой экономики.

Литература по санкциям показывает, что их совокупные эффекты могут быть значительными, но различаются по масштабу и по странам. Панельные исследования показывают, что санкции ООН существенно снижают темпы роста ВВП на душу населения в странах-мишенях, тогда как влияние санкций США в среднем слабее и более неоднородно [6]. На уровне фирм и товарных потоков зафиксирована переориентация экспорта в страны, не участвующие в санкциях, с изменением цен и логистики. Это снижает эффективность прямых ограничений и усиливает роль посредников [7]. Эффекты санкций на российскую экономику в целом умеренные и разнородные. Новейшая работа на базе Global Sanctions Database показывает, что санкции снизили торговлю с их инициаторами примерно на 25%, но одновременно стимулировали расширение торговли с третьими странами, такими как Китай, Индия и Турция, что ослабило негативное влияние ограничений и поспособствовало геополитической дивергенции [8]. Оценки Всемирного банка и OECD фиксируют падение ВВП на примерно 2% в 2022 году, но рост потребления и инвестиций при поддержке военных расходов и альтернативных экспортных каналов привёл к частичному восстановлению в 2023–2024 годах [9]. Другие исследования подчёркивают, что поддержка экономики за счёт импортозамещения и сотрудничество с дружественными странами обеспечили временную устойчивость, но создали фундамент для среднесрочных проблем, а именно технологического отставания, слабой производительности и институциональных ограничений [10]. Согласно анализу Camacho Chavarría (2023) [11], спад ВВП оказался менее драматичным, чем прогнозировалось, около -2,5% в 2022 году, что свидетельствует о переоценке ожиданий первоначального удара по экономике.

Еще одним важным каналом воздействия геополитических шоков на малые и открытые экономики являются миграция и вынужденное перемещение людей и рабочей силы. Исследования показывают, что краткосрочные эффекты для занятости местных жителей обычно умеренные и неоднородные: часть работников перемещается в неформальный сектор, но одновременно растет внутренний спрос и предпринимательская активность [13]. При этом влияние на заработные платы оказывается ограниченным и зависит от пола работников и особенностей занятости [13, 14].

Анализ долгосрочных последствий геополитических шоков требует сопоставления краткосрочной стабилизации с более продолжительными структурными изменениями. Литература показывает, что перераспределение занятости и добавленной стоимости между сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг является ключевым механизмом роста производительности в долгосрочном периоде, хотя направление и масштаб этих эффектов зависят от институционального контекста, государственной политики и глобальных факторов [15]. Международные данные свидетельствуют, что с 1990-х годов структурные сдвиги в некоторых странах ускоряли рост производительности, тогда как в других – наоборот, тормозили его, особенно когда занятость перемещалась из более продуктивных в менее продуктивные сектора [16]. Для практического анализа применяются индексы структурных изменений и декомпозиции роста производительности по межсекторным перемещениям. Эти

методы позволяют выявлять не только долгосрочные тренды трансформации, но и ускорения, связанные с воздействием крупных внешних шоков.

Методологическая основа статьи опирается на современные подходы прикладной макроэкономики к идентификации шоков. В структурной модели VAR используются внешние переменные и экономические допущения, которые помогают отделить экзогенные шоки от внутренней динамики. Для проверки надежности результатов дополнительно применяются локальные проекции, которые позволяют оценивать импульсные отклики без полной спецификации VAR. В литературе показано, что при стандартных условиях локальные проекции и VAR дают сопоставимые результаты, что повышает уверенность в интерпретации эффектов шоков [17, 18].

Начнем с хронологической картины внешних потрясений, определявших траекторию экономики Армении с начала 1990-х, как показано на Рис. 1: распад СССР в 1991 году, экономический кризис в России 1998 года, глобальный финансовый кризис 2008 года, валютный кризис в России 2015 года, сочетание Второй Арцахской войны и пандемии COVID-19 в 2020 году, международные санкции против России в 2022 году и приток вынужденно переселенного населения в 2023 году. Эта последовательность указывает на рост частоты и на многоканальную природу шоков, в которых для Армении особенно значимы торговля и логистика, трансграничные финансовые потоки и миграция. В дальнейшем мы сопоставляем датированные события с динамикой выпуска, цен, сальдо платежного баланса и долей секторов экономики, чтобы отделить краткосрочные колебания от устойчивых структурных сдвигов и показать, какие именно каналы передачи доминируют в разные периоды и как они формируют наблюдаемую трансформацию экономики.

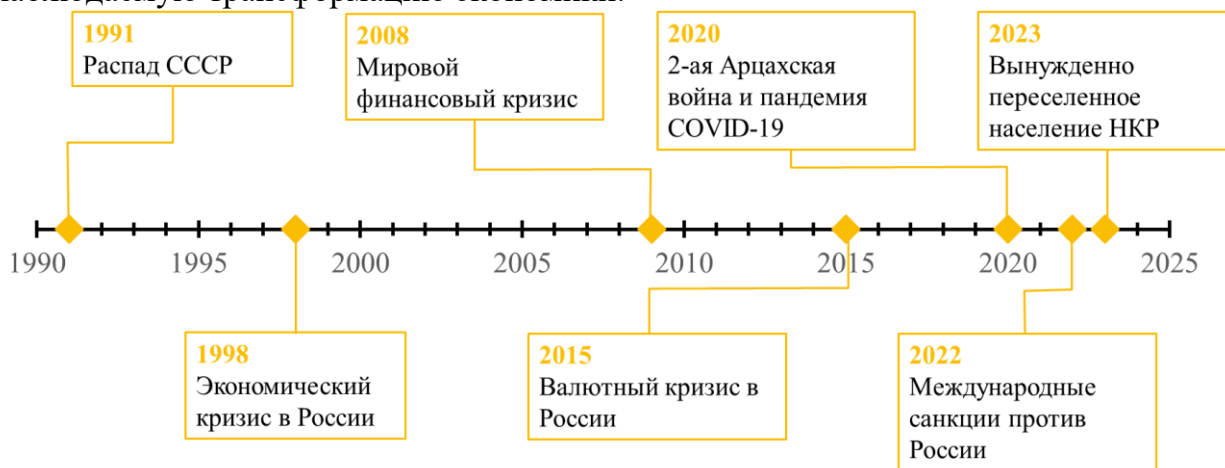

Рис. 1. Геополитические шоки, влияющие на экономику Армении

Динамика выпуска хорошо отражает последовательность геополитических шоков. Как видно на Рис. 2, годовые темпы роста ВВП снижаются в периоды кризисов и меняют средний уровень между отдельными интервалами, что показано оранжевыми горизонтальными линиями. После глубокого спада начала 1990-х экономика перешла к фазе устойчивого роста, достигавшего двузначных значений в первой половине 2000-х. Мировой кризис 2009 года вызвал резкую рецессию, за которой последовало умеренное восстановление в 2010-2014 годах. В 2015-2016 годах темпы роста снова снизились под влиянием внешних шоков из экономики России. В 2017-2019 годах наблюдалось оживление, но в 2020 году война и пандемия вызвали очередную рецессию. После 2022 года рост заметно ускорился, средний

уровень оказался выше допандемийного, однако одновременно усилилась волатильность. Такая динамика показывает, что каждый крупный геополитический эпизод изменяет не только краткосрочные колебания, но и сам уровень средних темпов роста, что делает актуальной проверку структурных разрывов и сопоставление этих изменений с каналами передачи, рассмотренными выше.

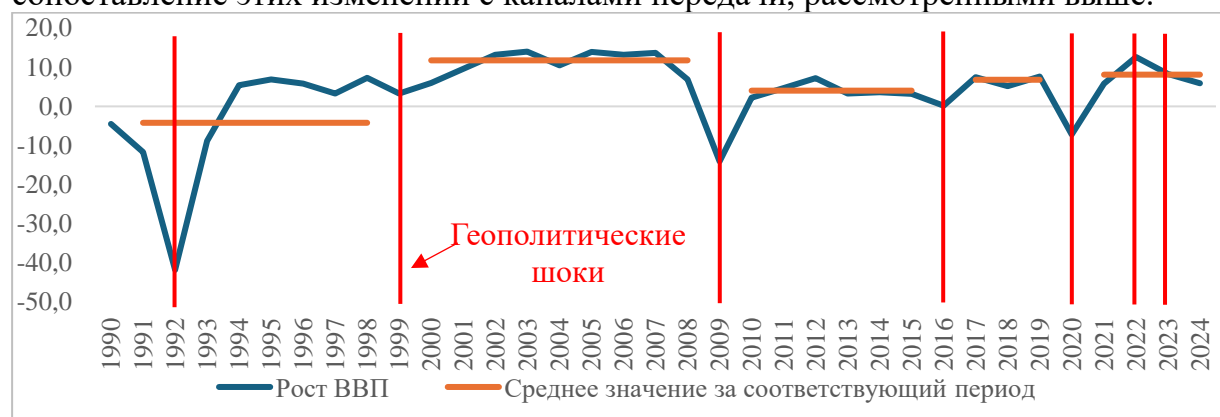

Рис. 2. Рост ВВП и периоды влияния геополитических шоков, 199-2024

Структурная динамика выпуска подтверждает смену режимов роста в разные периоды геополитических шоков. Как видно на Рис. 3, в 2000-2008 годах экономика опиралась на высокий вклад строительства и торговли, при заметной роли промышленности и постепенно сокращавшемся сельском хозяйстве. В 2010-2015 годах после мирового кризиса и внешних шоков из России доля строительства сократилась, а относительный вес промышленности и услуг вырос. В 2017-2019 годах произошло частичное восстановление производственных и рыночных услуг, при этом строительство оставалось на умеренном уровне, что отражало постепенную нормализацию после предыдущих кризисов. В 2021-2024 годах структура смещается в сторону услуг, связанных с торговлей, логистикой и финансовым посредничеством, при дальнейшем снижении роли сельского хозяйства. Налоги на продукты остаются относительно стабильными. В целом данные подтверждают постепенный переток ресурсов в сферу услуг с более высокой добавленной стоимостью и снижение роли строительного цикла как основного фактора роста.

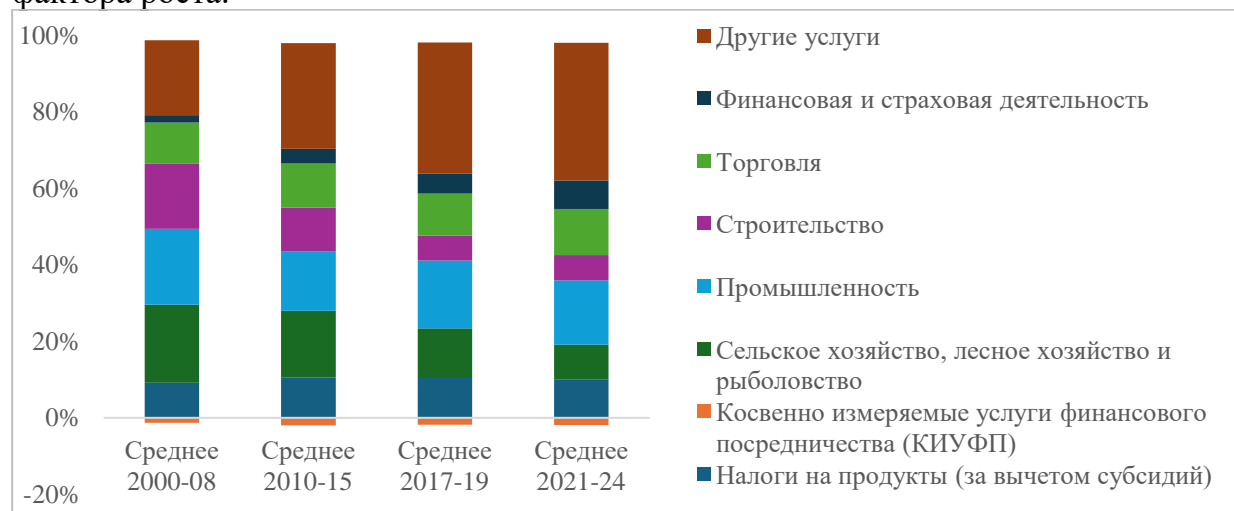

Рис. 3. Структура ВВП в промежутках геополитических шоков, %

Данные по индексу структурных изменений показывают, что периоды крупных шоков сопровождаются усилением межсекторных сдвигов, тогда как в спокойные годы индикатор снижается. Индекс структурных изменений, применяемый в работе, рассчитан автором для измерения интенсивности межсекторных сдвигов в экономике. Методика состоит в том, что сначала для каждого укрупнённого сектора вычисляется годовое изменение его доли в ВВП по сравнению с предыдущим годом. Затем эти изменения берутся по модулю, то есть в расчёт включается их абсолютная величина независимо от направления сдвига. После этого рассчитывается простое среднее значение по всем секторам. Таким образом, индекс отражает суммарный масштаб структурных изменений в экономике за год: чем он выше, тем более выраженным было перераспределение добавленной стоимости между секторами. Поскольку в расчёте используются абсолютные значения, индекс фиксирует именно интенсивность изменений, а не их направление.

Как видно на Рис. 4, наиболее высокий уровень зафиксирован в 2009 году, что совпадает с глобальным кризисом и последующей перестройкой источников роста. Повышенные значения наблюдались также в 2011-2012 годах в условиях посткризисной адаптации, в 2016 году под влиянием внешних шоков из России, а также в 2023 году, когда на экономику повлияли перенаправления торговых потоков и миграционные процессы. Наименьшие значения индекса приходятся на 2003-2004, 2013, 2018, 2021 и 2024 годы, что соответствует фазам относительной стабильности. Такая динамика согласуется с результатами по ВВП и отраслевой структуре, описанными выше, и указывает на то, что геополитические события не только влияют на краткосрочную динамику выпуска, но и ускоряют перераспределение ресурсов между секторами, формируя новые режимы роста. Эти эффекты требуют дальнейшей проверки с использованием формальных методов идентификации шоков и тестов на структурные разрывы.

Рис. 4. Индекс изменения структуры экономики, 2001-2024

Баланс внешней торговли отражает смену экономических режимов, о которых шла речь выше. Как видно на Рис. 5, в 2010-2014 годах сохранялся устойчивый и глубокий дефицит, около 600-700 млн долл. В 2015-2017 годах дефицит временно сократился до 200-300 млн долл., однако к 2019–2020 годам снова увеличился. После 2022 года динамика резко изменилась: показатель приблизился к нулевой линии, а в 2023–2024 годах несколько раз переходил в зону профицита. При этом амплитуда колебаний заметно возросла. Такая траектория согласуется с ранее описанными каналами передачи, включая перенаправление внешних потоков, рост реэкспорта и

логистической активности, и указывает на возможный структурный сдвиг во внешней торговле, который в дальнейшем будет проверен формальными методами.

Рис. 5. Баланс внешней торговли (без сезонности), 2010-2024, млн. \$

2010–2014 годах денежные переводы стабильно оставались положительными, в пределах примерно 70-120 млн долл., при умеренных колебаниях. В 2015-2021 годах наблюдалось постепенное ослабление с заметным провалом в начале 2020 года, когда объемы переводов впервые стали отрицательными из-за ограничений на передвижение и ухудшения внешней конъюнктуры. С 2022 года динамика резко изменилась: объемы переводов выросли, их волатильность усилилась, месячные значения часто превышали 200 млн долл. и иногда поднимались выше 300 млн долл. Эти изменения связаны с миграционным притоком, переориентацией трансграничных расчетов и ростом переводов через альтернативные каналы. В 2024 году показатели частично снизились, но остались выше среднего уровня до пандемии и продолжили демонстрировать повышенную волатильность. Такая динамика поддерживала рост внутреннего спроса и помогала объяснить эпизоды профицита торгового баланса в 2023-2024 годах, что важно учитывать при интерпретации импульсных откликов модели.

Рис. 6. Денежные переводы, сальдо (без сезонности), 2010-2024, млн. \$

После 2022 года усилились внешние импульсы через инвестиции и туризм. Прямые иностранные инвестиции, которые в 2010–2014 годах оставались на стабильном уровне, а в 2015-2016 годах снижались вплоть до нулевых и отрицательных значений, резко выросли в 2022-2023 годах, сопровождаясь высокой волатильностью. Это отражает волнообразный приток капитала в условиях

геоэкономической перестройки, в том числе через внутрифирменное финансирование, реинвестированную прибыль и расширение в сфере логистики и ИКТ. В 2024 году инвестиции снизились, но остались выше допандемийного уровня. Туризм показывает схожую картину: после почти полного обнуления в 2020 году притоки начали восстанавливаться в 2021 году, а в 2022-2023 годах превысили допандемийные значения. Этот рост отражает не только возвращение туристического спроса, но и увеличение деловых поездок, релокаций и краткосрочных перемещений, связанных с торговлей и миграцией. В 2024 году наблюдается частичная коррекция, однако уровень остаётся выше, чем в 2018-2019 годах. Совместная динамика инвестиций и туризма подтверждает усиление внутреннего спроса и сектора услуг, а также помогает объяснить профицитные эпизоды внешней торговли, отмеченные выше.

Построение эконометрической модели для оценки эффектов геополитических шоков на экономику Армении

Для оценки динамических эффектов геополитических возмущений и каналов их передачи была использована структурная векторная авторегрессия SVAR. Этот класс моделей позволяет отделить взаимно коррелированные эндогенные колебания от экзогенных структурных шоков и получить импульсные отклики интересующих переменных, а также разложение дисперсии прогноза по источникам шоков.

Форма модели SVAR:

$$A_0 Y_t = A_1 Y_{t-1} + A_2 Y_{t-2} + B_t + \varepsilon_t$$

где Y_t = [Процентная ставка, Дефицит бюджета, Долг,

Рост ВВП, индекс изменения структуры экономики

Матрица A_0 описывает одновременные связи между переменными внутри периода, A_1 и A_2 являются матрицами лаговых коэффициентов, ε_t – вектор взаимно некоррелированных структурных шоков с единичной ковариационной матрицей, B_t – экзогенный геополитический шок.

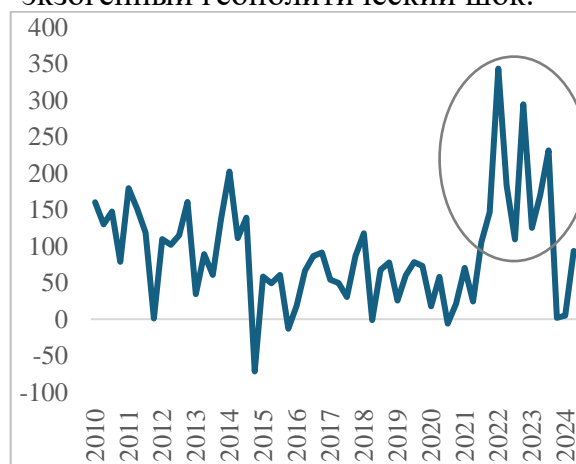

Рис. 7. Объемы ПИИ (без сезонности), млн. \$

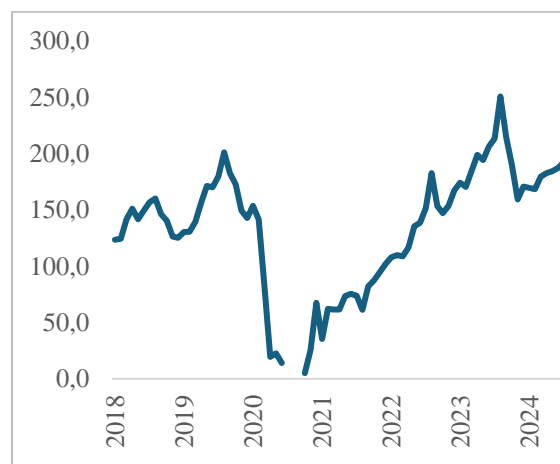

Рис. 8. Численность туристов (без сезонности), 1000 чел.

Все ряды приводятся к единой частоте наблюдений, к квартальной. Для этого квартальные показатели используются напрямую, а месячные агрегируются по стандартным правилам (суммирование для потоков, среднее для ставок и уровней). Перед оцениванием проводится сезонная корректировка, затем обеспечивается стационарность: темпы роста и разности применяются к уровням, долги и дефициты берутся в процентах к ВВП, процентные ставки используются как уровни или при необходимости в разностях. Длина лага выбирается по информационным критериям

AIC, BIC и HQ при проверке на отсутствие автокорреляции остатков и на стабильность коэффициентов.

Переменная B_t отражает траекторию экзогенного геополитического воздействия и рассматривается как внешняя по отношению к эндогенной системе. В базовой спецификации используются событийные окна, соответствующие ключевым шокам, выделенным в хронологии. Для этого вводятся бинарные индикаторы для тех годов когда происходили шоки с продолжительностью окна, определяемой характером события. В качестве альтернативы или дополнения применяется непрерывный внешний показатель, например индекс геополитического риска, нормированный и приведенный к квартальной или годовой частоте. Геополитическая переменная не моделируется как часть внутренней динамики VAR, а включается в уравнения как экзогенный детерминированный фактор. Это позволяет интерпретировать импульсные отклики как реакции именно на внешнее возмущение, а не на эндогенные колебания системы.

Структурная идентификация матрицы A_0 проводится с помощью разложения Холецкого. Порядок переменных в векторе Y_t определяется, исходя из поведенческих особенностей малой открытой экономики. Предполагается, что показатели выпуска и структуры реагируют медленнее в пределах квартала, бюджетный баланс и государственный долг отражают автоматические стабилизаторы и учётные изменения, а денежно-кредитная политика и финансовые переменные способны быстро реагировать на доступную информацию. В соответствии с этим порядок задаётся от самых «быстрых» к более «медленным»: процентная ставка, дефицит бюджета, государственный долг, рост ВВП, индекс структурных изменений. Для проверки устойчивости результатов также тестируются альтернативные варианты порядка, например перестановка мест бюджетных показателей и процентной ставки.

После идентификации рассчитываются импульсные отклики на один стандартный шок геополитической переменной и на прочие структурные шоки. Горизонт откликов выбирается достаточным для выхода динамики на новый уровень или к нулю, обычно 12-15 кварталов.

Импульсные отклики подтверждают, что нормированный экзогенный геополитический шок быстро затухает по экспоненциальной траектории, а макро- и фискально-финансовые переменные отвечают с разными лагами и профилями. Реальный рост ВВП падает сразу, масштаб снижения близок к одному процентному пункту на импакте, затем эффект примерно наполовину уменьшается к 4-5 кварталу и практически исчезает к горизонту около 10-12 кварталов. Индекс изменения структуры экономики показывает инерционную перестройку: в первый квартал фиксируется краткий отрицательный провал, далее через 2–3 квартала возникает выраженный положительный всплеск, после чего эффект медленно спадает, оставаясь положительным на расширенном горизонте. Такая форма согласуется с колебаниями перенастройки и усилившейся межсекторной перераспределительной динамикой, которая наблюдалась в описательной статистике.

Фискальный блок реагирует по каналу автоматических стабилизаторов и финансирования. Дефицит бюджета сначала умеренно расширяется, затем к 4-6 кварталу достигает минимума, после чего начинается постепенное сужение и возврат к исходному уровню к 10 кварталу. Профиль государственного долга по отношению к ВВП имеет типичную для шоков динамику: на импакте происходит рост показателя за счет проседания номинального ВВП и первичных потребностей

в финансировании, далее на горизонте 4-7 кварталов следует снижение под влиянием восстановления роста, частичной консолидации и возможного ценового эффекта, после чего траектория возвращается к нулевой отметке.

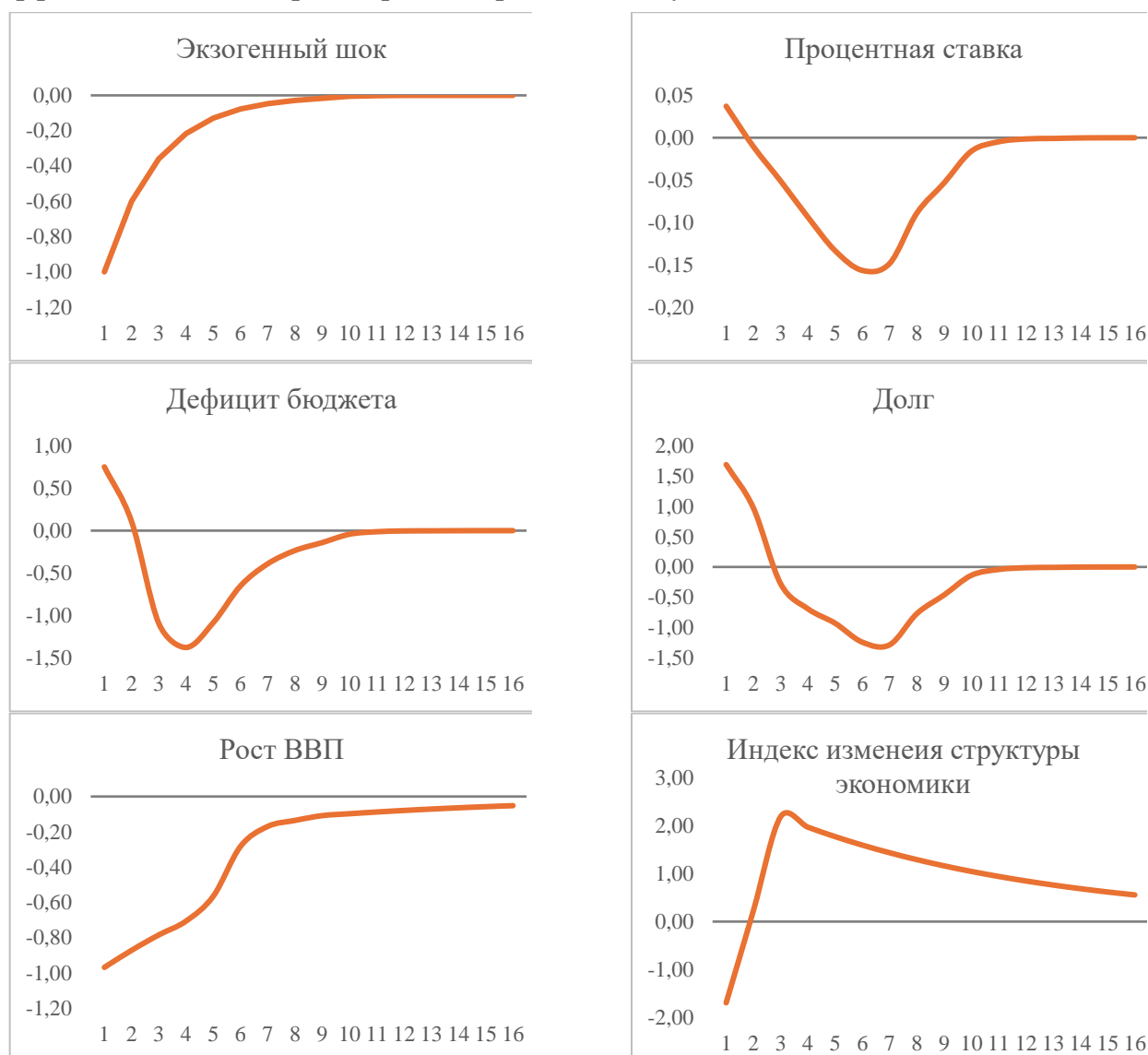

Рис. 9. Результаты модели SVAR

Денежно кредитная политика смягчается: краткосрочная процентная ставка уходит в отрицательную область относительных отклонений, минимум наблюдается примерно на 5-7 квартале, затем ставка постепенно возвращается к исходному уровню. В целом результаты указывают на быстрый спад выпуска, более продолжительные структурные изменения и временное усиление контрциклической фискальной и монетарной реакции. Эти эффекты согласуются с ранее выделенными каналами передачи.

В работе проведен анализ влияния геополитических шоков на экономику Армении на основе статистических данных и структурной векторной авторегрессии (SVAR). Полученные результаты показывают, что ключевые эпизоды, от кризиса 1990-х до событий 2022–2023 годов, сопровождались не только краткосрочными спадами выпуска, но и более глубокими структурными изменениями. Экономика реагировала через сокращение темпов роста, перераспределение ресурсов между секторами, усиление роли торговли, логистики и финансовых услуг, а также через изменения во внешнеторговом и миграционном балансах.

Рассчитанный индекс структурных изменений подтвердил, что каждый крупный шок сопровождался ускорением межсекторных сдвигов. Импульсные отклики SVAR-модели выявили быстрый спад ВВП, более продолжительные структурные перестройки и временное усиление контрциклической фискальной и монетарной реакции.

Из результатов анализа можно сделать вывод, что экономический рост и развитие Армении в значительной степени определяются внешними факторами. В отличие от крупных экономик, где внутренние реформы и институциональные изменения могут играть ведущую роль, для Армении именно геополитические шоки и внешнеэкономическая конъюнктура оказываются основными драйверами динамики. Внутренняя экономическая политика и меры адаптации играют скорее компенсирующую и смягчающую роль, чем определяют долгосрочные тенденции.

Список источников

1. Caldara D., Iacoviello M. Measuring Geopolitical Risk // *American Economic Review*. 2022. Vol. 112. No. 4. P. 1194–1225.
2. Bloom N. The Impact of Uncertainty Shocks // *Econometrica*. 2009. Vol. 77. No. 3. P. 623–685.
3. Glick R., Taylor A. M. Collateral Damage: Trade Disruption and the Economic Impact of War // *Review of Economics and Statistics*. 2010. Vol. 92. No. 1. P. 102–127.
4. Kilian L. Not All Oil Price Shocks Are Alike: Disentangling Demand and Supply Shocks in the Crude Oil Market // *American Economic Review*. 2009. Vol. 99. No. 3. P. 1053–1069.
5. Baumeister C., Hamilton J. D. Structural Interpretation of Vector Autoregressions with Incomplete Identification: Revisiting the Role of Oil Supply and Demand Shocks // *American Economic Review*. 2019. Vol. 109. No. 5. P. 1873–1910.
6. Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth // *European Journal of Political Economy*. 2015. Vol. 40. P. 110–125.
7. Haidar J. I. Sanctions and Export Deflection: Evidence from Iran // *Economic Policy*. 2017. Vol. 32. No. 90. P. 319–355.
8. Felbermayr G., Yalcin Y., et al. The Effectiveness of Sanctions against Russia: New Data and New Evidence // *VoxEU/CEPR Policy Portal*. 2025.
9. OECD. Assessing the Impact of Russia's War against Ukraine on Eastern Partner Countries. Paris: OECD Publishing, 2023.
10. Kolyandr A. Addicted to War: Undermining Russia's Economy. Washington, D.C.: CEPA Report, 2025.
11. Camacho Chavarria M. The Impact of Anti-Russian Sanctions in 2022 on the Russian Economy // *SSRN Working Paper*. 2023.
12. Ruiz I., Vargas-Silva C. The Economics of Forced Migration // *Journal of Development Studies*. 2013. Vol. 49. No. 6. P. 772–784.
13. Del Carpio X. V., Wagner M. The Impact of Syrian Refugees on the Turkish Labor Market. World Bank Policy Research Working Paper. No. 7402. Washington, D.C., 2015.
14. Ceritoglu E., Gurcihan-Yunculer H. B., Torun H., Tumen S. The Impact of Syrian Refugees on Natives' Labor Market Outcomes in Turkey: Evidence from a Quasi-Experimental Design // *IZA Journal of Labor Policy*. 2017. Vol. 6. No. 5.
15. Herrendorf B., Rogerson R., Valentinyi Á. Growth and Structural Transformation // *Handbook of Economic Growth*. Vol. 2. Amsterdam: Elsevier, 2014. P. 855–941.
16. McMillan M. S., Rodrik D. Globalization, Structural Change and Productivity Growth. NBER Working Paper No. 17143. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2011.
17. Jordà Ò. Estimation and Inference of Impulse Responses by Local Projections // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 1. P. 161–182.
18. Plagborg-Møller M., Wolf C. K. Local Projections and VARs Estimate the Same Impulse Responses // *Quarterly Journal of Economics*. 2021. Vol. 136. No. 2. P. 1217–1256.

**Глава 13. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ В 2022-2024 ГГ.
В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹**

Тавадян Аг. А.

канд. экон. наук, доцент,

Российско-Армянский (Славянский) университет

Согласно официальной статистике, в течение 2022-2024 гг. экономика Республики Армения демонстрировала впечатляющий рост. В 2022 году ВВП Армении вырос на 12,6%, в 2023 году – на 8,3%, а в 2024 году ожидается рост около 5,9%. Такие показатели значительно превышают средние темпы роста соседних стран и даже многих развивающихся экономик мира.

Официальная статистика также показывает резкий рост объемов экспорта. По данным Национальной статистической службы, в 2024 году экспорт Армении достиг 13,1 млрд долларов США, что на 51% выше показателя 2023 года. На первый взгляд, эти данные свидетельствуют о мощном экономическом подъеме. Однако, детальный анализ показывает, что под впечатляющими цифрами роста скрывается более сложная и менее оптимистичная реальность.

В данном исследовании мы применяем критический подход к анализу экономического роста Армении в период 2022-2024 гг., рассматривая структурные компоненты ВВП, факторы, повлиявшие на рост экспорта, и долгосрочную устойчивость наблюдаемых экономических тенденций. Наша цель — отделить реальный, устойчивый рост от временных, конъюнктурных явлений, не отражающих фундаментальное укрепление экономики страны.

План статьи включает рассмотрение динамики экономического роста, анализ феномена реэкспорта золота, компонентный анализ структуры ВВП, оценку рисков и перспектив экономического развития Армении. Через эту призму мы стремимся предоставить объективную картину текущего состояния экономики страны и её устойчивости в долгосрочной перспективе.

Вопросы экономического роста, внешнеторговой деятельности и их взаимосвязи в контексте стран с переходной экономикой активно исследуются в научной литературе. В данном разделе мы рассмотрим ключевые работы, относящиеся к экономике Армении и феномену реэкспорта.

Проблематика несоответствий в международной торговой статистике, известная как «зеркальная проблема», когда данные об экспорте и импорте между странами часто не совпадают, подробно исследована в работе Linsi, Burgoon, and Mügge (2023). Это явление имеет прямое отношение к наблюдаемому всплеску экспорта Армении. Методологические аспекты выявления неправильной тарификации в торговле ресурсами изложены в работе Mehrotra and Carbonnier (2021), а Prohorovs (2023) предлагает подходы к оценке экономических эффектов от реэкспорта.

В региональном контексте особый интерес представляют исследования Movsisyan (2024), который выявил, что недавний рост экспорта был в значительной

¹ Исследование было проведено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки Республики Армения в рамках научного проекта: «Исследование экзогенных шоков и механизмы преодоления ограничений экономического роста в Республике Армения». (Программно-целевое финансирование научных и научно-технических государственных проектов – 2025) (N10-GO-2025)

степени обусловлен реэкспортом золота и высокотехнологичной продукции. Dokholyan and Makaryan (2022) подчеркивают значительное влияние экспорта золота на экономические показатели Армении. Sandoyan and Galstyan (2020) отмечают, что некоторые экспортные потоки из Армении фактически являются реэкспортом, что искажает истинную картину эффективности внутреннего производства.

Геополитический контекст, стоящий за всплеском реэкспорта через Армению, хорошо задокументирован в литературе. Ashot Tavadyan and Tavadyan (2025) исследовали, как западные санкции катализировали реструктуризацию схем торговли российской нефтью, с перенаправлением 38,6% нефтяного экспорта через Индию к 2023 году, что методологически схоже с анализом реэкспорта золота через Армению. Kuratadze and Marat (2023) идентифицировали Армению как юрисдикцию обхода санкций, а Galoyan and Matevosyan (2023) проанализировали, как конфликт России и Украины повлиял на торговлю в Армении.

Работы Khachatryan and Grigoryan (2020) и Hayrapetyan and Hayrapetyan (2011), анализирующие исторические торговые закономерности и взаимосвязь между ростом экспорта и обменными курсами, обеспечивают более широкий контекст для понимания текущих тенденций в экономике Армении.

Наше исследование дополняет существующую литературу, количественно оценивая влияние реэкспорта на общие показатели экспорта, отделяя транзитные потоки от реального внутреннего производства и предоставляя прогнозы на основе анализа структуры ВВП и внешнеторговой деятельности.

Наше исследование основано на критическом анализе данных из следующих официальных источников:

- Статистический комитет Республики Армения (armstat.am) – основной источник данных по ВВП, экспорту и импорту;
- Центральный банк Армении (cba.am) – данные по платежному балансу и финансовым потокам;
- Министерство финансов Республики Армения (minfin.am) – данные по исполнению бюджета.

Методологический подход включает в себя следующие компоненты:

1. Анализ динамики ВВП во временном разрезе – для выявления характера экономического роста и вклада различных отраслей в формирование добавленной стоимости.

2. Структурный анализ внешнеторговой деятельности – с фокусом на:

- Географической структуре экспорта (выявление новых торговых потоков);
- Товарной структуре экспорта (выделение ключевых товарных групп, особенно ТН ВЭД 71 – драгоценные металлы и камни);
- «Зеркальной статистике» – сравнении данных торговых партнеров для выявления несоответствий в отчетности.

3. Качественная оценка устойчивости факторов роста – на основе анализа тенденций, геополитического контекста и структурных изменений.

4. Сравнительный анализ фактических и скорректированных показателей – для оценки реального состояния экономики без учета временных и конъюнктурных факторов.

В исследовании используются следующие типы данных: годовые и квартальные показатели ВВП; данные по внешней торговле в разрезе стран и товарных групп; отраслевая статистика производства и услуг; данные о динамике инвестиций и финансовых потоков.

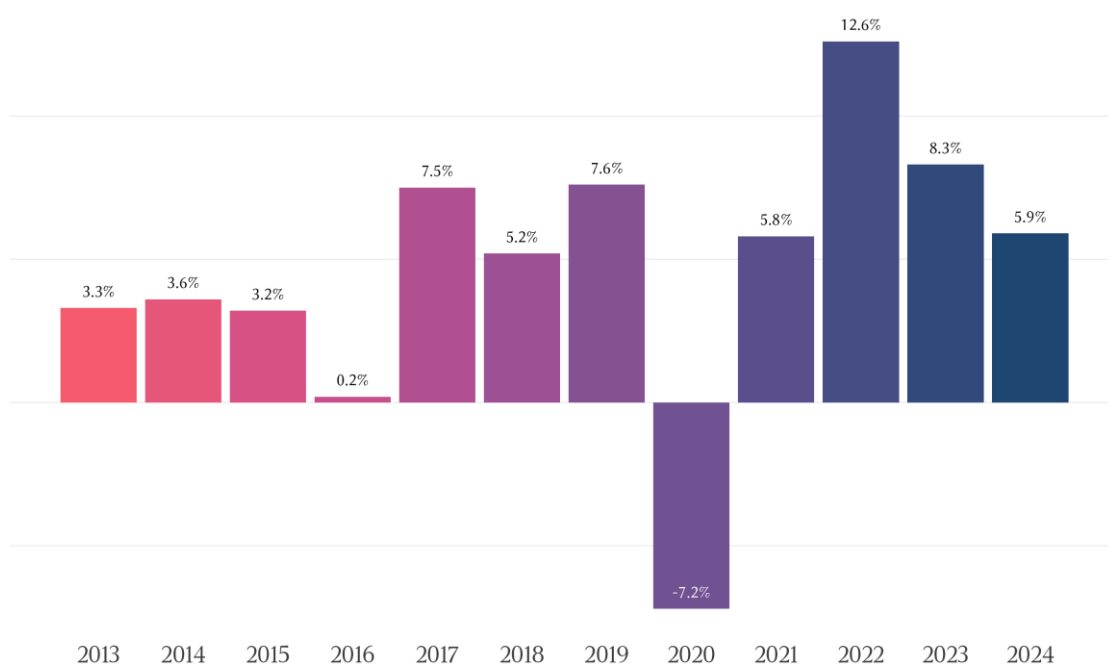
Следует отметить, что наше исследование не применяет сложного эконометрического моделирования для декомпозиции ВВП. Мы фокусируемся на интерпретации существующих данных, выявлении закономерностей и качественной оценке устойчивости наблюдаемых экономических тенденций на основе критического анализа статистической информации и контекстуальных факторов.

Динамика экономического роста Армении в период 2022-2024 гг. демонстрирует несколько особенностей, требующих критического осмысления.

В 2022 году экономика страны выросла на 12,6%, что является наивысшим показателем за последнее десятилетие. В 2023 году темп роста замедлился до 8,3%, а в 2024 году, согласно предварительным данным, составил 5,9%. Несмотря на замедление, эти показатели значительно превышают средний долгосрочный темп роста экономики Армении, который составляет около 4,5% в год.

Динамика роста ВВП Армении

годовой рост, %

Источник: данные Статистического комитета Республики Армения, обработаны автором

Рис. 1. Динамика годового роста ВВП Армении, 2013-2024 гг.

При рассмотрении квартальной динамики ВВП (рис. 2) выявляется четкая тенденция к последовательному снижению темпов роста на протяжении рассматриваемого периода. Это может указывать на постепенное исчерпание факторов, обеспечивших всплеск роста в начале периода. Анализ квартальных данных позволяет более точно отследить эволюцию экономической динамики и выявить точки перегиба тренда.

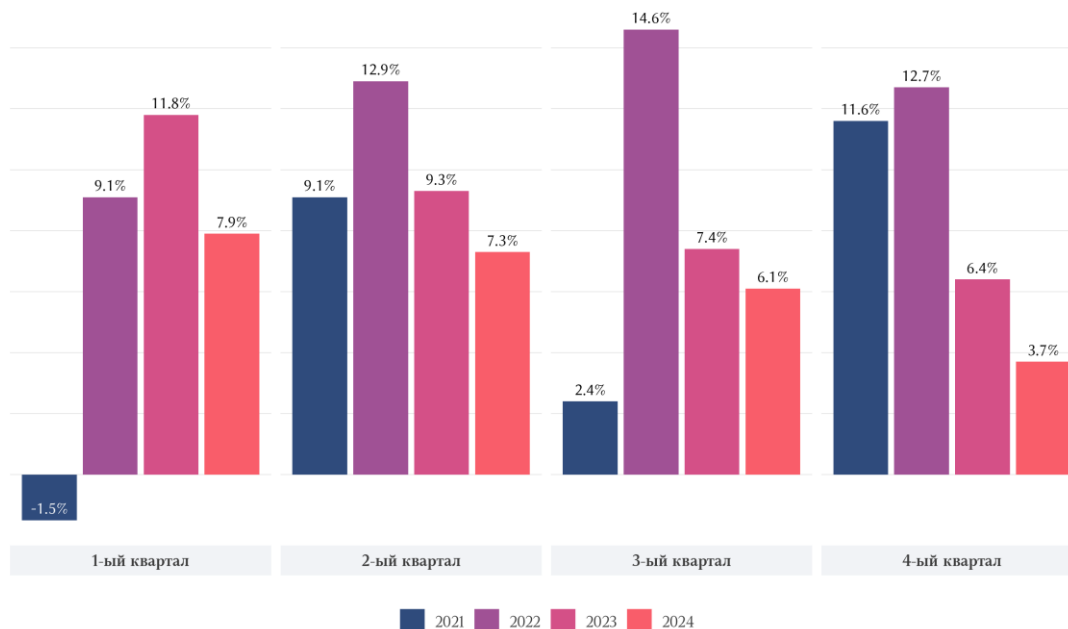
Особенно важно отметить, что к концу 2024 года темп роста ВВП снизился до 3,7% (в четвертом квартале), что значительно ниже предыдущих показателей и приближается к долгосрочному среднему уровню. Эта тенденция к нормализации темпов роста свидетельствует о возвращении экономики к своей долгосрочной траектории после периода экстраординарного роста, вызванного специфическими внешними обстоятельствами.

Последовательное замедление квартального роста ВВП предполагает, что факторы, стимулировавшие экономику в 2022-2023 годах, имели временный

характер и их потенциал стимулирования экономики постепенно исчерпывается. Для более полного понимания природы экономического роста Армении необходим анализ ключевых компонентов ВВП и внешнеторговой деятельности, что будет рассмотрено в последующих разделах.

Рост ВВП по кварталам

по отношению к соответствующему кварталу предыдущего года, %

Источник: данные Статистического комитета Республики Армения, обработаны автором

Рис. 2. Поквартальная динамика роста ВВП Армении, 2021-2024 гг.

Ключевым фактором, искусственно завышающим показатели экономического роста Армении в 2022-2024 гг., является феномен реэкспорта золота и других драгоценных металлов. Этот феномен требует детального рассмотрения для понимания его влияния на общую экономическую статистику страны.

Этот раздел основан на неопубликованной работе автора (Ag.Tavadyan (2025) “Golden Illusion”: Quantitative Assessment of the Impact of Re-export on Armenia’s Economic Indicators Using Time Series Models).

Анализ географической структуры экспорта Армении за 2022-2024 гг. выявляет кардинальные изменения в направлениях внешнеторговых потоков. До 2022 года основными экспортными направлениями традиционно были страны ЕАЭС (прежде всего Россия) и Европейский Союз. Однако, начиная с 2022 года, наблюдается стремительный рост экспорта в страны Ближнего Востока, особенно в ОАЭ, что отражено на рисунке 3.

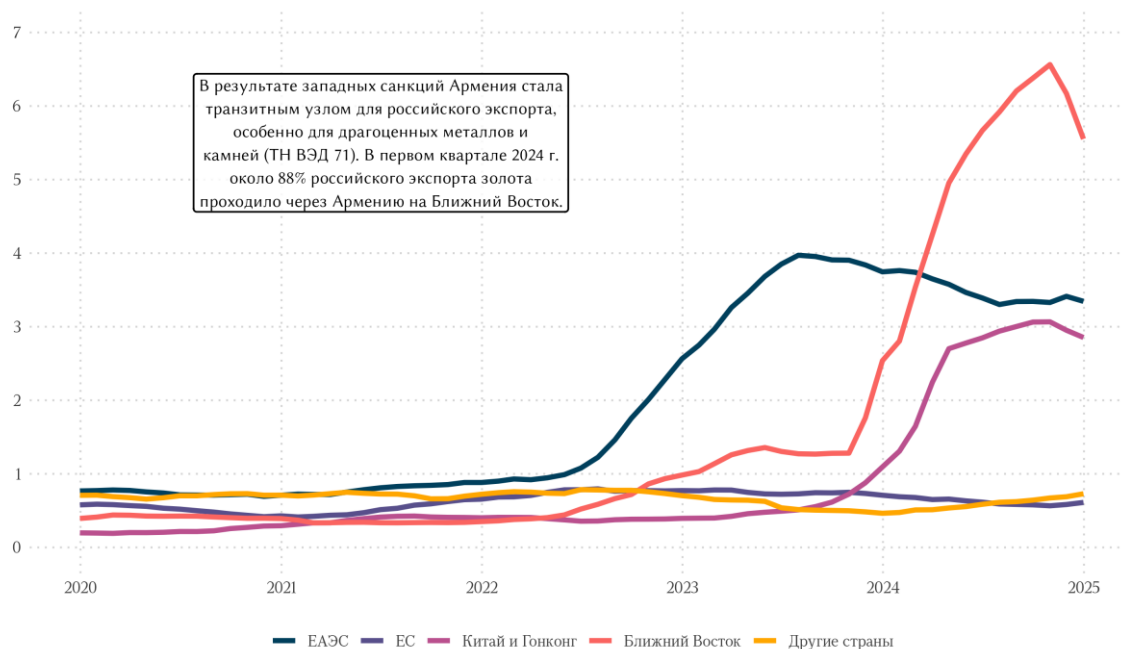
Как наглядно демонстрирует график, в 2024 году объем экспорта в страны Ближнего Востока достиг беспрецедентного уровня в 5,5 млрд долларов США, значительно превысив объемы экспорта в ЕАЭС (2,2 млрд долларов) и ЕС (0,6 млрд долларов). Важно подчеркнуть, что подобное перераспределение экспортных потоков не связано с диверсификацией экспортной базы Армении или повышением конкурентоспособности армянских товаров на ближневосточных рынках, а имеет иную природу, что подтверждается анализом товарной структуры экспорта (Movsisyan 2024).

Детальный анализ товарной структуры экспорта показывает, что рост экспорта в страны Ближнего Востока практически полностью объясняется

реэкспортом драгоценных металлов и камней (товарная группа ТН ВЭД 71, преимущественно золото) (Dokholyan and Makaryan 2022). Это подтверждается статистическими данными о структуре экспорта.

Экспорт Армении на Ближний Восток превысил объемы экспорта в ЕАЭС

Экспорт РА по регионам
млрд долларов США, в годовом исчислении

Источник: данные Статистического комитета Республики Армения, обработаны автором

Рис. 3. Изменение географической структуры экспорта Армении, 2019-2024 гг.

В 2024 году на долю драгоценных металлов и камней приходилось 61,4% всего экспорта Армении (8,0 млрд долларов из 13,1 млрд долларов общего экспорта). Для сравнения, в 2021 году доля этой товарной группы составляла лишь 10,8% (326 млн долларов из 3,0 млрд долларов). Такое радикальное изменение товарной структуры экспорта не может быть объяснено органическим ростом производства данной категории товаров в Армении. Такая синхронность и минимальная временная задержка между импортом и экспортом типичны для реэкспортных операций, когда товар импортируется с целью последующего вывоза в третьи страны с минимальной переработкой или без нее (Aghasi Tavadyan 2024).

Основной причиной возникновения данного феномена стали западные санкции против России, введенные после начала конфликта в Украине в 2022 году (Kupatadze and Marat 2023). Эти санкции существенно ограничили возможности прямого экспорта золота из РФ на международные рынки. В результате сформировался следующий механизм (Galoyan and Matevosyan 2023):

1. Золото импортируется из России в Армению (страна ЕАЭС, не присоединившаяся к санкциям)
2. Проходит минимальную обработку, переплавку или просто перерегистрацию
3. Экспортируется из Армении в ОАЭ и другие страны Ближнего Востока с новым «происхождением».

По нашим оценкам, основанным на сравнительном анализе торговой статистики России и Армении, в первом квартале 2024 года около 88% российского экспорта золота проходило через Армению, делая страну фактическим хабом для

перенаправления потоков драгоценных металлов из России на мировые рынки. Этот феномен имеет прямые параллели с перенаправлением потоков российской нефти через третьи страны, описанным в исследовании Ashot Tavadyan and Tavadyan (2025).

Феномен реэкспорта золота оказывает существенное влияние на показатели внешней торговли и, как следствие, на оценку экономического роста Армении. Если исключить операции по реэкспорту драгоценных металлов и некоторых других товаров (преимущественно электроника, машиностроительная продукция), реальный экспорт Армении в 2024 году составил бы около 3,7 млрд долларов, что лишь на 23% выше уровня 2021 года (3,0 млрд долларов). Это существенно отличается от официальных данных, показывающих рост экспорта на 51%.

С точки зрения влияния на ВВП, реэкспортные операции вносят вклад через несколько каналов: 1. Торговая наценка – как показано в разделе 6.1, сектор торговли внес наибольший вклад в рост ВВП (2,1 процентных пункта), что напрямую связано с операциями по реэкспорту драгоценных металлов; 2. Сопутствующие услуги – транспорт, логистика, складское хозяйство; 3. Финансовый сектор – обслуживание внешнеторговых операций, конвертация валюты, международные переводы.

Хотя добавленная стоимость от реэкспортных операций значительно ниже, чем от производства товаров внутри страны, общий объем этих операций настолько велик, что они существенно влияют на совокупный ВВП. По нашим оценкам, около 40% роста в секторе торговли и 25% роста в финансовом секторе в 2024 году можно отнести к деятельности, связанной с реэкспортом.

Особенно тревожным фактом является то, что на фоне бурного роста общих показателей экспорта, экспорт Армении в традиционные рынки (ЕС и ЕАЭС) в 2024 году фактически сократился: на 13,8% в ЕС и на 11% в ЕАЭС. Это может свидетельствовать о снижении конкурентоспособности традиционных армянских товаров на этих рынках и негативном влиянии укрепления драма на экспортоориентированные производства.

Анализ компонентов ВВП Армении в 2022-2024 гг. позволяет выявить ключевые движущие силы экономического роста, оценить их устойчивость и определить влияние описанного выше феномена реэкспорта на структуру экономики.

Детальный анализ вклада различных отраслей в рост ВВП в 2024 году выявляет несбалансированную структуру экономического роста, показанную на рисунке 4.

Как видно из графика, основной вклад в рост ВВП на уровне 5,9% в 2024 году внесли:

1. Торговля (G) – 2,1 процентных пункта. Этот существенный вклад торгового сектора непосредственно связан с феноменом реэкспорта, описанным в разделе 5. Торговые операции, связанные с импортом и последующим экспортом драгоценных металлов и других товаров, генерируют значительную торговую наценку, которая учитывается в ВВП как добавленная стоимость сектора торговли (Sandoyan and Galstyan 2020). По нашим оценкам, около 40% роста в секторе торговли можно отнести к деятельности, связанной с реэкспортом, что эквивалентно примерно 0,8-0,9 процентным пунктам общего роста ВВП.

2. Операции с недвижимостью (L) – 1,6 процентных пункта. Рост в этом секторе непосредственно связан с притоком капитала и релокацией бизнеса и специалистов из России после начала конфликта в Украине, что привело к значительному росту спроса на жилую и коммерческую недвижимость.

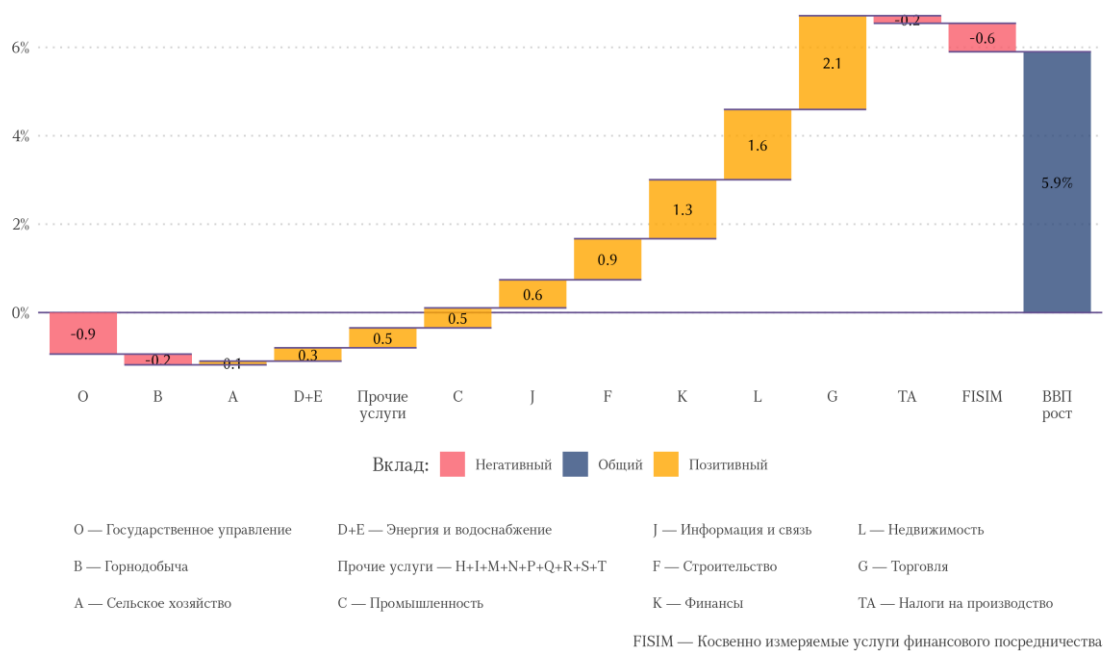
3. Финансовая деятельность (К) – 1,3 процентных пункта. Расширение финансового сектора коррелирует с увеличением объемов транзакций по внешнеторговым операциям, включая обслуживание реэкспортных потоков, и притоком капитала.

4. Строительство (F) – 0,9 процентных пункта. Этот сектор показывает стабильный рост, что может быть связано с увеличением внутреннего спроса и инвестиционной активности.

5. Информация и связь (J) – 0,6 процентных пункта. Данный сектор, включающий ИТ-индустрию, продолжает вносить положительный вклад в рост ВВП, хотя его темпы роста существенно замедлились по сравнению с 2023 годом.

Факторы, способствующие росту ВВП в 2024 г.

Процентные пункты

Источник: данные Статистического комитета Республики Армения, обработаны автором

Рис. 4. Вклад отраслей в рост ВВП Армении в 2024 году (процентные пункты)

В то же время, некоторые отрасли показали отрицательный вклад в рост ВВП:

1. Государственное управление (О) (-0,9) процентных пункта.
2. Горнодобывающая промышленность (В) – (-0,2) процентных пункта.
3. Услуги финансового посредничества (FISIM) – (-0,6) процентных пункта.

Особого внимания заслуживает тот факт, что основной вклад в рост внес сектор услуг (торговля, финансы, операции с недвижимостью), в значительной степени связанный с временными внешними факторами, в то время как производственные отрасли (сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность) либо внесли минимальный вклад, либо продемонстрировали отрицательную динамику. Такая структура роста вызывает серьезные вопросы относительно долгосрочной устойчивости экономического развития.

Сравнение темпов роста по отраслям в 2023 и 2024 годах позволяет оценить эволюцию структуры экономического роста и выявить тенденции к исчерпанию временных факторов роста.

Различия в росте ВВП

Сравнение роста по отраслям экономики

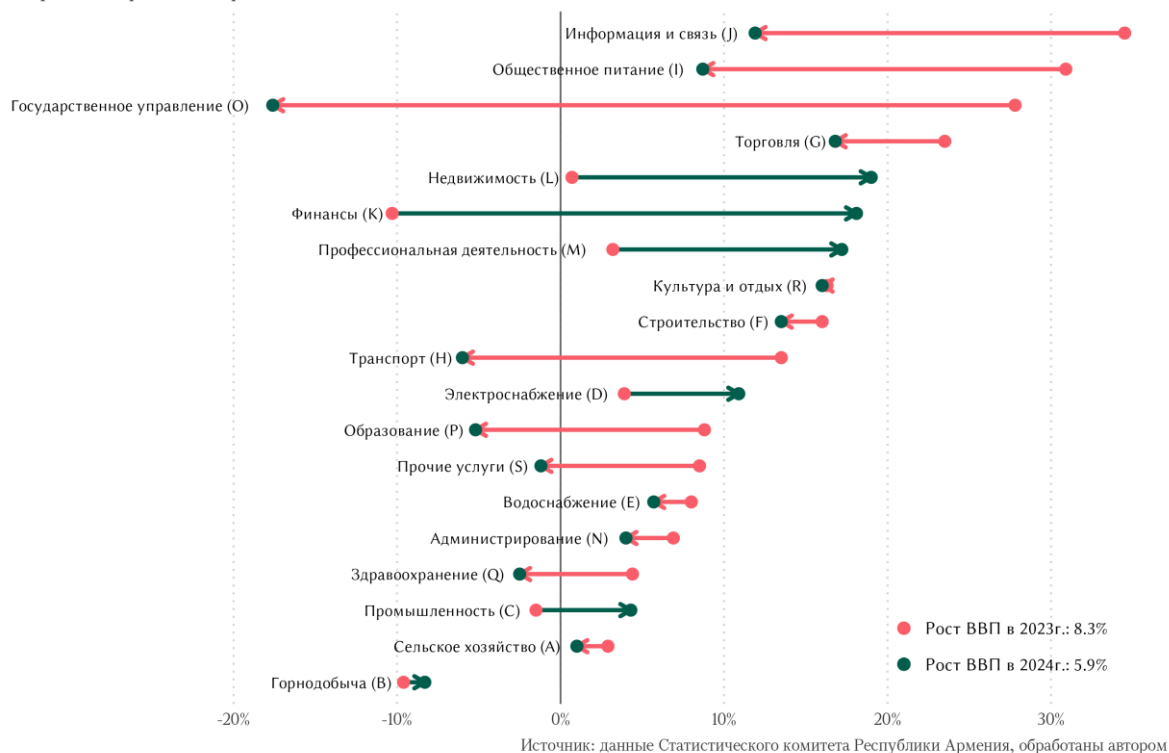

Рис. 5. Сравнение темпов роста по отраслям экономики Армении в 2023 и 2024 годах

Представленный на Рис. 6 график демонстрирует значительное снижение темпов роста в ключевых секторах экономики при сравнении показателей 2023 и 2024 годов:

1. Информация и связь (J) – снижение с 34,5% в 2023 году до 11,9% в 2024 году. Это особенно важный индикатор, поскольку ИТ-сектор считался одним из ключевых драйверов роста экономики Армении в последние годы. Такое резкое замедление может указывать на исчерпание эффекта от притока ИТ-специалистов и бизнеса из России, наблюдавшегося в 2022-2023 годах.

2. Торговля (G) – снижение с 23,5% в 2023 году до 16,8% в 2024 году. Несмотря на замедление, сектор торговли продолжает показывать высокие темпы роста, что связано с продолжающимися операциями по реэкспорту. Однако тенденция к замедлению может указывать на начало стабилизации этих потоков.

3. Операции с недвижимостью (L) и Финансовый сектор (K) сохраняют высокие темпы роста, что может быть связано с продолжающимся притоком капитала и активизацией операций на рынке недвижимости.

Важно отметить, что практически по всем секторам наблюдается снижение темпов роста в 2024 году по сравнению с 2023 годом, что соответствует общей тенденции к замедлению экономического роста, описанной в разделе 3.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы об устойчивости факторов роста экономики Армении в 2022-2024 гг. Можно выделить несколько периодов с различными характеристиками роста:

Период 2022 года (рост 12,6%) был обусловлен следующими факторами:

1. Приток ИТ-специалистов и бизнеса из России после начала СВО (Galoyan and Matevosyan 2023), что непосредственно способствовало росту сектора ИТ на 27,2% и обеспечило вклад в рост ВВП на уровне 1,9 процентных пункта
2. Резкое

увеличение финансовых потоков через банковскую систему Армении, что привело к росту добавленной стоимости в финансовом секторе на 18,6% с вкладом в рост ВВП 1,4 процентных пункта 3. Начало формирования схем реэкспорта различных товаров, включая золото (Movsisyan 2024), что способствовало росту сектора торговли на 16,4% с вкладом в ВВП 1,7 процентных пункта

Период 2023 года (рост 8,3%) характеризовался развитием этих тенденций: 1. Дальнейший рост ИТ-сектора (на 34,5%), с увеличением вклада в ВВП до 2,1 процентных пункта 2. Резкое увеличение объемов реэкспорта золота и других драгоценных металлов (Aghasi Tavadyan 2024), что способствовало росту сектора торговли на 23,5% с вкладом в ВВП 2,8 процентных пункта 3. Расширение финансового сектора (рост на 20,1%) с вкладом в ВВП 1,6 процентных пункта

К 2024 году (рост 5,9%) наблюдается постепенное исчерпание данных факторов: 1. Замедление роста в ИТ-секторе (с 34,5% до 11,9%), со снижением вклада в ВВП до 0,6 процентных пункта 2. Сокращение притока капитала через банковскую систему, хотя финансовый сектор продолжает показывать значительный рост (15,7%) 3. Признаки стабилизации объемов реэкспорта золота к концу года, хотя вклад сектора торговли в рост ВВП остается существенным (2,1 процентных пункта).

Анализ квартальной динамики роста ВВП (Рис. 2) подтверждает тенденцию замедления экономического роста – от 13,2% в первом квартале 2022 года до 3,7% в четвертом квартале 2024 года. Это свидетельствует о переходе от высоких темпов роста, обусловленных временными внешними факторами, к более умеренным темпам, соответствующим долгосрочным трендам экономики Армении.

Ключевые риски сосредоточены вокруг временного характера факторов роста и структурных дисбалансов экономики:

Зависимость от реэкспорта золота и драгоценных металлов представляет наиболее очевидный риск (Ashot Tavadyan and Tavadyan 2023). Этот временный фактор, связанный с геополитическими обстоятельствами, может существенно сократиться в 2025 году, что приведет к снижению экспортных показателей с 13,1 до примерно 8-9 млрд долларов, как показывают предварительные данные первого квартала 2025 года.

Одновременно наблюдается снижение конкурентоспособности традиционного экспорта – в 2024 году объемы экспорта в ЕС и ЕАЭС сократились на 13,8% и 11% соответственно (Khachatryan and Grigoryan 2020). Причины включают укрепление драма, переток ресурсов в секторы реэкспорта и рост внутренних издержек.

Замедление роста в ИТ-секторе (с 34,5% до 11,9%) и доминирование торгового и финансового секторов при слабой динамике производственных отраслей также создают риски для устойчивого долгосрочного развития.

Несмотря на выявленные риски, можно выделить ряд позитивных перспектив:

Стабилизация темпов роста до уровня 3-4% в 2025 году, соответствующая долгосрочному тренду, может способствовать более сбалансированному развитию экономики.

Строительный сектор демонстрирует стабильный рост (вклад 0,9 п.п. в 2024 году) и может оказать мультипликативный эффект на смежные отрасли.

Сокращение реэкспорта создает стимулы для диверсификации экспорта и развития отраслей с высокой добавленной стоимостью (Nauapetyan and Nauapetyan

2011). Перспективными направлениями являются пищевая и текстильная промышленность, фармацевтика, ИТ-услуги и туризм.

Анализ позволяет поставить вопрос о качестве экономического роста Армении. Рост, движимый реэкспортными операциями и притоком капитала, имеет ограниченный эффект на широкие слои населения и не способствует инклюзивному экономическому развитию. Он не сопровождается созданием рабочих мест в устойчивых производственных секторах и не формирует долгосрочных конкурентных преимуществ.

Структурные уязвимости экономики Армении включают: высокую зависимость от внешних факторов, несбалансированную структуру с доминированием сектора услуг, узкую экспортную базу и зависимость от денежных переводов. Эти уязвимости требуют системного подхода к экономической политике.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов:

1. Опираемость на официальную статистику – исследование основано на данных официальной статистики, которые могут не полностью отражать реальные экономические процессы, особенно в условиях значительных объемов транзитных и реэкспортных операций.

2. Преимущественно описательный характер анализа – исследование фокусируется на качественной оценке устойчивости факторов роста, не используя сложных эконометрических моделей для декомпозиции компонентов ВВП.

3. Сложность точной количественной оценки влияния временных факторов – ввиду комплексного характера экономических взаимосвязей и агрегированного характера статистических данных, точная оценка влияния реэкспорта и других временных факторов на все компоненты ВВП представляет методологическую сложность. Анализ опирается на агрегированные секторальные данные, которые могут маскировать внутрисекторальные вариации или точные механизмы влияния временных факторов на добавленную стоимость.

4. Ограниченный временной горизонт – исследование фокусируется на периоде 2022-2024 гг., что ограничивает возможности для анализа долгосрочных трендов и циклических факторов.

Эти ограничения открывают перспективы для дальнейших исследований, включая применение более сложных эконометрических моделей, анализ микроданных на уровне предприятий и секторов, а также долгосрочные исследования структурных изменений в экономике Армении.

Анализ факторов экономического роста Республики Армения в 2022-2024 гг. показывает, что впечатляющие показатели роста в данный период (12,6% в 2022 году, 8,3% в 2023 году и 5,9% в 2024 году) были в значительной степени обусловлены временными и внешними факторами, а не фундаментальным укреплением экономики страны.

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Временный характер факторов роста. Экономический рост Армении в 2022-2024 гг. был в значительной степени обусловлен реэкспортом золота из России, притоком капитала и релокацией бизнеса, связанными с геополитическими событиями. Эти факторы имеют временный характер и постепенно исчерпываются, что подтверждается замедлением темпов роста с 12,6% в 2022 году до 3,7% в четвертом квартале 2024 года.

2. Искажение внешнеторговой статистики. Официальные данные показывают рост экспорта на 51% в 2024 году, однако более 61% экспорта составляет реэкспорт драгоценных металлов и камней (преимущественно золота) из России. Если исключить этот фактор, реальный экспорт Армении в 2024 году составил бы около 3,7 млрд долларов, что лишь на 23% выше уровня 2021 года (3,0 млрд долларов). При этом экспорт в традиционные рынки (ЕС и ЕАЭС) сократился.

3. Несбалансированная структура роста ВВП. Основной вклад в экономический рост вносят сектора услуг (торговля, финансы, операции с недвижимостью), в то время как производственные отрасли демонстрируют слабый рост или даже отрицательную динамику. Такая структура роста не обеспечивает устойчивого развития экономики в долгосрочной перспективе.

4. Снижение динамики в ИТ-секторе. Сектор информации и связи, ранее являвшийся ключевым драйвером роста, демонстрирует значительное замедление (с 34,5% в 2023 году до 11,9% в 2024 году). Это может негативно сказаться на перспективах развития высокотехнологичных отраслей экономики Армении.

5. Риски для будущего развития. Зависимость от реэкспорта золота, снижение конкурентоспособности традиционного экспорта, чрезмерная роль торговли и финансового сектора создают риски для устойчивого экономического развития в среднесрочной перспективе.

Таким образом, за впечатляющими показателями экономического роста Армении в 2022-2024 гг. скрывается более сложная и менее оптимистичная реальность. Положительная макроэкономическая динамика в значительной степени обусловлена временными и внешними факторами, связанными с геополитической ситуацией и перенаправлением финансовых и товарных потоков через Армению.

Для обеспечения устойчивого долгосрочного роста экономики Армении необходима структурная трансформация, направленная на развитие производственных отраслей с высокой добавленной стоимостью, диверсификацию экспорта и снижение зависимости от временных факторов роста. В противном случае, по мере исчерпания этих факторов, экономика Армении может столкнуться с периодом значительного замедления или даже стагнации.

Результаты данного исследования имеют важные импликации для формирования экономической политики, направленной на обеспечение устойчивого и инклюзивного роста в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Dokholyan, Vladimir, and Anna Makaryan. 2022. "The Role of Exports of Semi-Manufactured Gold, Metallic Ores and Concentrates in Ensuring Economic Growth in Armenia in the Short Run." In *The Contemporary Issues of Socioeconomic Development in the Republic of Armenia*, 1:64–78. <https://arar.sci.am/dlibra/publication/360760/edition/332037/content>.
2. Galoyan, Diana, and Diana Matevosyan. 2023. "The Impact of the Russian-Ukrainian Conflict on Armenia's Foreign Trade: A Quantitative Analysis." *Journal of Liberty and International Affairs* 9 (2): 89–103.
3. Hayrapetyan, Grigor, and Viktorya Hayrapetyan. 2011. "Regional and International Trade of Armenia: Perspectives and Potentials." *Economic Education and Research Consortium*.
4. Khachatryan, Gagik A., and Aleksandr Grigoryan. 2020. "Export Growth Dynamics and Real Exchange Rate: Evidence from Armenia." *International Economic Journal* 34 (3): 493–509. <https://doi.org/10.1080/10168737.2020.1750045>.

5. Kupatadze, Alexander, and Erica Marat. 2023. "Under the Radar: How Russia Outmanoeuvres Western Sanctions with Help from Its Neighbours." *Serious Organized Crime & Anti-Corruption Evidence*. University of Birmingham.
6. Linsi, L., B. Burgoon, and D. K. Mügge. 2023. "The Problem with Trade Measurement in International Relations." *International Studies Quarterly* 67 (2).
7. Mehrotra, R., and G. Carbonnier. 2021. "Abnormal Pricing in International Commodity Trade: Empirical Evidence from Switzerland." *Resources Policy* 74: 102352.
8. Movsisyan, Shushan. 2024. "How Geopolitical Events Reshape Armenia's Export Competitiveness." *Amberd*, no. 6 (31): 55–60.
9. Prohorovs, Anatolijs. 2023. "Re-Export: Assessing the Impact of Re-Export Companies on Sectors and the Economy." *Journal of Risk and Financial Management* 16 (2): 77. <https://doi.org/10.3390/jrfm16020088>.
10. Sandoyan, Eduard M., and Ani G. Galstyan. 2020. "The Impact of Currency Regulation Policy on the Country's Export Potential: The Case of Armenia." *Finance: Theory and Practice* 24 (2): 92–103. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-92-103>.
11. Tavadyan, Aghasi. 2024. "Under the Loan: An Analysis of Armenian Banking Sector and Credit Trends." *Economics, Finance and Accounting* 2 (14): 5–5.
12. Tavadyan, Ashot, and Aghasi Tavadyan. 2023. "Navigating Uncertainty: An Interval Method to Uncover Export Dynamics—Insights from the Republic of Armenia." *International Journal of Professional Business Review* 8 (20): 27.
13. Tavadyan, Ashot, and Aghasi Tavadyan. 2025. "Redirection of Russian Oil Exports: Analyzing the Impact of Western Sanctions." In *Digital Systems and Information Technologies in the Energy Sector*, 31–46. Springer.

Глава 14. РОЛЬ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

Маргарян А.А.

Российско-Армянский (Славянский) университет

Обеспечение устойчивого экономического развития в рамках содействия экономическому росту, социальной интеграции и совместного решения экологических проблем стало основной формулой повестки дня развития последних десятилетий. Правительства стран стремятся найти комплексные решения этой проблемы. По большому счету, проблема устойчивого экономического роста и доступности его результатов для всех слоев общества так или иначе заложена в обеспечении принципа инклюзивности. С этой точки зрения любое правительство стремится дополнить инструментарий проводимой экономической политики рычагами, использование которых гарантирует реализацию целей устойчивого развития. Основной инструментарий экономической политики правительства в этом смысле сводится к реализации фискальной политики, направленной на обеспечение инклюзивного экономического роста.

Целью данного исследования является разработка подходов фискальной политики, применение которых позволит, с одной стороны, обеспечить инклюзивность экономического роста, а с другой стороны, обеспечить реализацию целей устойчивого развития.

Анализ и оценка обеспечения устойчивого экономического роста с помощью инструментов экономической политики, в частности, рычагов фискальной политики, стали одной из важнейших тем академических дискуссий в экономической литературе последних десятилетий.

Среди исследователей можно встретить многочисленные утверждения о том, что налоги, являясь источником первичного дохода, в целом оказывают отрицательное влияние на экономический рост [1]. Однако некоторые теоретики (Заглер, Гурнекер) придерживаются мнения, что именно экологические налоги, направленные на нейтрализацию негативных внешних эффектов, оказывают положительное влияние на развитие общества [2].

Рассматривая влияние отдельных видов налогов на экономический рост, многие исследователи отмечают, что негативное влияние на экономический рост оказывают именно прямые налоги, в частности, налог на прибыль. Однако в этом контексте некоторые авторы придерживаются мнения, что налог на прибыль организаций является стимулом для продвижения качественных и перспективных инвестиций, создания рабочих мест и, как следствие, увеличения доходов [3]. В этом контексте некоторые авторы отмечают, что прогрессивные системы налогообложения, в частности, прогрессивный подоходный налог, негативно влияют на качество инвестиций и, следовательно, на экономический рост, поскольку они снижают доходы богатых домохозяйств и, следовательно, их склонность к инвестированию [4].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета высшего образования и науки РА в рамках научного проекта: «Необходимость пересмотра подходов макроэкономической политики РА в условиях изменившегося экономического потенциала и новых геополитических реалий» (25YR-5B032).

Напротив, Джозеф Стиглиц придерживается мнения, что прогрессивная система налогообложения способствует сокращению неравенства в обществе [5], что, по мнению некоторых других теоретиков [6, 7], в свою очередь, способствует долгосрочному и устойчивому экономическому росту.

С точки зрения инклюзивности экономического роста исследователи также критикуют систему пропорционального налога на добавленную стоимость. В частности, У. Гейл развивает точку зрения, что налог на добавленную стоимость, являясь налогом на потребление, больше вредит бедным слоям населения, поэтому он предлагает перейти к дифференцированной, прогрессивной системе этого вида налога [8].

В контексте изучения связей между обеспечением устойчивого экономического развития и фискальной политикой важно учитывать, в какой степени вышеизложенное вытекает из существующих социальных, институциональных и макроэкономических фундаментальных изменений в экономике. Соответственно, одним из ключевых положений данного анализа является то, что налоговое бремя как категория должна выстраиваться на двух основных столпах: первый – это макрофундаментальные факторы, которые часто рассматривают фискальную политику исключительно с точки зрения удовлетворения потребностей государства в расходах и адекватного реагирования на экономические циклы, а второй – это набор показателей, связанных с социальными и институциональными процессами, характеризующими устойчивое развитие экономики.

Для того чтобы вывести указанную выше проблему в плоскость измерения и провести количественные оценки, в рамках данного исследования была рассчитана панельная регрессионная модель для 193 стран с низким, средним и высоким уровнем дохода с временной выборкой 2002-2022 гг. Это позволило связать налоговую нагрузку, показатель «налоги/ВВП», с макроэкономическими основами экономики, а также с рядом показателей, характеризующих устойчивое развитие. Оценка проводилась на основе статистической информации, содержащейся в базах данных Международного валютного фонда и Всемирного банка.

В частности, в модели для характеристики устойчивого развития рассматривались следующие показатели:

- разрыв бедности (глубина),
- недоедающая часть населения,
- коэффициент Джини по потреблению,
- выбросы CO₂,
- потребление возобновляемой электроэнергии,
- охват программы социальной помощи,
- индекс прав на голос и подотчетности,
- борьба с коррупцией,
- охват интернетом,
- ненадежная занятость,
- индекс посещаемости школ.

В качестве макрофундаментальных факторов в модели рассмотрены следующие показатели:

- инвестиции по отношению к ВВП,
- конечное потребление по отношению к ВВП,

- рост импорта,
- сбережения по отношению к ВВП,
- выпуск сельского хозяйства по отношению к ВВП,
- темп инфляции,
- чистый долг по отношению к ВВП.

Регрессионная модель оценивалась со следующей спецификацией, типичной для панельных моделей:

$$T/GDP_{c,t} = \varphi_0 + \sum_{n=1}^j \varphi_n Dep_{c,n,t} + \vartheta_1 * dum_{country-low-inc} + \vartheta_2 * dum_{country-emergeing} + \vartheta_3 * dum_{country-fuel-ex} + \varepsilon_{c,t},$$

где:

$T/GDP_{c,t}$ – величина налогового бремени в момент времени t в случае c -й страны,

φ_0 – константа модели,

$\sum_{n=1}^j \varphi_n$ – эластичность n -й переменной,

$Dep_{c,n,t}$ – ключевые макроэкономические показатели страны, а также набор зависимых переменных, характеризующих устойчивое развитие (разрыв бедности (глубина), недоедающая часть населения, коэффициент Джини по потреблению, инвестиции по отношению к ВВП, конечное потребление по отношению к ВВП и т. д.):

$\vartheta_1 * dum_{country-low-inc}, \vartheta_2 * dum_{country-emergeing}, \vartheta_3 * dum_{country-fuel-ex}$ –

фиктивные переменные, которые принимают значение 1, когда страна относится к странам с низким или средним уровнем дохода (развивающимся) в соответствии с классификацией Международного валютного, а также принимают значение 1, когда страна является экспортером энергоносителей.

$\varepsilon_{c,t}$ – остаток модели.

Оценка вышеприведенной модели панельной регрессии позволила получить оптимальный уровень налоговой нагрузки (*Fitted values*), вытекающий из целей устойчивого развития, характерных для стран мира, в том числе, и для Республики Армения. Результаты оценки модели представлены в ниже приведенной таблице (таблица).

Таблица

Результаты панельного регрессионного анализа для оценки оптимальной налоговой нагрузки, соответствующей целям устойчивого развития

	Переменная	Единица измерения	Эластичность	Источник
	Налоги/ВВП	% от ВВП	-	МВФ
Базовые макроэконом. показатели	Конечное потребление	% от ВВП	0.02***	ВБ
	Инвестиции	% от ВВП	0.01**	МВФ
	Импорт	%, темп роста	0.010***	ВБ
	Сбережения	% от ВВП	-0.02***	ВБ
	Сельское хозяйство	% от ВВП	-0.11***	ВБ
	Инфляция	%	-0.003***	МВФ
	Чистый долг	% от ВВП	0.02***	МВФ
Социальные и институциональные показатели	Разрыв бедности (глубина)	3,65 долл. США в день (ППС 2017 г.) (%)	-0.04***	ВБ
	Недоедающая часть населения	% от общей численности населения	-0.07***	ВБ
	Коэффициент Джини по потреблению	индекс, процентный пункт	0.03***	ВБ
	Выбросы CO ₂	Мегатонна	0.001***	ВБ

Переменная	Единица измерения	Эластичность	Источник
Налоги/ВВП	% от ВВП	-	МВФ
Потребление возобновляемой электроэнергии	% от общего потребления энергии	0.016***	ВБ
Охват программами социальной помощи	% от общей численности населения	0.087***	ВБ
Индекс голоса и подотчетности	Индекс, процентиль	0.08***	ВБ
Борьба с коррупцией	Индекс, процентиль	0.02***	ВБ
Охват Интернетом	Индекс, процентиль	0.02***	ВБ
Ненадежная занятость	% от общей занятости	-0.05***	ВБ
Индекс посещаемости школ	% детей школьного возраста	0.02***	ВБ
Фиктивная переменная, характеризующая налоговое бремя стран с низким уровнем дохода	Принимает значение 1, если страна является членом данной группы, и 0 в противном случае.	-8.4***	
Фиктивная переменная, характеризующая налоговое бремя развивающихся стран со средним уровнем дохода		-7.1***	
Фиктивная переменная, характеризующая страну-экспортера нефти		-4.9***	
Константа (развитые страны)		20.2***	
R ²	0.908		
R ² adj.	0.907		
* p<0.1, ** p<0.05, *** p<0.01			

Из результатов модели видно, что как фактический, так и оптимальный уровень налоговой нагрузки, прямо пропорционален уровню развития страны, а именно, уровню доходов, а расчетный уровень оптимальной налоговой нагрузки, соответствующий целям устойчивого развития, составляет в среднем 13% для стран с низким уровнем дохода, 19% – для развивающихся стран и стран со средним уровнем дохода и 33% – для развитых стран. Что касается разницы между оптимальной и фактической налоговой нагрузкой в динамике, то, изучая результаты графика, можно констатировать, что в странах с низким уровнем доходов оптимальный уровень постоянно ниже фактического в течение наблюдаемого периода, что, скорее всего, связано с преобладанием в этих странах расходных потребностей, что в конечном итоге оказывает сдерживающее воздействие с точки зрения экономических процессов.

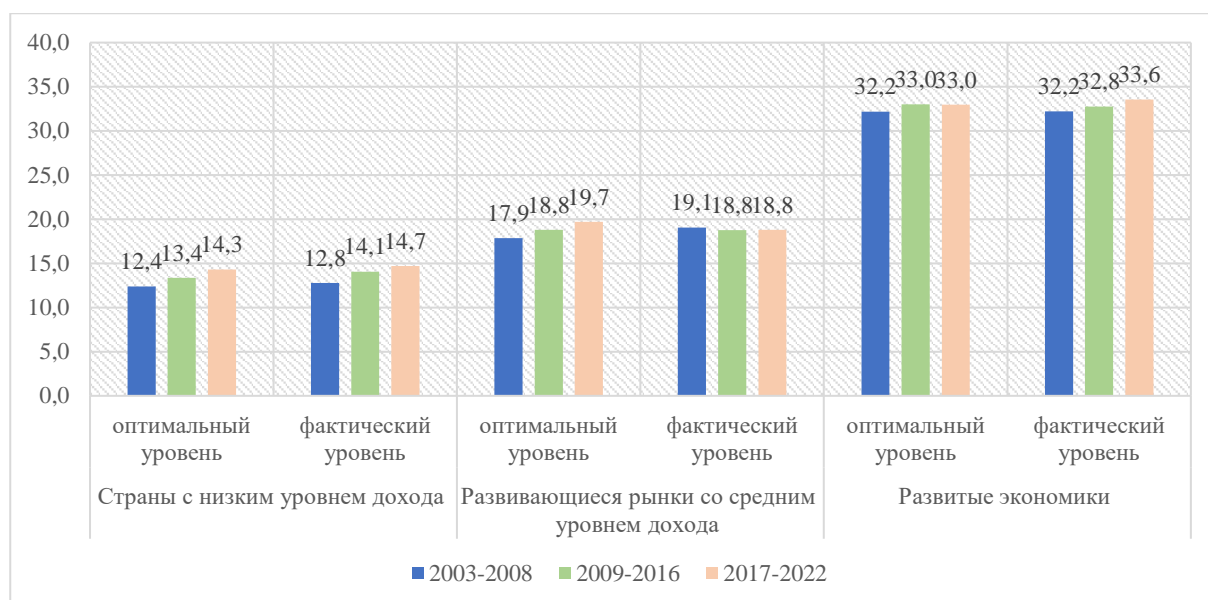

Рис. 1. Результаты панельной регрессионной оценки оптимальной налоговой нагрузки, соответствующей целям устойчивого развития, по группам доходов стран (% , усредненное значение)

В случае стран со средним уровнем дохода можно отметить, что в докризисный (2003-2008 гг.) период фактический уровень налоговой нагрузки превышал оптимальный, в посткризисный (2009-2016 гг.) период эти показатели практически сравнялись, а в последующий период (2017-2022 гг.) оптимальный уровень, в соответствии с развитием экономики, также увеличился, несмотря на фактический уровень, который остался на прежнем уровне – 18,8%. Это явление может служить сигналом для политиков в странах данной группы доходов, поскольку процессы экономического развития также подразумевают последовательный рост налоговых поступлений, а отсутствие сопоставимого роста может указывать на уклонение от уплаты налогов в экономике, увеличение налоговых льгот или преимущественный рост структурно необлагаемых налогами секторов.

Что касается развитых стран, то в данном случае можно отметить, что феномен формирования общего экономического равновесия параллельно экономическому развитию, когда экономические основы стабилизируются вокруг долгосрочного устойчивого состояния, характерен и для фискального сектора экономики и, по сравнению с предыдущими двумя доходными группами, уровень оптимальной налоговой нагрузки в развитых странах отличается относительной стабильностью в течение наблюдаемого периода, тогда как фактическая налоговая нагрузка стабилизировалась вокруг оптимального уровня 33%.

Можно отметить, что в случае Армении показатель фактической налоговой нагрузки постоянно превышал расчетный оптимальный уровень, тогда как оценка оптимального уровня в последние годы колебалась вокруг значения 20-21% (рис. 2). Данное явление является сигналом о необходимости включения в бюджетное планирование вопросов устойчивого развития, в частности, налогового вмешательства в экономику и налоговой нагрузки при ее определении, а также макроэкономических основ экономики, поскольку приведенные выше оценки показывают, что дальнейшие возможности расширения налоговой нагрузки уже весьма ограничены и не вытекают из целей устойчивого развития.

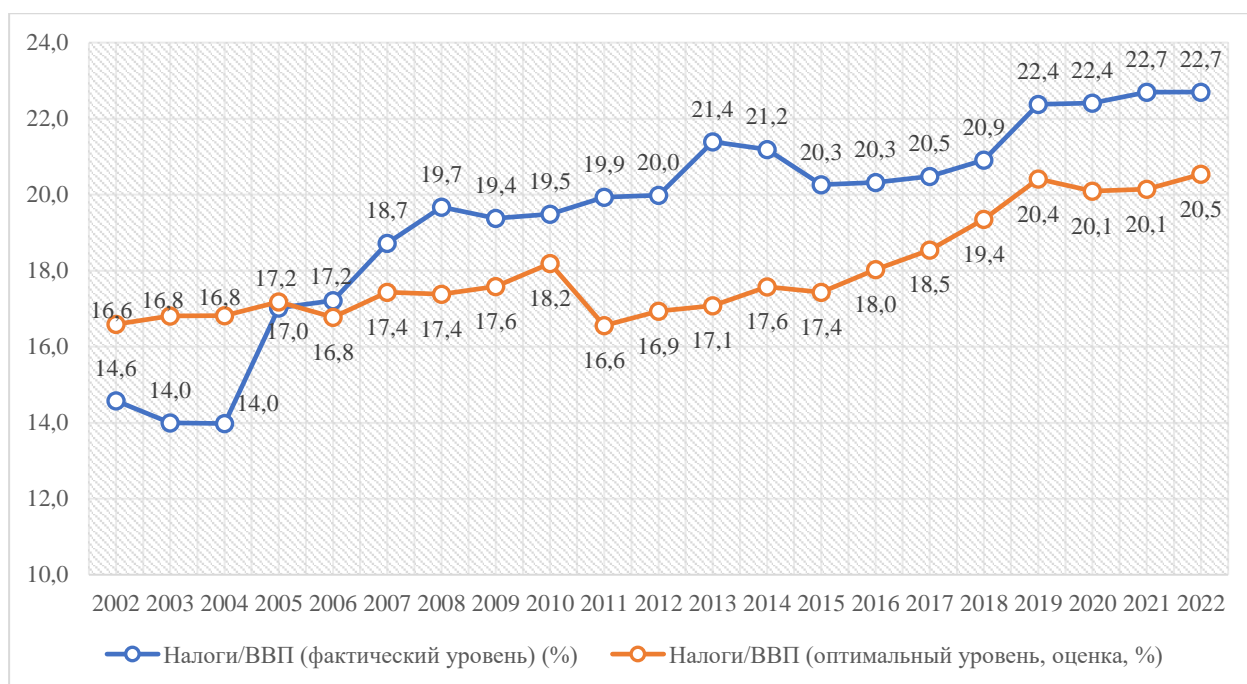

Рис. 2. Результаты оценки оптимальной налоговой нагрузки в соответствии с целями устойчивого развития на примере Республики Армения (% , усредненное значение)

В контексте решения проблем, рассматриваемых в рамках данного анализа, по нашему мнению, политикам необходимо сосредоточиться в рамках экономической политики не только на финансировании расходных потребностей и чисто количественном и объемном расширении экономических программ за счет чистого расширения налоговой нагрузки, но и на совершенствовании каркаса социальных и институциональных столпов, рассматриваемых в контексте панельной регрессионной оценки, за счет структурных реформ и повышения эффективности расходов, что позволит не только «экстенсивно» улучшить уровень фактической налоговой нагрузки, но и сделать акцент на динамическом улучшении оптимального уровня налоговой нагрузки в соответствии с столпами устойчивого развития.

В рамках данного исследования были изучены динамические связи и взаимодействия между макроэкономическими фундаментальными факторами и столпами повестки дня устойчивого развития, в частности экономическим ростом, социальной стабильностью и экологическими факторами, а также разработаны подходы, применение которых обеспечит инклюзивность экономического роста, с одной стороны, и реализацию целей устойчивого развития, с другой.

Согласно результатам исследования, фактический, а также предполагаемый оптимальный уровень налоговой нагрузки прямо пропорционален уровню развития страны в зависимости от доходной группы. Согласно результатам исследования, расчетный уровень оптимальной налоговой нагрузки, соответствующий целям устойчивого развития, составляет в среднем 13% для стран с низким уровнем дохода, 19% – для развивающихся стран и стран со средним уровнем дохода и 33% – для развитых стран. При этом в странах со средним уровнем дохода, к которым относится и Республика Армения, соотношение фактического и оптимального уровней налоговой нагрузки зависело от стадии экономического цикла, на которой находилась страна. В Армении в докризисный период фактический уровень налоговой нагрузки превышал оптимальный уровень, в посткризисный период эти показатели практически сравнялись, однако в последующий период (2017-2022 гг.)

оптимальный уровень оказался ниже фактического. Это явление может служить сигналом для политиков в странах данной группы доходов, поскольку процессы экономического развития также подразумевают последовательный рост налоговых поступлений, а отсутствие сопоставимого роста может указывать на уклонение от уплаты налогов в экономике, увеличение налоговых льгот или преимущественный рост структурно необлагаемых налогом секторов.

Список источников

1. Nijkamp P., Poot J. Meta-analysis of the effect of fiscal policies on long-run growth // Eur. J. Polit. Econ. 2004. Vol. 20, № 1. P. 91–124.
2. Zagler M., Dürnecker G. Fiscal policy and economic growth // J. Econ. Surv. Wiley Online Library, 2003. Vol. 17, № 3. P. 397–418.
3. Johansson Å. et al. Taxation and Economic Growth. OECD Publishing, 2008.
4. Greiner A., Fincke B. Public debt, sustainability and economic growth. Springer International Publishing, 2016. P.166.
5. Stiglitz J.E. How to restore equitable and sustainable economic growth in the United States // Am. Econ. Rev. 2016. Vol. 106, № 5. P. 43–47.
6. Ostry J.D., Berg A.M., Tsangarides C. Redistribution, inequality, and growth. International Monetary Fund, 2014.
7. Borissov K., Hashimzade N. Fiscal policy and inequality in a model with endogenous positional concerns // J. Math. Econ. 2022. Vol. 103. P. 102765
8. Gale W. G. Raising revenue with a progressive value-added tax // Tackling Tax Code Effic. Equitable Ways to Raise Revenue. 2020.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономика современного государства во многом зависит от уровня развития его внешнеэкономических связей, характеризующихся интенсивностью и стабильностью экономических отношений с другими странами или хозяйствующими субъектами, включая торговлю, инвестиции, производственную кооперацию и валютно-финансовые операции. Даже несмотря на тот факт, что современный этап развития мировой экономики достаточно политизирован, внешнеэкономическая деятельность остается важнейшим условием и стимулом социально-экономического развития любого государства. Эта сфера отражается на многих отраслях и секторах народного хозяйства, оказывает существенное влияние на привлечение инвестиций, динамику в промышленности, темпы освоения инноваций.

Представленные в монографии авторские предложения и рекомендации направлены на развитие внешнеэкономической деятельности на постсоветском пространстве, особое внимание уделяется внешнеторговому сотрудничеству между странами-членами Евразийского экономического союза. Представлены и детально рассмотрены подходы к повышению внешнеторгового потенциала Российской Федерации и Республики Армении, проанализированы факторы, влияющие на развитие внешнеэкономических связей между странами.

В целом, поставленные цели и задачи были достигнуты авторским коллективом монографии, а рассмотренные стратегические вызовы и перспективы развития внешнеэкономических отношений на постсоветском пространстве будут интересны не только с научно-исследовательской, но и с практической стороны.

Научное издание

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Монография

Подписано в печать 20.10.2025. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 6,97. Тираж 300 экз. Заказ № 117.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40